МОЛОДОЙ

ГРАНДИССОНЪ,

СЛУЖАЩІЙ ДОПОЛНЕНІЕМЪ
КЪ ДѢТСКОМУ ЧТЕНІЮ.

Часть II.

МОСКВА,
въ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.

1794.

*
* *

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: Молодой Грандиссонъ, Часть II, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; по чему оная и напечатана быть можетъ. — Логики и Метафизики Профессоръ и печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ Ценсоръ,*

Андрей Брянцевъ.

МОЛОДОЙ ГРАНДИССОНЪ.

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Сентября 12.

Вотъ еще, матушка, новое доказательство умѣренности и великодушія моего друга! Нѣтъ, я не могу вамъ этого изобразить. Мнѣ кажется, что нѣтъ въ свѣтѣ такого благороднаго молодаго человѣка, какъ онъ.

Графъ де*** подарилъ Карлу, назадъ тому нѣсколько дней, прекрасную собаку рѣдкой породы. Молодой Фалькландъ, одинъ

изъ нашихъ сосѣдей, просилъ уже нѣсколько разъ ее у Графа. Но онъ ее не получилъ, для того что всякъ здѣсь знаетъ, съ какою жестокостїю онъ поступаетъ съ бѣдными своими собаками. Онъ только тѣмъ и веселится, чтобъ ихъ мучить, или стравливать, чтобъ онѣ другъ друга рвали. У этого Фалькланда собакъ уже съ двѣнадцать въ домѣ. Вы можетъ быть подумаете, что это вся его охота? О нѣтъ! онъ еще кормитъ премного разнаго рода животныхъ, а особливо кошекъ, обезьянъ и попугаевъ, съ которыми онъ проводитъ по половинѣ дня. Мнѣ кажется, что онъ долженъ быть весьма необширныхъ дарованїй, когда теряетъ время въ такихъ недостойныхъ упражненїяхъ, вмѣсто

сто

сто того, чтобъ употреблять его на изученіе наукъ и искуствъ. Хотя у него и сихъ животныхъ слишкомъ уже много, но онъ счелъ себя обиженнымъ, что Графъ, отказавши ему въ этой собакѣ, подарилъ ее другому, который у него ее и не просилъ. Чтожъ изъ этого вышло? Карлъ владѣлъ собакою не болѣе, какъ пятнатцать дней. Ее нашли мертвую подъ заборомъ. А вчера только мы узнали отъ Фальбландова слуги, что это онъ самъ отравилъ ее ядомъ изъ зависти. Охъ, какія чудовища есть въ людяхъ! Я говорю чудовища; но это слово еще не такъ сильно. Такъ, матушка; въ моихъ глазахъ всякъ тотъ чудовище, который лишаетъ другихъ того, чего самъ имѣть не можетъ, единствен-

но въ томъ намѣренiи, чтобъ имъ досадить. Но слѣдующiй разговоръ, который мы вчера ввечеру имѣли, Эдуардъ, Карлъ и я, прохаживаясь въ саду, ясно намъ покажетъ, какъ отмстилъ за сiю обиду любезный мой другъ.

Я оказалъ ему сожалѣнiе, что онъ лишился бѣдной собаки.

Мнѣ это также больно, сказалъ онъ. Я никогда не думалъ, чтобъ смерть собаки была для меня такъ чувствительна. Но она имѣла отмѣнный видъ, и начинала было ко мнѣ привязываться.

Эдуардъ.

Какое это гнусное дѣло со стороны Фалькланда! отравить невинную тварь! Я бы ему за

это

это никогда не простилъ, когдабы былъ на твоемъ мѣстѣ.

Карлъ.

Однакожъ должно ему простить, по крайней мѣрѣ, чтобъ не быть такъ злымъ, какъ онъ.

Эдуардъ.

Ты очень добръ, братецъ. Что касается до меня, то я его смерть какъ ненавижу.

Карлъ.

А я его не ненавижу, но презираю его характеръ. Особливо мнѣ жалко, что онъ имѣетъ столь жестокія и поносныя страсти. Умертвить невинную тварь, единственно для того, чтобъ лишить его другаго, это такое жестокое хладнокровіе, отъ котораго можно дойти до самой ужасной крайности.

Эдуардъ.

Да онъ же еще третьяго дня называлъ себя твоимъ другомъ.

Карлъ.

Я и прежде зналъ, что не должно вѣрить пустымъ словамъ; и что должно весьма хорошо узнать человѣка, прежде нежели полагаться на его дружбу.

Эдуардъ.

Не уже ли ты не покоришься явно съ этимъ наглымъ человѣкомъ?

Карлъ.

Явно я никакъ не стану его обижать, и буду доволенъ только тѣмъ, чтобъ съ нимъ сколько можно рѣже видѣться. Знакомство молодаго человѣка, у котораго образъ мыслей только

подлъ, ни въ какомъ случаѣ мнѣ не приличенъ.

Эдуардъ.

О! этого, братецъ, не довольно. Хочешь ли ты, чтобъ я ему раскроилъ голову? Скажи мнѣ одно только слово...

Карлъ.

Этого слова я никогда не скажу. Голова его не возвратитъ мнѣ собаки.

Эдуардъ.

Ну такъ для насъ еще нѣчто остается. У Фальκланда есть двѣнатцать борзыхъ и гончихъ собакъ. Намъ только стоитъ ихъ отравить; то это будетъ довольно великое для него наказанїе.

Карлъ.

А бѣдныя собаки, чѣмъ онѣ виноваты?

Эдуардъ.

Да какъ же, развѣ ты хочешь оставить злость его безъ наказанія.

Карлъ.

Это до меня не касается. Я его не палачь. Довольно для меня и того, что его предаю угрызеніямъ собственной его совѣсти.

Эдуардъ.

Любопытно узнать, что объ этомъ скажетъ батюшка. Я теперь не удивляюсь, для чего онъ всегда старался удалить насъ отъ сообщества съ этимъ подлецомъ.

Карлъ.

Это доказываетъ, что батюшка умѣетъ проникать въ злое сердце; а я отъ того научаюсь, что въ выборѣ друзей всегда должно полагаться на со-

вѣтъ

вѣтъ родителей. Они имѣли болѣе опытовъ, нежели мы, и лучше могутъ отличать добрые и худые нравы. Я надѣюсь, что по ихъ благоразумнымъ совѣтамъ мнѣ можно будетъ сохранить себя отъ всякихъ опасныхъ связей, могущихъ меня развратить. Однакожъ, Эдуардъ, мнѣ кажется, батюшкѣ не за чѣмъ сказывать объ этомъ гнусномъ Фальклацдовомъ поступкѣ.

Эдуардъ.

Да за чтожъ его щадить?

Карлъ.

Хладнокровнымъ презрѣнiемъ можно больше его пристыдить, нежели жалобами.

Вильгельмъ.

Вотъ благородный образъ мыслей, любезный другъ.

Карлъ.

Этого, кажется, ужъ довольно: поговоримъ о чемъ нибудь поприятнѣе. Теперь прекрасный вечеръ. Не пойти ли намъ гулять въ поле?

Эдуардъ.

Погодите на минуту. Посмотри, посмотри! Не видишь ли ты чего на этомъ деревѣ?

Вильгельмъ.

Тамъ кажется птица. Какія необычайныя перья! Она бьется изо всѣхъ силъ.

Карлъ.

Конечно она тамъ увязла.

Эдуардъ.

О какое щастіе! Это попугай Фальклândовъ, который конечно улетѣлъ изъ клѣтки. Я его знаю. Онъ теперь въ нашихъ рукахъ: такъ пускай же

заплатитЪ за собаку. ФалькландЪ не отдалЪ бы его за десять гвиней. Это будетЪ для него хорошее наказанїе.

Карлъ.

О братецЪ! бѣдная птица страдаетЪ. ВильгельмЪ! сдѣлай милость, вели мнѣ принесть лѣсницу. Я взлѣзу на дерево, и освобожу нещастную птицу.

Эдуардъ.

Конечно для того, чтобЪ отдать ее, можетЪ быть, Фалькланду?

Карлъ.

БезЪ сомнѣнїя, ибо она ему принадлежитЪ.

Эдуардъ.

ОнЪ погубилЪ твою собаку, а ты хочешь спасти его попугая.

Карлъ.

Карлъ.

Для чегожъ не такъ? Съ этого дня я буду считать за удовольствїе оказывать ему всякїя услуги за причиненное мнѣ зло.

Эдуардъ.

Однакожъ берегись. Тебѣ никогда не случится такого способнаго времени къ отмщенїю.

Карлъ.

Съ моей стороны я почитаю за отмщенїе показать ему, что мое сердце благороднѣе его.

Эдуардъ.

О! конечно. Онъ очень можетъ его чувствовать.

Карлъ.

Въ семъ случаѣ я это дѣлать буду для собственнаго своего удовольствїя.

Я кричалъ садовнику, чтобъ онъ принесъ лѣсницу. Въ эту минуту онъ къ намъ пришелъ. Карлъ самъ взлѣзъ на дерево, на которомъ попугай увязъ между двумя вѣтьвями. Онъ его освободилъ, и тотчасъ побѣжалъ сказать лакею, чтобъ онъ отнесъ его къ молодому Фалькланду.

Что ты думаешь о моемъ братѣ, сказалъ мнѣ Эдуардъ, увидя, что онъ такъ скоро ушелъ?

Можно ли его, отвѣчалъ я, бранить за такое великодушіе?

— Конечно нѣтъ. Но я еще чувствую себя неспособнымъ подражать ему.

— Это зависитъ отъ насъ однихъ, когда имѣемъ тому такой примѣръ.

Карлъ

Карлъ скоро къ намъ возвратился. На лицѣ его изображалось пріятное удовольствіе. Я никогда столь живо не чувствовалъ, какъ пріятно дѣлать добро. Сдѣлайте милость, матушка, прячьте всѣ мои письма, чтобъ я, пріѣхавши домой, прочитывалъ ихъ нѣсколько разъ. Я бы никакъ не былъ достоинъ имѣть у себя такого друга, когда бы его поведеніе не вселяло въ меня желанія и силъ пользоваться хорошими его примѣрами. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ они были извѣстны всѣмъ молодымъ людямъ нашихъ лѣтъ. Естьли можно имѣть столько удовольствія въ чтеніи хорошихъ примѣровъ другихъ людей, то сколь бы несравненно было пріятнѣе подавать ихъ самимъ! Такъ, матуш-

тушка, эта мысль находится въ глубинѣ моего сердца; и я питаю ее съ радостiю, чтобъ со временемъ сдѣлаться болѣе достойнымъ вашей любви. Цѣлую сестрицу черезъ раздѣляющее насъ пространство моря. Ей, думаю, непротивно будетъ, когда я еще поцѣлую ее: для того что одинъ разъ цѣлую ее за Эмилiю, а другой за себя.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Сентября 16.

Вчера, матушка, мы присутствовали при собиранiи плодовъ. Воздухъ былъ чистъ, небо свѣтло, и по всей деревнѣ слышны были одни только пѣсни, да свирѣльки и гудки. Весьма прiятно видѣть, какъ садовники

ники въ бѣлыхъ одеждахъ на зеленыхъ деревьяхъ лазятъ по самымъ высокимъ вѣтьвямъ, и срываютъ съ нихъ плоды, между тѣмъ какъ ихъ матери, жены и дочери собираютъ ихъ въ свои передники, а по томъ кладутъ въ корзины. Мы и сами были заняты срыванїемъ плодовъ съ низкихъ вѣтьвей, которыя только могли достать руками. Эта работа представляла родъ праздника, исполнявшаго сердца удовольствїемъ.

Нѣкоторыя довольно худо одѣтыя дѣвочки смотрѣли на насъ черезъ заборъ. Одна изъ нихъ, когда мы перестали рвать, позвала къ себѣ садовника, и говорила ему что-то съ просительнымъ видомъ, обращая по времени взоры свои на моего друга. Карлъ это примѣтилъ;

но

но онъ подождалъ, покуда садовникъ пересталъ съ нею говорить. Тогда сдѣлалъ онъ ему знакъ рукою, чтобъ онъ къ нему подошелъ; и вотъ ихъ разговоръ, который вамъ изъяснитъ дѣло лучше, нежели всѣ мои слова.

Карлъ.

Чего тамъ у тебя просила дѣвочка съ такимъ трогательнымъ видомъ?

Садовникъ.

Сказать ли вамъ, баринъ? Всѣ знаютъ у насъ, что вы очень милостивы. Она меня просила сказать вамъ, чтобъ вы позволили дать ей нѣсколько плодовъ для больной ея матери.

Карлъ.

Такъ она проситъ ихъ для больной своей матери? О! это

добрая дѣвочка. Поди и дай ей столько яблокъ, сколько она понести можетъ. Мнѣ весьма пріятно наградить ее за любовь, оказываемую къ родителямъ.

Садовникъ.

Такъ я пойду, дамъ ей, которые поменьше и погнилѣе.

Карлъ.

Почемужъ ты выбираешъ для больной самыя хуждшія? Нѣтъ, братецъ, напротивъ того дай ей самыхъ лучшихъ.

Садовникъ.

Я боялся, не будетъ ли это вамъ противно.

Карлъ.

Развѣ ты мнѣ не сказывалъ, что въ этомъ году самой большой урожай на яблоки?

Са-

Садовникъ.

Это правда, наши амбары полны будутъ.

Карлъ.

Ну такъ за урожай, отъ Бога намъ ниспосланной, должно хоть малую часть удѣлить для неимущихъ.

Садовникъ.

О баринъ, какой ты доброй! Не напрасно тебя всѣ любятъ и почитаютъ. Ты благость Божїя на землѣ. Я тебя послушаюсь, и знаю, что все то, что ты дѣлаешь, всегда похваляется твоимъ батюшкою.

Садовникъ тотчасъ побѣжалъ исполнить его приказанїе. Эдуардъ слышалъ Карловъ разговоръ; онъ подошелъ къ нему, и сказалъ: я не могу тебя хулить за твою щедрость; но

для меня то несносно, что этотъ простой народъ всегда чего нибудь проситъ.

Карлъ.

О братецъ! естьли бы они не просили насъ о своихъ нуждахъ, то имѣли ли бы мы вниманіе на ихъ бѣдность? Мы всякой день просимъ отъ родителей тысячу излишнихъ вещей: такъ пускай бѣдные люди просятъ насъ хоть о самыхъ крайнихъ своихъ нуждахъ.

Эмилія.

Карлъ говоритъ правду. Не ужасно ли бы это было, когда бы мы имѣли всякіе излишки, а бѣдные лишены были и самыхъ крайнихъ необходимостей? Ввечеру я скажу матушкѣ, въ какомъ состояніи находится мать этой бѣдной дѣвочки; я хоч-

точно увѣрена, что она подастъ ей помощь.

Г. Бартлетъ, который, подходя къ намъ, слышалъ послѣднія слова Эмиліи, похвалилъ ее за ея человѣколюбіе. Карлъ спросилъ его: не вредны ли яблоки для больнаго? Конечно нѣтъ, отвѣчалъ Г. Бартлетъ, а особливо когда они созрѣютъ. Эти плоды, почти всякому свойственные темпераменту, тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что можно ихъ сохранить въ большую часть года. Вотъ какова премудрость и благость Создателя, имѣющаго о насъ попеченіе и во время зимы, когда истощенная земля не въ состояніи уже производить пріятныхъ лѣтнихъ плодовъ.

Я всегда, матушка, пребуду благодаренъ къ Строителю

 міра,

міра, съ толикою любовію старающемуся о нуждахъ своихъ дѣтей. Но по нещастію сколько такихъ неблагодарныхъ дѣтей, которыя пожираютъ произведенія земли, не думая о благодѣтельной десницѣ, отъ коей они ихъ получаютъ? Боже меня сохрани, чтобъ я когда либо былъ въ числѣ такихъ дѣтей; я, который столько ему обязанъ за дарованіе мнѣ такой доброй матери! Такъ, матушка, вы бы меня и тогда заставили его любить, когда бы я только однихъ васъ имѣлъ въ семъ свѣтѣ. Позвольте мнѣ питать сіи чувства, и удостойте меня впредь своихъ милостей. Прошу ихъ у васъ для сестрицы и для себя; и первый поцѣлуй, который она получитъ отъ васъ, будетъ для меня зало-

гомъ

томъ всей вашей ко мнѣ любви, для того что самъ я не могу имѣть сего щастія.

P. S. Г. Грандиссонъ теперь только получилъ письмо отъ Графа де***, Оберъ-Каммергера Королевскаго, въ которомъ онъ проситъ его прислать ко двору молодаго Карла, но неизвѣстно за чѣмъ. Другъ мой завтра отправится въ Лондонъ съ Г. Бартлетомъ. Сколько я буду сожалѣть о его отсутствіи! Получа такую лестную привычку видѣть его повсеминутно, мнѣ должно будетъ проводить цѣлые дни, не видя его и не говоря съ нимъ ни слова! Да и кто знаетъ, на сколько времени онъ удаленъ будетъ отъ меня! Г. Грандиссонъ не безпокоится въ разсужденіи этой поѣздки. Письмо Графово весь-

ма привѣтливо, и ничего худа-го не предвѣщаетъ. Однакожъ я лишаюсь друга. Одна только мысль о его щастіи меня утѣшаетъ въ сей разлукѣ. Онъ обѣщался ко мнѣ писать. Съ какою радостію буду я къ вамъ, матушка, присылать списки со всѣхъ его писемъ!

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Сентября 20.

Посылаю къ вамъ, матушка, такъ какъ обѣщалъ, списокъ перваго Карлова ко мнѣ письма. Вы увидите въ намъ его приключенія, случившіяся съ нимъ на дорогѣ, и прибытіе его въ Лондонъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ него первыхъ объ немъ извѣстій. Сердце предвѣщаетъ мнѣ,

мнѣ, что онъ будетъ щастливъ. Вы можете судить объ этомъ по чрезмѣрному моему желанiю, съ какимъ буду васъ объ немъ извѣщать. Будучи исполненъ сею сладостною надеждою, я еще съ большею нѣжностiю обнимаю мысленно васъ и сестрицу.

---

*Карлъ Грандиссонъ къ Вильгельму Д***, своему другу.*

Сентября 18.

Не знаю еще, любезной другъ, что произведетъ наша поѣздка въ Лондонъ. Начало не такъ щастливо. Суевѣрные умы моглибы подумать, что это не предвѣщаетъ ничего хорошаго; но мы, любезный Вильгельмъ, получа отъ родителей благоразумнѣйшiя наставленiя, весь-

ма будемъ беречься приходить въ печаль отъ сихъ тщетныхъ предвѣстниковъ.

Едва ли мы проѣхали отъ дому нѣсколько миль, какъ вдругъ одна лошадь остановилась, и не хотѣла далѣе итти. Извощикъ вздумалъ ее приневолить, ударивъ сильно разъ съ двацать кнутомъ; что весьма для меня больно было, ибо я не могу терпѣть, чтобъ жестоко поступать съ такимъ тихимъ и полезнымъ животнымъ. Скоро однакожъ примѣтилъ онъ, что лошадь хромала отъ подковки, и что это была не ея вина. Должно было ѣхать тихо до первой станціи. Тутъ дали намъ свѣжихъ лошадей, которыя сперва скоро было насъ повезли; но на половинѣ дороги отъ великихъ выбоевъ вдругъ

пере-

переломилось въ нашей колякѣ колесо. По щастiю не случилось съ нами никакой бѣды. По близости не было никакого селенiя; и должно было рѣшиться слѣзть съ коляски и итти пѣшкомъ. Для меня это нещастiе все было бы сносно; но въ разсужденiи достойнаго нашего друга, Г. Бартлета, оно мнѣ весьма было больно. Холодъ и влажный воздухъ, такъ какъ и усталость отъ шествiя, очень меня безпокоили въ разсужденiи его здоровья. Солнце было уже на Западѣ; и мы шли медленно съ нашимъ лакеемъ, Генрихомъ. Дождь началъ тотчасъ итти самой сильной. Наконецъ, полчаса спустя, мы усмотрѣли на правой сторонѣ маленькой домикъ не далеко отъ большой дороги. Насъ встрѣ-

тилъ тамъ честный земледѣлецъ, согбенный подъ бременемъ трудовъ и лѣтъ; и добрая его жена, которая была почти немоложе его. Сіи старики и дѣти ихъ приняли насъ весьма благосклонно. Старшіе сыновья тотчасъ побѣжали за мастеромъ въ ближнія селенія; вмѣстѣ пошли къ коляскѣ помочь извощику въ ея поправкѣ. Работа кончилась уже очень поздо, и мы не могли пуститься въ путь, но рѣшились препроводить ночь въ этой бѣдной хижинѣ, которая въ семъ случаѣ показалась мнѣ такъ же хорошею, какъ и богатыя палаты. Между тѣмъ, какъ молодая дѣвушка приготовляла намъ простой столъ, государи мои! сказалъ намъ старикъ, не безпокойтесь ни о

чемъ;

чемъ; мы вамъ уступимъ свою постель, на которой вы можете насладиться покоемъ, нужнымъ для продолженія вашего пути. Г. Бартлетъ не хотѣлъ было согласиться на сіе предложеніе; но нашъ хозяинъ и его жена наконецъ убѣдили его къ тому. Послали только два прибора на столъ. Г. Бартлетъ это примѣтилъ, и сказалъ имъ: развѣ вы уже ужинали, друзья мои? — Нѣтъ еще, милостивый государь. — Ну, такъ сядемъ вмѣстѣ: ужинъ будетъ веселѣе. — Мы этого, сударь, не смѣли, отвѣчалъ старикъ, но когда приказываете, то мы васъ послушаемъ. Деревенской ужинъ тотчасъ былъ приготовленъ на столѣ. Добрый кусокъ жаркого, блюдо салаты, масло, сыръ и нѣсколько плодовъ, вотъ

все, что было: но повѣрь мнѣ, что я никогда лучше не ужиналъ. Спалъ я во всю эту ночъ очень крѣпко, такъ что Г. Бартлету трудно было меня разбудить. У насъ былъ прекрасный тепер завтракъ; и я написалъ это къ тебѣ письмо въ тѣ минуты, когда Г. Бартлетъ пошелъ поблагодарить за угощенïе нашихъ хозяевъ. Должно тебя оставить, но послѣ перваго нашего визита Графу, я постараюсь тебя увѣдомить о себѣ. Свидѣтельствую нижайшее почтенïе батюшкѣ и матушкѣ, и нѣжную любовь братцу и сестрицѣ.

Цѣлую тебя, и остаюсь по всю жизнъ

Карлъ Грандиссонъ.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Сентября 23.

Я вамъ сказывалъ, матушка, что я васъ увѣдомлю о щастіи Карловомъ. Вотъ списокъ письма его ко мнѣ и Бартлетова къ Г. Грандиссону. Я едва ли успѣю ихъ переписать до почты. Однакожъ весьма бы желалъ изобразить вамъ радость, которую сердце мое чувствуетъ. Я только теперь самъ себѣ говорю: какое щастіе видѣть друга своего въ благополучіи, и увѣдомлять о немъ матушку!

---

*Карлъ Грандиссонъ къ Вильгельму Д*** своему другу.*

Лондонъ. Сентября 21.

Могъ ли ты когда нибудь вздумать, любезный другъ, какая бы была цѣль моей поѣздки въ этотъ

городъ? О! конечно нѣтъ, ибо я и самъ еще не смѣю тому вѣрить. И такъ знай, что я пріѣхалъ сюда по приказанію Короля, который удостоилъ меня титломъ Графа, и почтилъ отличнымъ мѣстомъ подлѣ своихъ дѣтей. Не знаю, чѣмъ я заслужилъ такія почести. Хотятъ меня увѣрить, что я ими обязанъ своему поведенію. Но мнѣ кажется, что въ разсужденіи сего я исполнялъ одну только свою должность, которая сама по себѣ не заслуживаетъ награжденія. И такъ я считаю все это совершенно единою милостію Бога, желающаго наградить меня за добродѣтели достойныхъ моихъ родителей. Для нихъ, а не для себя, я тому радуюсь. Г. Бартлетъ пишетъ къ батюшкѣ; ты

безъ

безъ сомнѣнія услышишь его письмо. А я едва ли имѣю время увѣрить тебя, что пребываю къ тебѣ на всю жизнь вѣрный

другъ,

Карлъ Грандиссонъ.

Г. Бартлетъ къ Г. Грандиссону.

Милостивый государь
и любезный другъ!

Какое щастливое скажу я вамъ извѣстіе! и какъ сердце Гжи. Грандиссонъ будетъ трепетать отъ радости! Вашъ любезный сынъ. . . . О! вы весьма заслуживаете милости Божіи, награждающія его за хорошее поведеніе. Я вамъ всегда говорилъ, что онъ опредѣленъ къ тому; чтобъ приносить вамъ во всю жизнь сладостное утѣшеніе,

быть еще столько молодымЪ, удостоиться милостей отЪ своего Государя, и видѣть себя отЪ всѣхЪ честныхЪ людей одобряемаго! ТакЪ, конечно, нѣтЪ никого, кто бы, его увидѣвши, не почелЪ достойнымЪ сего щастїя. Но я слишкомЪ уже долго держу васЪ вЪ недоумѣнїи о славной его участи. И такЪ знайте, что Король почтилЪ его титломЪ Графа, и доставилЪ ему мѣсто какЪ бы *ревнителя* при своихЪ дѣтяхЪ. ГрафЪ де***, коего жена доводится сестрою Маїору Артуру, сохраненному КарломЪ отЪ смерти, представилЪ вашего сына Его Величеству подЪ такими выгодными красками, и столь хорошо засвидѣтельствовалЪ ему о его разумѣ, познанїяхЪ и чувствованїяхЪ, что

Ко-

Король пожелалъ его увидѣть; и при первомъ съ нимъ свиданïи осыпалъ его сими милостями.

Графъ, введшïй Карла къ Его Величеству, и оставшïйся съ нимъ при семъ свиданïи, говоритъ, что онъ никогда не видалъ, чтобъ Король принялъ кого съ такимъ благосклоннымъ видомъ. Король самъ представилъ его своимъ дѣтямъ, призвавши ихъ къ себѣ; а вашъ любезный сынъ отвѣчалъ на всѣ ихъ вопросы съ почтительнымъ непринужденïемъ и благородными чувствованïями, которыя удивительны въ его лѣтахъ. Молодые Принцы тотчасъ хотѣли его оставить при себѣ; но онъ самъ сказалъ, что имѣетъ нужду препроводить еще нѣсколько времени въ домѣ своего родителя, и воспользовать-

ся его наставленіями, дабы сдѣлаться достойнѣе наложенной на него должности.

Вышедши онъ мнѣ признался, что еще и другую причину имѣлъ требовать сей отсрочки: то есть, что какъ другу его Вильгельму остается только три мѣсяца проводить въ Англіи, то ему весьма жалко разстаться съ нимъ прежде сего времени. И такъ вы видите, что присутствіе духа никогда его не оставляетъ, и прелести щастія не могутъ привесть ему въ забвеніе должностей дружбы.

Графъ даетъ въ сей день большей столъ въ честь вашего сына. Карлъ принималъ поздравленія съ такимъ же благопріятствомъ, какъ и благородствомъ. Похвалы, полученныя

имъ,

имъ, не родили въ немъ ни малѣйшаго знака гордости; и онъ всѣхъ прельстилъ любезными своими качествами. Не думайте, милостивый государь, чтобъ привязанность моя къ вамъ и вашей фамилiи заставляла меня говорить слишкомъ много о вашемъ сынѣ; я ссылаюсь въ томъ на письмо Графа, которое вѣрно онъ къ вамъ напишетъ.

Мы здѣсь еще пробудемъ пять или шесть дней для разныхъ надобностей; а по томъ опять привезу въ ваши объятiя предметъ вашей нѣжности.

Бартлетъ.

P. S. Графъ пришелъ ко мнѣ распечатать письмо, и велѣлъ вамъ объявитъ, что Эдуардъ съ сихъ поръ имѣетъ Капитанской чинъ въ томъ полку,

въ коемъ находится и Маïоръ Артуръ, который теперь пожалованъ Полковникомъ.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Сентября 26.

Я столько спѣшилъ, матушка, отослать вамъ скорѣе списокъ съ письма Карлова и Бартлетова, что и не успѣлъ сказать вамъ моихъ мыслей о щастіи моего друга. Чувствую, что нынѣ я и письма бы не кончилъ, естьли бы сталъ говорить вамъ о всѣхъ своихъ мысляхъ. Мнѣ легче и пріятнѣе постараться изобразить вамъ, сколько я былъ чувствителенъ къ вспоминовенію его о нашей дружбѣ. Какъ! для того только, чтобъ не разстаться со мною преж-

прежде назначеннаго мнѣ времени, противиться желаніямъ молодыхъ Принцовъ, и пожертвовать мнѣ тѣми удовольствіями, коими бы онъ могъ наслаждаться съ тѣхъ поръ при дворѣ! Ахъ! онъ принесъ сію жертву не для неблагодарнаго! Вы знаете, матушка, какъ я его люблю! Во всѣхъ моихъ письмахъ вы видѣли, сколько я вамъ говорилъ о своей любви къ нему! И такъ знайте, что онъ для меня сталъ еще въ тысячу разъ милѣе. Довольно я чувствовалъ съ самаго его отсутствія, сколько онъ нуженъ для моего щастія. Не смотря на всѣ ко мнѣ ласки Г. и Гжи. Грандисонъ, не смотря на дружбу Эдуарда и Эмиліи, вижу я, что всякую минуту чего-то мнѣ не достаетъ. Мнѣ кажется, что

жизнь моя только половина жизни. Теперь я утѣшаюсь только тѣмъ, что все дѣлаю для него. Такъ, матушка, всѣ работы, которыя мы дѣлали вмѣстѣ, я теперь исполняю одинъ, чтобъ отсутствіе его не дѣлало никакой остановки. Я вскопалъ его садъ, и украсилъ его цвѣтами, какіе теперь родятся; пускай онъ увидитъ по возвращеніи своемъ, старался ли я о томъ, что ему приноситъ такое удовольствіе. Я продолжалъ срисовывать для него архитектурныя картины, имъ начатыя. Онѣ не такъ хороши, какъ его; но онѣ лучше моихъ собственныхъ. Я увѣренъ, что дружба его извинитъ слабость моей руки, и что онъ ихъ помѣститъ съ радостію въ своемъ кабинетѣ. Я также списываю

на

на его музыкальныхъ книжкахъ новыя пѣсни, какія только мы получили по его отъѣздѣ. Я привелъ въ порядокъ книги въ его библіотекѣ, не переставалъ кормить его птицъ, и даю иногда что нибудь бѣднымъ, къ нему приходящимъ; словомъ сказать, стараюсь дѣлать все то, что бы онъ самъ дѣлалъ. Теперь то я почувствовалъ болѣе всего, сколько трудолюбіе, какъ и вы часто мнѣ говаривали, нужно ко разгнанію скуки и печали. Какъ бы я былъ жалокъ, естьли бы мнѣ случилось жить во все это время безъ всякаго упражненія! Я старался не оставлять въ цѣлой день ни одной минуты праздной, чтобъ она не заняла меня печалію. Въ знакъ того, посылаю къ вамъ

переводъ мой, подъ заглавіемъ: *Выгоды трудолюбія.*

Прощайте, матушка: когда мой другъ далеко отъ меня, то ваша разлука для меня вдвое чувствительна. Я утѣшаюсь только тѣмъ, что вы меня любите, такъ какъ и я васъ.

Выгоды

Трудолюбія.

Г. Дорвиль, богатый фабрикантъ, былъ врагъ всякой праздности. Онъ не только самъ посвящалъ на работу цѣлой день, но и всѣхъ людей въ домѣ не оставлялъ безъ дѣла. Будучи благодѣтеленъ къ тѣмъ, которымъ слабость или лѣта не позволяли болѣе работать, онъ былъ немилосердъ къ тѣмъ грубымъ волокитамъ, которые ни-

нищенствовали у его воротъ. Онъ спрашивалъ у нихъ, для чего они не работаютъ; и когда они извинялись въ томъ, что не находятъ себѣ нигдѣ мѣста, то онъ ихъ заставлялъ работать въ своихъ фабрикахъ; но коль скоро кто однажды ему отказывалъ, то не должно было болѣе показываться предъ его глазами.

Онъ ни развязывалъ, ни завязывалъ кипки товаровъ, не принудивши Франциска и Роберта, своихъ дѣтей, работать съ нимъ вмѣстѣ. У него за домомъ былъ довольно большой садъ. Лѣтомъ заставлялъ онъ здѣсь дѣтей своихъ работать при садовникѣ; а зимою давалъ имъ сшивать книги или точить на токарномъ станкѣ.

Три его дочери также не могли быть праздными. Онѣ обязаны были дѣлать всякія работы, приличныя ихъ полу.

Чтобъ возбудить и поддержать ихъ ревность, Г. Дорвиль платилъ всякому за работу, и старался давать тому особенное награжденіе, кто отличился дѣятельностію. Симъ-то образомъ только дѣти могли доставать себѣ денегъ на забавы и разныя свои покупки.

Никогда не слыхано было между ними худыхъ условій или ссоръ. Они были совершенно здоровы, и всякой день имѣли новое удовольствіе наслаждаться плодами своихъ трудовъ.

Естьли мальчики приносили сестрамъ своимъ пучокъ гвоздики или гіацинтовъ, сорван-

рванныхъ на своей землѣ, то получали отъ нихъ взаимно вышитыя манжеты, кошельки, коробочки или ящички изъ тростника, которыя были дѣло рукъ ихъ. Естьли они представляли къ десерту нововыростшіе плоды на посаженныхъ ими деревьяхъ, то они имѣли удовольствіе слышать отъ родителей за то похвалу, состоявшую въ томъ, что они говорили своимъ друзьямъ, отъ кого они сіи плоды получили. Тогда всякъ бралъ свою рюмку, и пилъ за здоровье маленькихъ садовниковъ.

Всякой годъ особенно праздновали семь дней; то есть день рожденія всякаго дитяти и день рожденія отца и матери. Тутъ примѣчательна была ревностная любовь и радость.

Особ-

Особливо въ день рожденія родителей дѣти, будучи возбуждаемы похвальною ревностію, старались превзойти другъ друга въ изъявленіи своей благодарности. Мальчики представляли имъ разныя выдѣланныя коробочки, или другія игрушки изъ слоновой кости и изъ эбеноваго дерева, которыя они вытачивали на токарномъ станкѣ. Дѣвочки предлагали разное шитье, которое дѣлали для нихъ втайнѣ. Отецъ и мать, какъ можно себѣ легко представить, не забывали отвѣтствовать на сіи подарки. Они обыкновенно дѣтямъ своимъ давали столъ, къ которому также приглашали и малолѣтныхъ ихъ друзей Праздникъ обыкновенно оканчивался баломъ, въ которомъ сіе живое юношество, музы-

музыкою возбуждаемое, плясало съ восхищенiемъ: а родители радовались, видя натуральныя ихъ прiятности и дѣтскую ихъ веселость.

Кто бы могъ подумать, чтобъ сiи дѣти когда нибудь наскучили такимъ родомъ жизни? Однакожъ это случилось. Францискъ пошелъ однажды посѣтить маленькихъ своихъ двоюродныхъ братьевъ. Онъ пришелъ домой съ задумчивымъ видомъ. Отецъ его, познавши изъ нѣсколькихъ его запутанныхъ словъ причину его печали, сперва показался, будто того не примѣтилъ. Однакожъ, какъ Францискъ и на завтрешнiй день былъ также печаленъ, то Г. Дорвиль, пошедши съ нимъ послѣ обѣда въ одну вновь насаженную рощицу,

имѣлъ

имѣлъ съ нимъ слѣдующїй разговоръ:

Г. Дорвиль.

Что съ тобою сдѣлалось, любезный Францискъ? Меня безпокоитъ печальный твой видъ.

Францискъ показывая; будто смѣется.

Это, батюшка, ничего.

Г. Дорвиль.

Улыбайся, какъ хочешь; ты не имѣешь обыкновенной своей веселости.

Францискъ.

Въ этомъ не льзя не признаться.

Г. Дорвиль.

Развѣ ты имѣешь какую причину печалиться?

Францискъ.

О, коли бы я смѣлъ вамъ сказать!...

Г. Дорвиль.

Не ужъ ли ты боишься открыть мнѣ свое сердце? Развѣ я твой не другъ?

Франциско.

Вы можетъ быть будете меня бранить за это.

Г. Дорвиль.

Мнѣ тебя бранить? Ты знаешь, что это не мой характеръ, ни мои основанія.

Франциско.

Правда, батюшка; но оставьте мнѣ мою тайну.

Г. Дорвиль.

За чѣмъ же, когда она тебя огорчаетъ?

Франциско.

Можетъ быть вы не захотите помочь мнѣ въ моей печали.

Г. Дорвиль.

Такъ ты думаешь, что мнѣ лучше тебя видѣть печальнымъ, не-

нежели веселымъ? Мнѣ казалось, что ты не такъ думаешь о моей любви.

Франциско.

Что вы это, батюшка, говорите! Нѣтъ, нѣтъ, вы не имѣете большаго удовольствія, какъ видѣть насъ веселыми.

Г. Дорвиль.

И такъ я не вижу, что тебѣ мѣшаетъ быть ко мнѣ довѣреннымъ. Ну, помиримся! Разскажи мнѣ свою печаль; а я обѣщаюсь сдѣлать тебѣ все то, что въ силахъ моихъ будетъ къ разгнанію ея.

Франциско.

Хорошо батюшка: когда вы хотите, то я долженъ вамъ объ ней сказать. Вы насъ держите на цѣпи, какъ невольниковъ, и заставляете работать съ утра до вечера. Посмотрите

те на братцовъ: имъ батюшка все позволяетъ. Развѣ мы не можемъ пользоваться тѣмъ же, чѣмъ и они?

Г. Дорвиль.

Какъ! любезный сынъ, это то тебя безпокоитъ? Нѣтъ ничего легче, какъ тебя удовольствовать. Боже сохрани, чтобъ я тебя заставлялъ работать не по твоей волѣ: ты можешь покоиться до тѣхъ поръ, пока самъ не придешь ко мнѣ просить приняться за свои упражненія.

Францискъ, будучи доволенъ симъ позволеніемъ своего отца, употребилъ остатокъ дня на бѣганіе по саду.

Г. Дорвиль всякой день вставалъ поутру рано; и когда утро было хорошо, то прогуливался по полю съ тѣмъ изъ своихъ

дѣтей, кто наканунѣ былъ всѣхъ смирнѣе и прилѣжнѣе.

На завтрешнїй день послѣ сего разговора, аврора взошедши возвѣстила прекрасное утро. Г. Дорвиль готовился пойти гулять. Францискъ это услышалъ; и хотя самъ въ себѣ чувствовалъ, что совсѣмъ недостоинъ итти гулять съ отцемъ, но вдругъ вскочилъ съ постели, и побѣжалъ просить у него позволенїя вмѣстѣ съ нимъ итти. Г. Дорвиль охотно на то согласился. Они сѣли на холму, съ котораго видно было прекрасное окрестное поле. Это было въ первые весеннїе дни. Луга, которые за мѣсяцъ предъ тѣмъ были еще погребены подъ снѣгомъ, въ то время блистали смѣющеюся зеленью. Деревья въ лѣскахъ покрылись

нѣ-

нѣжными листьями: рощи были украшены бѣлыми и пурпуровыми цвѣтами. Слухъ не былъ болѣе пораженъ бурнымъ свистанїемъ аквилона: въ воздухѣ отдавалось одно только пѣнїе птицъ. Овцы и молодыя лошади скакали на зеленыхъ паствахъ. Землледѣлецъ прорывалъ борозды, и эхо повторяло радостныя его пѣсни. Множество путешественниковъ шли по окрестнымъ дорогамъ. Одни провождали большїя телѣги, наполненныя рожью, виномъ или товарами: другїе несли на плечахъ коробки съ травами и цвѣтами. Молодыя крестьянки казалось шли въ строю, увѣнчавъ свою голову сосудами съ молокомъ. Всѣ поспѣшно приближались къ городу, коего ворота предъ ними отворились.

Франциск, восхищенный сим зрѣлищем, почувствовал, что его сердце бьется от радости. Он бросился в объятія к своему отцу, и вскричал: ах батюшка! какое прекрасное утро! как я благодарен вам за удовольствіе, какое вы мнѣ теперь доставили!

Г. Дорвиль.

Еще бы лучше, когдаб всѣ наши друзья им наслаждались! Мнѣ досадно, что мы не зашли взять с собою двоюродных твоих братьев.

Франциск.

Ох! они еще в постели будут часа два, или три по крайней мѣрѣ.

Г. Дорвиль.

Возможно ли? так они проводят эту прекрасную часть дня в спаньѣ!

Фран-

Францискъ.

Я иногда хаживалъ къ нимъ въ девять часовъ: но они и въ это время только что продерутъ глаза.

Г. Дорвиль.

Конечно и въ этомъ случаѣ участь ихъ тебѣ завидна?

Францискъ.

Нѣтъ батюшка. Коли бы я такъ долго спалъ, то бы не имѣлъ теперешняго удовольствія.

Г. Дорвиль.

Вотъ выгода трудолюбія! Оно разбужаетъ насъ равно, чтобъ наслаждаться прелестями утра.

Францискъ.

Но развѣ не льзя вставать рано, не работавши?

Г. Дорвиль.

Чтожъ бы ты дѣлалъ?

Францискъ.

Я бы прохаживался то по одну, то по другую сторону. Нынѣ всходилъ бы я на высокой холмъ; завтра удалялся бы въ глубь рощи, а въ другой разъ садился бы на берегу рѣки.

Г. Дорвиль.

Очень хорошо, любезный другъ; но вить у насъ въ году 365 дней. Естьли вычислить изъ него всѣ холодныя и влажныя утра, то едва ли останется шестьдесятъ пять такихъ прекрасныхъ, какъ сегодняшнее. Пойдешь ли ты гулять поутру, когда на дворѣ туманъ, когда идетъ дождь или снѣгъ, либо дуетъ сильной вѣтеръ, и падаетъ иней и градъ?

Фран-

Францискъ.

Конечно нѣтъ; это негодное время скоро бы меня отвратило отъ охоты прогуливаться.

Г. Дорвилъ.

Чтожъ бы ты дѣлалъ прочїе триста дней, когда бы не работалъ?

Францискъ.

Не знаю.

Г. Дорвилъ.

И думаешь ли ты, что ты будешь очень щастливъ, не зная, что дѣлать?

Францискъ.

Нѣтъ, признаюсь вамъ; время бы мнѣ наскучило.

Г. Дорвилъ.

А не лучше ли бы работать съ бодростїю, нежели протирать себѣ глаза, зѣвать, тянуть руки, болтать, да вотъ такъ

 па-

падать на стулъ, какъ ты, когда наскучишь?

Францискъ.

Но я могу, батюшка, и безъ работы забавляться какою нибудь игрою.

Г. Дорвиль.

Ты знаешь, что я тебѣ никогда не запрещалъ забавляться. Но посмотримъ, трудолюбіе ли, или пустая разсѣянность приноситъ тебѣ истинное удовольствіе. Я весьма желаю, чтобъ дѣти мои столько были щастливы, сколько могутъ. Ты никогда не будешь работать, и всегда станешь играть, естьли докажешь мнѣ, что игры твои приносятъ тебѣ больше удовольствія, нежели трудолюбіе.

Фран-

Францискъ.

Берегитесь, батюшка, доказательство не тяжело.

Г. Дорвиль.

Посмотримъ; такъ и быть, подвергаюсь и опасности.

Францискъ.

Не примѣтили ли вы, что когда я играю, то скачу, смѣюсь, прыгаю, и дѣлаю разныя штучки? А когда работаю, то этого не бываетъ.

Г. Дорвиль.

При всемъ томъ я много разъ видѣлъ, что ты и работая забавляешься и смѣешься съ братомъ.

Францискъ.

Правда; но все не такъ, какъ когда играю.

Г. Дорвиль.

Ты не проводишь ни_одного дня, чтобъ не поиграть; можешь

жешь ли ты мнѣ показать что нибудь пріятное, оставщееся послѣ игры?

Франциск.

Нѣтъ, батюшка. Мнѣ остается одно только о ней воспоминаніе.

Г. Дорвиль.

А нѣтъ ли чего у тебя оставшагося послѣ работы?

Франциск.

Извините, батюшка. Въ саду у меня болѣе трехъ дюжинъ молодыхъ деревьевъ, которыя я самъ посадилъ и взростилъ. Всѣ мои гряды покрыты хорошею зеленью, а цвѣтники прекрасными цвѣтами.

Г. Дорвиль.

Все ли тутъ, другъ мой?

Франциск.

Нѣтъ еще, батюшка. Въ комнатѣ у меня ящикъ наполненъ

ненъ коробочками, и тысячею разными маленькими игрушками изъ слоновой кости и изъ эбеноваго дерева, которыя я самъ выточилъ на токарномъ моемъ станкѣ.

Г. Дорвиль.

Но на все это ты конечно теперь смотришь съ сожалѣнiемъ, что для нихъ пролилъ нѣсколько капель поту? Вотъ эти, говоришь ты, стоили мнѣ цѣлый день трудовъ.

Франциско.

О! хоть бы еще больше!

Г. Дорвиль.

Ну, чтожъ?

Франциско.

Когда я, батюшка, вижу, что ящикъ мой наполненъ плодами моихъ трудовъ, или когда я срываю пучокъ цвѣтовъ

для сестрицъ, или когда у меня есть хорошїе плоды и зелень, чтобъ поднести матушкѣ, то я столько считаю себя щастливымъ, что и не помню болѣе о потѣ и трудахъ, которыхъ они мнѣ стоили.

Г. Дорвиль.

Скажи же мнѣ, хотѣлъ ли бы ты теперь употребить на игры то время, которое провелъ въ обработанїи сада, или въ точенїи на токарномъ станкѣ?

Францискъ.

Конечно нѣтъ, для того, что отъ нихъ бы у меня теперь ничего не осталось.

Г. Дорвиль.

Покрайней мѣрѣ будешь объ нихъ помнить. Развѣ ты это почитаешь ни во что?

Францискъ.

Этого очень мало.

Г. Дорвиль.

Я думаю, ты такъ мыслишь, что игры до тѣхъ поръ веселы, пока забавляешься; и можешь признаться, что они не всегда такъ веселы, какъ тогда. Трудолюбіе, напротивъ того занявши васъ чѣмъ нибудь пріятнымъ, оставляетъ по себѣ сверхъ того полезное намъ удовольствіе. Чрезъ двацать слишкомъ лѣтъ ты найдешь для себя новое удовольствіе собирать плоды съ деревьевъ, посаженныхъ собственною твоею рукою, между тѣмъ какъ и не вспомнишь о вѣтреныхъ своихъ играхъ. Теперь суди, что приноситъ истинное удовольствіе, полезное ли трудолюбіе, или пустыя забавы?

Фран-

Франциск.

По вашему, батюшка, суду конечно не льзя противоречить, что трудолюбіе, а не игры, дѣлаютъ меня щастливымъ.

Г. Дорвиль.

Ты видишь, имѣю ли я право требовать отъ тебя трудолюбія. Естьлибъ я тебѣ сказалъ: поди, Францискъ, не дѣлай ничего. Я хочу, чтобъ ты проводилъ все время въ забавахъ; не было ли бы это нещастіемъ на всю твою жизнь?

Франциск.

Конечно, такъ. Всѣ игры стали бы для меня несносны.

Г. Дорвиль.

Но не пріятнѣе ли они тебѣ кажутся послѣ работы?

Франциск.

Признаться, что такъ.

Г.

Г. Дорвиль.

Тогда я самъ принуждаю тебя забавляться. Ты знаешь, что я иногда хожу звать твоихъ братьевъ и другихъ твоихъ товарищей къ тебѣ погулять. Развѣ ты позабылъ свои борьбы, бѣганья и другія игры?

Франциско.

Нѣтъ, батюшка, я ихъ очень помню. Вы всегда почти присутствуете при нихъ; и когда я выиграю, то вы всегда улыбаетесь.

Г. Дорвиль.

Право, ты очень часто выигрываешь.

Франциско.

Для того, что я всѣхъ моихъ товарищей сильнѣе; особливо двоюродные мои братья:

я бы не побоялся и противЪ обоихЪ ихЪ стать.

Г. Дорвиль.

Конечно они не столько стары, какЪ ты?

Франциск.

Да вить вы это знаете; меньшой старше меня годомЪ.

Г. Дорвиль.

ТакЪ конечно тебя лучше кормятЪ?

Франциск.

Извините, батюшка; они лучше ѣдятЪ вЪ будни, нежели мы вЪ праздники.

Г. Дорвиль.

Ну, такЪ я не вижу, отЪ чего бы ты былЪ сильнѣе, какЪ не отЪ трудовЪ.

Франциск.

Позвольте сказать, батюшка, что это невозможно; для

того

того что работа иногда такЪ меня разслабляетЪ, что я не могу двигнуться.

Г. Дорвиль.

Но скажи ты мнѣ, кто скорѣе всѣхЪ бѣгаетЪ.

Францискъ.

Скороходы.

Г. Дорвиль.

ОтЪ чего?

Францискъ.

ОтЪ того, что привыкли бѣгать.

Г. Дорвиль.

ОднакожЪ бѣганье ихЪ иногда утомляетЪ такЪ, какЪ работа тебя.

Францискъ.

БезЪ сомнѣнія.

Г. Дорвиль.

Но на завтра меньше ли они скоры, и ты меньше ли здоровЪ и веселЪ?

Франциск.

Нѣтъ, не меньше.

Г. Дорвиль.

Еще одно слово. Видалъ ли ты людей, которые крѣпче и здоровѣе, нежели другiе?

Франциск.

Конечно видалъ. На примѣръ нашъ кузнецъ; посмотрите на его руки, всѣ мускулы у него показываютъ крѣпость.

Г. Дорвиль.

А эту крѣпость отъ чего они получаютъ?

Франциск.

Что мнѣ вамъ сказать? Такой человѣкъ весь день нагибается надъ своею работою. Онъ съ дѣтства своего прiучается ворочать такимъ молоткомъ, какой я только что подыму.

Г. Дорвиль.

Какъ! развѣ ты думаешь, что онъ сильнѣе меня?

Францискъ.

О! я не хотѣлъ бы, хоть бы и самъ вамъ помогалъ, чтобъ вы съ нимъ схватились.

Г. Дорвиль.

Это меня еще увѣряетъ, что труды придаютъ силы человѣку. Вотъ кузнецъ работаетъ больше меня, и потому меня онъ здоровѣе. Ты работаешь больше, нежели двоюродные твои братья, и ты ихъ здоровѣе. Работа вѣрно что нибудь тутъ значитъ.

Францискъ.

Въ самомъ дѣлѣ я начинаю тому вѣрить.

Г. Дорвиль.

Ты теперь мнѣ говорилъ, что ихъ всегда кормятъ отмѣнно.

Франциск.

Да это и правда.

Г. Дорвиль.

Но мнѣ кажется, что у нихъ часто желудокъ болитъ.

Франциск.

Почти всегда.

Г. Дорвиль.

А твой чувствуетъ ли когда нибудь боль?

Франциск.

Никогда, батюшка. Вы знаете, что у меня всегда хорошій аппетитъ.

Г. Дорвиль.

Конечно; однакожъ иногда ты ѣшь еще съ большимъ аппе-

петитомъ: особливо, когда поработаешь въ своемъ саду.

Францискъ.

Это правда, я изрядно таки ѣмъ послѣ работы.

Г. Дорвиль.

Какъ же? работа укрѣпляетъ твои руки и желудокъ, и изощряетъ твой аппетитъ; а я стану запрещать тебѣ трудиться? Нѣтъ; лучше пускай мой сынъ дѣлаетъ честь моему столу, а не такъ, какъ разслабленные твои братья. Я не хочу, чтобъ его товарищи были его сильнѣе и скорѣе бѣгали, нежели онъ.

Францискъ.

Но мнѣ многїе, батюшка, говорили, что какъ вы столько богаты, то не должны насъ принуждать къ работѣ.

Г. Дорвиль.

Эти люди говорятъ, какъ безумные; и ты самъ былъ бы безуменъ, когдабъ имъ повѣрилъ. Естьлибъ ты въ постели былъ до девяти часовъ, могъ ли бы я тебѣ со всѣми моими деньгами принесть удовольствіе такимъ прекраснымъ утромъ?

Франциско.

Конечно нѣтъ.

Г. Дорвиль.

Нѣсколько лѣтъ ты можешь собирать плоды съ посаженныхъ тобою деревъ. По времени ты можешь дарить своихъ сестръ и друзей прекрасными игрушками, выточенными тобою на токарномъ станкѣ. Вотъ что тебѣ остается отъ работы, которая есть источникъ многихъ удовольствій, тысячу разъ воз-

возобновляющихся. Но всѣми моими деньгами могу ли я сдѣлать, чтобъ у тебя осталось что нибудь по окончанiи твоихъ игръ?

Францискъ.

Ахъ! нѣтъ, батюшка.

Г. Дорвиль.

Могу ли я наконецъ всѣмъ моимъ богатствомъ сдѣлать тебя здоровымъ, и желудокъ твой сохранить отъ разслабленiя?

Францискъ.

Еще менѣе.

Г. Дорвиль.

Смотри же теперь, сколько выгодъ отъ трудолюбiя: выгодъ драгоцѣнныхъ, которыхъ никакое золото въ свѣтѣ тебѣ доставить не можетъ.

Францискъ.

Правда ваша.

Г. Дорвиль.

Да и для чего у меня много золота? для того ли, чтобъ вы были щастливы, или для того, чтобъ были нещастливы?

Францискъ.

Конечно для того, чтобъ мы были щастливы.

Г. Дорвиль.

А кто щастливѣе? тотъ ли, кто все утро ворочается на постели, или тотъ, кто вставши при разсвѣтѣ, когда хорошо утро, можетъ итти прохаживаться по полю, и обозрѣвать восхитительныя красоты природы?

Францискъ.

Послѣднiй, безъ сомнѣнiя.

Г. Дорвиль.

Кто щастливѣе? тотъ ли, кто изнуряетъ свою жизнь пусты-

стыми забавами, коихъ иногда долженъ ожидать, и кои не всегда его увеселяютъ, и отъ коихъ ничего ему не остается; или тотъ, кто занимается пріятными трудами, отъ которыхъ ему остается тысяча удовольствій для последующаго времени?

Францискъ.

Все последній же.

Г. Дорвиль.

Не спрашиваю уже я у тебя: лучше ли имѣть крѣпкія руки, нежели разслабленные члены, свѣжій цвѣтъ лица, нежели блѣдный, хорошее здоровье, нежели непрестанныя слабости, и добрый аппетитъ, нежели неввареніе желудка.

Францискъ.

Въ этомъ нечего и сомнѣваться.

Г. Дорвиль.

ТакЪ ты вѣришь, что всѣ эти выгоды происходятЪ отЪ трудолюбія?

Францискъ.

Вѣрю.

Г. Дорвиль.

Ну, не былЪ ли бы я достоинЪ поруганія, естьли бы занявшись какими нибудь глупостями, пренебрегЪ то, чтобЪ возбуждать вЪ своихЪ дѣтяхЪ любовь кЪ трудолюбію, извиняясь своимЪ богатствомЪ? и всѣми богатствами не сдѣлалЪ ли бы я ихЪ нещастными?

Францискъ.

ТакЪ, чувствую. Я самЪ по глупости хотѣлЪ отстать отЪ трудовЪ. Но теперь пойдемЪ-те, батюшка; утро уже проходитЪ; нетерпѣливо желаю на-

начать снова обыкновенныя мои упражненія, и надѣюсь нарвать по изрядному пучку цвѣтовъ для сестрицъ, да прекрасной зелени съ грядъ моихъ для вашего завтрека.

Г. Дорвиль.

Пойдемъ, другъ мой; весьма радъ, что ты такъ уменъ. Это побудило меня посовѣтовать съ тобою объ одномъ для тебя важномъ дѣлѣ. Завтра выходи опять со мною.

На завтрешній день, Францискъ, будучи нѣсколько гордъ, и еще болѣе любопытствуя отвѣчать на требованіе своего отца, поспѣшилъ помочь ему въ своихъ совѣтахъ.

Долгое время, любезный сынъ, сказалъ ему Г. Дорвиль, ищу я, куда бы употребить вы-

год-

годно довольное число денегъ для дѣтей моихъ.

Франциско.

Вы очень, батюшка, къ намъ милостивы.

Г. Дорвиль.

И такъ мнѣ хочется спросить тебя: какъ ихъ выгоднѣе употребить?

Франциско.

Да ничего нѣтъ легче, батюшка: отдайте ихъ въ торговлю.

Г. Дорвиль.

Онѣ и теперь въ торговлѣ другъ мой; но я думаю, что ихъ должно вѣрнѣе утвердить за вами. Наше состоянїе подвержено весьма великимъ опасностямъ. Это я испытываю всякой день. Какое бы со мною ни случилось нещастїе, но мнѣ хо-

хочется такъ употребить нѣкоторую часть своего именія, чтобъ оная доставила вамъ на всю жизнь безбѣдное пропитаніе.

Франциск.

Мнѣ кажется можно на нихъ накупить домовъ?

Г. Дорвиль.

Естьлибъ только они не могли сгорѣть.

Франциск.

Такъ купите земли. Она по крайней мѣрѣ не сгоритъ.

Г. Дорвиль.

Конечно нѣтъ, но за нею надобно самому смотрѣть; а иначе она скоро запустѣетъ, и не будетъ доставлять тебѣ обыкновеннаго доходу, такъ что и съ большими своими помѣстьями можешь сдѣлаться бѣднымъ.

Франциск.

Не знаю же, батюшка, что болѣе вамъ совѣтовать.

Г. Дорвиль.

Иного средства, другъ мой, я не вижу къ употребленію этихъ денегъ въ безопасности отъ всѣхъ нещастій, какъ употребить ихъ такъ, чтобъ никогда не потерять.

Франциск.

Какъ же ихъ, батюшка, употребить такъ, чтобъ никогда не потерять?

Г. Дорвиль.

На примѣръ, естьли я ихъ употреблю на доставленіе вамъ полученныхъ познаній и достаточныхъ силъ къ пренесенію всѣхъ превратностей въ жизни, то въ какое состояніе судьба васъ ни поставитъ, вездѣ будете въ состояніи доставать

себѣ

себѣ нужное. Ты хорошо знаешь Ариѳметику, и ведешь коммерческія книги; ты умѣешь садить и ходить за деревьями; изрядно работаешь на токарномъ станкѣ; братъ и сестра твоя имѣетъ также свои дарованія. Но хотя мнѣ и много стоило доставить вамъ сіи познанія; однакожъ еще больше издержу на приведеніе ихъ въ совершенство. Послѣ того въ глазахъ моихъ вы будете гораздо богаче, нежели когдабы имѣли великое наслѣдство: ибо всѣ помѣстья можно потерять, а полезныя познанія навсегда останутся.

Францискъ.

Но позвольте сказать, батюшка: вить у васъ хорошая фабрика. Мнѣ кажется, что

съ нею мы никогда бѣдны не будемъ.

Г. Дорвиль.

Были люди гораздо богаче насъ, но теперь разорились. Нехудо заблаговременно приготовляться ко всѣмъ превратностямъ. Я вспомнилъ теперь маленькую исторійку, которая вѣрно тебѣ понравится.

Францискъ.

Посмотримъ, батюшка; весьма радъ слушать васъ.

Г. Дорвиль.

Одинъ молодой дворянинъ захотѣлъ жениться на нѣкоторой любви достойной дѣвицѣ. Онъ требовалъ ее себѣ въ замужство у ея отца, который ему такъ говорилъ: я съ охотою за васъ отдамъ дочь мою; но имѣете ли вы какой нибудь хорошій промыслъ, которымъ бы

бы могли содержать мою дочь и воспитать будущихъ своихъ дѣтей? Промыслъ, государь мой, отвѣчалъ ему дворянинъ? развѣ вы не знаете, что я имѣю съ вами въ сосѣдствѣ великой замокъ съ знатнымъ количествомъ земли? А болѣе ничего, сказалъ ему отецъ той дѣвицы? Замокъ вашъ можетъ сгорѣть, а земли могутъ быть опустошены; притомъ можетъ еще съ вами случиться тысяча злоключенiй, которыхъ теперь я не предвижу. Однимъ словомъ, ежели вы хотите обладать моею дочерью, то должны обучиться какому нибудь ремеслу, которое бы меня успокоило. Это условiе болѣе всего необходимо для нашего союза. Молодой дворянинъ тщетно хотѣлъ возпро-

тивиться сему предложенію; онъ не могъ перемѣнить мыслей отца обожаемой имъ дѣвицы. Что же было ему дѣлать? Онъ пошелъ въ ученики къ одному корзинщику; ибо думалъ, что сему художеству удобнѣе всего научиться можно; и не прежде получилъ молодую дѣвицу, пока не сдѣлалъ предъ глазами ея родителя весьма исправную корзинку, и еще другія разныя небольшія безделки изъ ивоваго дерева.

Въ первые годы своего супружества смѣялся онъ внутренно прозорливости своего тестя и чудному условію, которое онъ съ нимъ имѣлъ; но вскорѣ престалъ надъ тѣмъ насмѣхаться.

Война была объявлена. Непріятели взошли въ его провин-

винцїю. Они опустошили его жатвы, вырубили его лѣса, разорили его замокъ, разграбили все его имущество, и принудили его обратиться въ бѣгство со всею своею фамилїею. И такъ вдругъ нашъ богатой дворянинъ впалъ въ великую бѣдность. Онъ препроводилъ нѣсколько дней въ оплакиванїи горестной своей участи, провождая жизнь свою съ великимъ трудомъ небольшимъ числомъ денегъ, которыя у себя сохранилъ. — Сїе жалостное средство къ соблюденїю его жизни скоро изчезло. — Тогда-то вспомнилъ онъ о ремеслѣ, которому научился. Бодрость его опять оживотворилась, и онъ предался работѣ тѣмъ съ такимъ раченїемъ, что укрылся въ одинъ городъ, гдѣ прежнее его

состоянie не было извѣстно. — Жена его, приготовляя для своей фамилiи пищу, всегда ему въ его работѣ помогала, а дѣти ихъ продавали сдѣланныя коробочки и корзинки. Такимъ образомъ нашелъ онъ средство содержать весьма честно себя и свою фамилiю до самыхъ тѣхъ щастливыхъ минутъ, когда возстановленie мира дозволило ему вступить опять въ правленie его имѣнiя.

Сiя исторiя сдѣлала весьма живое впечатлѣнie на Франциска. Онъ разсказалъ ее въ тотъ же вечеръ своему брату и своимъ сестрамъ, которые равномѣрно были ею тронуты. Она подала имъ поводъ къ многочисленнымъ разсужденiямъ о способахъ сохраненiя жизни, въ которыхъ всякой имѣетъ нужду

ду для предохраненія себя отъ нечаянныхъ ударовъ судьбы. Ахъ! они того не предвидѣли, что вскорѣ сами должны были видѣть надъ собою сей нещастной примѣръ. Спустя нѣсколько времени, огонь истребилъ всѣ магазины господина Дорвиля, и всѣ строенія его фабрики были подняты на воздухъ, прежде нежели можно было имѣть отъ кого нибудь помощь, чтобы удержать сильное стремленіе пожара. Иной бы предался отчаянію отъ сего нещастія; но онъ напротивъ того тѣмъ болѣе подкрѣплялъ свое постоянство и усугублялъ свою дѣятельность. Всѣ его пріятели старались всячески ему помогать. Онъ щастливо пользовался такими случаями, также и своимъ реченіемъ, чтобы сыскать

способъ для поправленія своихъ убытковъ. Они въ томъ ему не помѣшали, чтобъ дочери его не были скоро взысканы богатыми и разумными женихами, для того что они знали, что найдутъ въ нихъ женъ способныхъ къ благоразумному содержанію ихъ дома. Что же касается до двухъ его сыновъ, то они прилагали такое неусыпное раченіе въ своихъ работахъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ привели въ прежнее состояніе всѣ дѣла своей фамиліи; а притомъ еще возвели ее до такой степени благоденствія, въ каковой она не была даже и прежде ихъ нещастія, которое казалосъ разрушило ее навѣки.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Сентября 27.

О любезная матушка, въ какую было опасность впалъ другъ мой Карлъ! Ахъ! ежели бы еще не много, тобы я его навсегда потерялъ! Я и теперь еще безъ содроганія не могу о томъ подумать. Что бы сдѣлалось со мною, ежели бы онъ отъ него лишился жизни, или бы его предалъ смерти, и былъ бы принужденъ удалиться изъ своего отечества? По щастію все это обратилось къ его чести, и онъ, сохранивъ себя для своихъ родителей и для меня, подаетъ еще новой случай любить его и почитать. Но пора уже вывесть васъ изъ неудоумѣнія.

Прочтите, прочтите, сдѣлайте милость, письмо, которое Г. Грандиссонъ получилъ отъ Г. Бартлета. Я провождаю этотъ вечеръ въ переписыванiи его, чтобы къ вамъ скорѣе отослать. Ахъ матушка! сколько разъ сердце мое трепетало, когда я списывалъ эту копiю! Но это уже не отъ меня имѣетъ оно такое движенiе. Позабудьте меня на нѣсколько минутъ, чтобы заняться однимъ только другомъ моимъ Карломъ.

Г. Бартлетъ къ Г. Грандиссону.

Сентября 26.

Государь мой и любезный другъ!

Я не могу довольно нарадоваться вашему щастiю, что

вы

вы имѣете такого сына. Вчера, безъ его въ томъ свѣдѣнія, былъ я свидѣтелемъ одного поступка, которой приноситъ ему весьма много чести. Но что удивляться его поведенію, когда я въ немъ вижу дѣйствіе хорошихъ примѣровъ и мудрыхъ наставленій, которыя онъ отъ васъ получилъ!

Въ нашемъ обществѣ былъ вчера одинъ молодой человѣкъ, по имени Станлей, сынъ Милорда Г*** весьма дерзкаго и буйнаго нрава. Хотя ему и не болѣе еще осьмнатцати лѣтъ, но честолюбіе и зависть снѣдаютъ уже его сердце, и я примѣтилъ, что онъ завидовалъ и тому самому достоинству, которое получилъ вашъ сынъ. Онъ не преминулъ оскорблять его своими злобными шутками, но

Карлъ сносилъ ихъ съ молчанiемъ и скромностiю. Они сѣли сыграть одну партiю въ пикетъ. Станлей, сей подлый трусъ, хвастаясь ложною своею храбростiю, думалъ, что можетъ употребить во зло умѣренность вашего сына, и всячески искалъ случая завести съ нимъ ссору въ игрѣ столь примѣтнымъ образомъ, что Карлъ не могъ удержаться, чтобы не показать своимъ видомъ, сколько онъ тѣмъ былъ не доволенъ. Я объясню вамъ здѣсь весь ихъ разговоръ отъ слова до слова.

Карлъ.

Мнѣ кажется, государь мой, что вы мало имѣете удовольствiя въ нашей игрѣ; не лучше ли ее оставить?

Станлей (бросія на столъ карты).

Это правда; никакого не льзя найти удовольствія, играя съ такими людьми, которые почти ни чего не знаютъ.

Карлъ.

Это можетъ статься, что я хуже васъ играю; да я и не имѣю къ тому великой привязанности.

Станлей.

Естьли вы и другія игры не лучше знаете, то я опасаюсь, не мудрено ли вамъ будетъ удержать достоинство, которое вы получили?

Карлъ.

Я не думаю, чтобы знаніе картежной игры было непремѣнно нужно для исполненія сей должности. Но перемѣнимъ, еже-

ежели угодно, нашъ разговоръ; у васъ прекрасная табакерка.

Станлей.

Можетъ быть и вамъ не неприлична бы была она въ новомъ вашемъ званіи.

Карлъ.

Она была бы мнѣ безполезна: я табаку не нюхаю, и думаю, что лучше не привыкать къ нему въ мои лѣта.

Станлей.

Это значитъ, что вы поставляете за худое, что я нюхаю табакъ.

Карлъ.

Никакъ; — мой характеръ не такой, чтобъ осуждать то, что вамъ и вашимъ родителямъ кажется пристойнымъ.

Станлей.

Мои родители въ этомъ дѣлѣ не имѣютъ никакого участія;

стія; довольно и того, что это мнѣ нравится.

Карлъ.

Какъ вамъ угодно; всякой имѣетъ волю, какъ хочетъ, такъ и думаетъ.

Станлей.

Вотъ какой послушливый мальчикъ, что безъ позволенія своихъ родителей не хочетъ и табаку нюхать.

Карлъ.

Это правда; я безъ ихъ совѣта ничего не дѣлаю.

Станлей.

Извините меня, что я этому удивлялся; вы еще столько молоды, что не можете думать и поступать по своей воли; вамъ надобно еще время на образованіе себя.

Карлъ.

Въ самомъ дѣлѣ я надѣюсь, что въ ваши лѣта буду гораздо поумнѣе.

Станлей.

Помилуйте, развѣ вы намѣрены только меня обижать? Какъ можете вы мнѣ сказать, что вы въ мои лѣта будете гораздо меня умнѣе?

Карлъ.

Гораздо васъ умнѣе, государь мой? я неспособенъ къ такимъ грубостямъ. Легко можно было вамъ понять, что я не иное что хотѣлъ сказать, какъ что я надѣюсь въ ваши годы быть умнѣе, нежели какъ теперь.

Станлей.

Вы, мнѣ кажется, не неискусны толковать свои слова въ противную сторону?

Карлъ.

Нѣтъ, государь мой, я всегда прежде о томъ думаю, что сказать намѣренъ; и мои слова не имѣютъ никакихъ другихъ знаменованiй.

Станлей.

Этого довольно; не угодно ли вамъ погулять со мною по саду?

Карлъ.

Съ великою охотою, государь мой, ежели вамъ не противно; мнѣ ни что не мѣшаетъ.

Станлей тотчасъ надѣлъ съ суровостiю шляпу, осматривая и щупая руками, у него ли шпага. Карлъ положилъ свою на кресла, и пошелъ за Станлеемъ съ неустрашимостiю. Я дождался, какъ они вышли изъ комнаты, и послѣдовалъ тихонько за ними, довольно зная

по наслышкѣ, сколько Станлей вздорливъ. Они шли другъ отъ друга въ нѣкоторомъ отдаленіи, и приближились къ небольшой рощѣ, находившейся въ концѣ сада. Я подошелъ къ нимъ стороною, и спряшавшись неподалеку отъ нихъ за однимъ кустарникомъ, могъ слышать все слѣдствіе ихъ разговора, которой вамъ теперь представляю.

Станлей.

Гдѣ же ваша шпага? вы ее недавно у себя имѣли?

Карлъ.

Это правда, государь мой; но я оставилъ ее дома.

Станлей.

Ежели вамъ непротивно, то сходите за нею.

Карлъ.

Карлъ.

За чѣмъ? она мнѣ не нужна во время прогулки.

Станлей.

Конечно такъ; но вы имѣете въ ней нужду для удовлетворенія обиды, которую вы мнѣ нанесли.

Карлъ.

Обиды, говорите вы? для меня весьма странно, какъ моѣъ я васъ обидѣть своимъ невѣденіемъ.

Станлей.

Однако же вы это сдѣлали; и я бы такъ долго не помѣшкалъ потребовать отъ васъ тому причины, ежели бы мы одни были въ той комнатѣ.

Карлъ.

Вы бы могли спросить меня и тамъ такъ же, какъ и здѣсь. Я бы не побоялся свидѣтелей

отвѣчать вамъ, такъ какъ теперь, что я не могъ васъ обидѣть для того, что поставляю себѣ всегда за первое правило никого не обижать.

Станлей.

Къ чему служатъ всѣ эти пустыя слова? подите, говорю вамъ, за своею шпагою; я хочу оружїемъ себѣ удовлетворить, естьли только вы не покоритесь и не будете просить у меня прощенїя.

Карлъ.

У васъ просить прощенїя, государь мой? Ежели бы я васъ обидѣлъ; то бы я самъ то сдѣлалъ, не ожидая ни отъ кого на то повелѣнїя. Но какъ я ни малой не причинилъ вамъ обиды, то этотъ поступокъ совершенно излишенъ.

Стан-

Станлей.

Но для чего оставлять вамЪ свою шпагу? вы вить видѣли, что я свою взялЪ.

Карлъ.

Да какая мнѣ до того нужда, государь мой? я не знаю, по какому праву обязанЪ я подражать вашимЪ поступкамЪ.

Станлей.

Это по крайней мѣрѣ, безЪ дальныхЪ отговорокЪ, сЪ вашей стороны великая неосторожность.

Карлъ.

По чему же? позвольте спросить; я бы всегда имѣлЪ при себѣ свою шпагу, когда бы почиталЪ васЪ убійцею, и тогда-то подлинно нанесЪ бы я вамЪ жестокую обиду.

Станлей.

Вы меня изъ терпѣнія выводите; шпага моя еще въ ножнахъ: но берегитесь, я вамъ говорю.

Карлъ.

Я совершенно спокоенъ, государь мой, и ни мало не робѣю.

Станлей.

Вы ни мало не робѣете? не думайте, чтобъ я снесъ безъ отмщенія, что вы, будучи родомъ меня ниже и четырмя годами моложе, получили достоинство, которое мнѣ по всѣмъ правамъ болѣе принадлежитъ, нежели вамъ.

Карлъ.

Мнѣ кажется, государь мой, что вы усильно старались его получить. Не думалъ я, чтобы титло мое васъ огорчило. Но вы, какъ хотите, завидуйте

те ему; а я никогда не позавидую преимуществамъ вашей благороднѣйшей природы.

Станлей.

По чему же? развѣ вы почитаете сіи преимущества презрительными.

Карлъ.

Никакъ нѣтъ; но я думаю, что весьма глупо имъ завидовать, а особливо доказывать то вооруженною рукою.

Станлей.

А для чего же не такъ?

Карлъ.

Для того, что шпага моя не могла бы ихъ отнять у васъ, такъ какъ и ваша не могла бы лишить меня того титла, которое Король на меня возложить захотѣлъ. Послѣ этого простаго разсужденія думаете ли вы еще, что мы теперь

имѣемъ право другъ друга рѣзать.

Станлей.

Но не всегда бьются для того, чтобы опробовать свою шпагу.

Карлъ.

А ежели такъ, то мы можемъ побиться и на рапирахъ; и я вамъ назначаю мѣсто въ первой фехтовальной залѣ, естьли хотите довести до конца такую великую ссору.

Станлей.

Вы надо мною насмѣхаетесь?

Карлъ.

Боже сохрани! Но я опасаюсь, не станутъ ли смѣяться надъ нашимъ поединкомъ, и не скажутъ ли, что мы два молодые труса, что мы другъ друга изцарапали для того, чтобъ

чтобъ показать храбрость, которой не имѣемъ. Вѣрите ли вы мнѣ въ этомъ, и согласитесь ли на удовольствіе, которое намъ обоимъ прилично?

Станлей.

Посмотримъ, что за удовольствіе?

Карлъ.

То, что я готовъ увѣрить васъ, что я во всѣхъ надо мною преимуществахъ вашихъ ни мало не устыжусь почитать васъ выше себя, такъ какъ и вы, по моему мнѣнію, будете равныхъ же мыслей въ разсужденіи меня.

Станлей.

Слѣдовательно я первой долженъ вамъ отдать этотъ справедливой долгъ. Такъ, любезный Грандиссонъ, я на это соглашаюсь. Вы мнѣ весьма да-

ли почувствовать недостойный мой поступокъ. Ахъ, ежели бы вы мнѣ могли его простить столь же искренно, какъ я въ немъ раскаяваюсь!

Карлъ.

Этого довольно, государь мой; я за это на васъ никакъ не сердитъ.

Станлей.

Однакожъ сдѣлайте милость, чтобъ этотъ поступокъ навсегда пребылъ тайною. Довольно того, естьли я буду о немъ жалѣть въ своемъ сердцѣ, не слыхавъ болѣе за то выговоровъ отъ постороннихъ людей.

Карлъ.

Успокойтесь, Станлей; вотъ вамъ въ залогъ рука моя.

Стан-

Станлей.

Я принимаю ее съ искренностію. Не смѣю еще просить васъ о вашей дружбѣ; но позвольте мнѣ надѣяться, что со временемъ сдѣлаюсь ее достойнымъ.

Молодые знакомцы, обнявшись другъ съ другомъ, возвратились вмѣстѣ домой. Никто ничего не знаетъ о семъ произшествіи. Оно дѣлаетъ столько чести вашему сыну, сколько принесло бы стыда его сопернику, ежели бы онъ его не исправилъ своимъ благоразуміемъ. Въ сихъ тонкихъ обстоятельствахъ, Карлъ показалъ свою храбрость безъ вспыльчивости и умѣренность безъ слабости. Хотя онъ и гораздо моложе Станлея, и былъ безъ шпаги, но одними рѣзки-

ми

ми отвѣтами не менѣе успѣлъ смягчить своего непріятеля. Однимъ словомъ, я не знаю, что болѣе въ немъ почитать должно, благоразуміе или неустрашимость.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Октября 2.

Наконецъ, матушка, другъ мой Карлъ возвратился. Съ какою радостію мы его опять увидѣли! Минута его приближенія была знакомъ праздника. Деревенскіе мальчики, не сказавши ничего Г. Грандиссону, построили изъ зеленыхъ вѣтвей торжественныя вороты при самомъ въѣздѣ въ деревню. Молодыя дѣвушки, въ бѣлыхъ одеждахъ, ожидали его съ корзинка-

ками, наполненными цвѣтовъ, которые они кидали по дорогѣ. Тысяча голосовъ закричали: Карлъ Грандиссонъ! и возвѣстили намъ его пріѣздъ. Мы тотчасъ побѣжали къ нему на встрѣчу, и мать его шла впереди всѣхъ насъ. Онъ бросился изъ коляски въ объятія своихъ родителей. Гжа. Грандиссонъ прижимала его къ своей груди и омывала слезами нѣжности. Г. Грандиссонъ, лобызая его, тщетно старался удержаться отъ радостныхъ слезъ. — Что же касается до Эмиліи, то она не могла отстать отъ его шеи. Эдуардъ имѣлъ также веселой видъ. Хотя онъ и старше его, но казалось смотрѣлъ на своего брата съ почтительнымъ видомъ. А я, матушка, не могу вамъ сказать,

что

что я чувствовалъ. Я плакалъ и воздыхалъ, какъ будто отъ какой печали; но однакожъ сердце мое было исполнено величайшею радостію. Когда череда моя дошла его цѣловать, какъ крѣпко сжалъ я его въ моихъ объятіяхъ! Въ тоже время думалъ я и объ васъ. Ахъ! говорилъ я самъ себѣ, ежели бы я могъ въ сію же минуту привести моего друга предъ глаза матушкины! Люди кругомъ его взадъ и впередъ ходили, испуская радостные крики. Они бы отдали все, что ни есть на свѣтѣ, толькобъ взять его на руки и цѣловать по своей волѣ. Никто не былъ столько любимъ, какъ онъ, и никто также не былъ болѣе достоинъ быть столько любимымъ.

Всѣ мужики приходили вчера ввечеру плясать предъ окошкомъ замка: и въ сію ночь была всеобщая иллюминація въ деревнѣ.

Карла сего дня поутру посѣщали всѣ сосѣдніе дворяне. Какое щастіе въ его лѣта! Но сіе ни мало не дѣлаетъ его гордымъ: напротивъ того онъ скромнѣе еще сдѣлался прежняго. Не есть ли это наилучшее доказательство, что онъ весьма достоинъ своего щастія?

Въ то время, какъ мы пошли садиться за столъ, увидѣли, что пришелъ старой садовникъ Матвѣй, кормилецъ Гжи. Грандиссонъ, которой живетъ за три мили отсюда на пенсіи Г. Грандиссона и ведетъ щастливую старость. Онъ шелъ

медленно на своихъ костыляхъ для поздравленія Карла, которой при самомъ его входѣ тотчасъ подбѣжалъ къ нему. Онъ взялъ его за руку, повелъ къ своей матери, и хотѣлъ, чтобъ онъ сѣлъ за столъ подлѣ него. Вы видите, матушка, что щастіе не перемѣнило моего друга. Молодому Графу сажать стараго садовника подлѣ себя и стараться оказать ему всякія услуги. Тутъ, кажется, ничего чрезвычайнаго нѣтъ; но Эдуардъ тому удивился, не дѣлая однакожъ противнаго вида. Я не знаю, сказалъ онъ, послѣ обѣда своему брату; но мнѣ кажется, что посѣщеніе Матвѣя приноситъ тебѣ болѣе удовольствія, нежели всѣ прочія. Это справедливо, отвѣчалъ ему Карлъ. Слова сего

честнаго человѣка не пустыя комплименты: они происходятъ изъ глубины его сердца. Въ такіе годы не пошелъ бы онъ три мили пѣшкомъ на своихъ клюкахъ, чтобы меня поздравить, ежели бы онъ не былъ искренне тронутъ моимъ щастіемъ; а притомъ не долженъ ли я любить того, которой вскормилъ мою матушку? Я точно увѣренъ, что онъ ее любитъ, какъ родную свою дочь. Карлъ говорилъ справедливо: матушка! во время стола я безпрестанно смотрѣлъ на этого старика; и хотя онъ былъ въ великой радости, однакожъ я часто видѣлъ при взглядѣ его на Гжу. Грандиссонъ на глазахъ его показывающіяся слезы. Добросердечный Матвѣй хотѣлъ поранѣе уйти, чтобы за-

свѣтло притти домой; но Карлъ, чтобы болѣе на него насмотрѣться, легко упросилъ Г. Грандиссона, отвезти его вечеромъ въ каретѣ.

Вы можете представить, матушка, что я не могъ смотрѣть на всѣ дѣйствія, которыя вамъ описалъ, безъ того, чтобы не вообразить также и того щастливаго дня, въ которой я возвращусь къ вамъ. Ахъ! конечно я не пріѣду къ вамъ съ знатнымъ какимъ нибудь чиномъ; но по крайней мѣрѣ сдѣлаю все то, что состоитъ въ моей власти, и открою вамъ сердце ненедостойное вашей нѣжности. Хотя не будетъ иллюминаціи при моемъ возвращеніи; но съ меня довольно и того, когда увижу, что въ глазахъ вашихъ и любезной моей

се

сестрицы будутъ блистать сквозь нѣжныя слезы лучи радости. Я не получу ласковыхъ посѣщенiй по причинѣ возвышенiя моего щастiя; но услышу изъ устъ вашихъ слова любви и буду ощущать ваши поцѣлуи и ласки. Я не завидую моему другу въ милостяхъ, которыя получаетъ онъ отъ небесной благодати; чувствую, что онъ ихъ болѣе меня достоинъ. Но когда вижу его въ объятiяхъ Гжи. Грандиссонъ, то спрашиваю себя, для чего же и я не въ объятiяхъ своей матушки? Я никого столько не долженъ почитать на землѣ, какъ васъ, и отъ васъ же удаленъ. Вы составляете все мое богатство, и я васъ при себѣ не имѣю. О матушка! дражайшая матушка! я долженъ оста-

новиться; не хочу предаться жестокимъ размышленiямъ; можетъ быть я и самъ буду въ силахъ ихъ переносить, а не раздѣлять съ вами. Я не своей печали боюсь, но вашей, и всегда былъ бы столько же печаленъ, когда бы не опасался васъ огорчать.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Октября 6.

Щастiе друга моего Карла, любезная матушка, сдѣлало столь сильное впечатлѣнiе на Эдуарда, что онъ, кажется, съ нѣкотораго времени совсѣмъ перемѣнился. Науки болѣе его уже не устрашаютъ; онъ не столько уже суровъ въ своемъ поведенiи, и старается съ не-

вѣроятнымъ раченїемъ прїобрѣсть любовь своихъ родителей, и снискать почтенїе у своихъ домашнихъ и у друзей отца своего. Ежели сїи хорошїя расположенїя въ немъ сохранятся, какъ я въ томъ и не сомнѣваюсь, то онъ не преминетъ въ скоромъ времени сдѣлаться совершенно молодымъ человѣкомъ. Вотъ вамъ одинъ разговоръ, которой очень меня порадовалъ. Г. Грандиссонъ былъ съ обоими своими дѣтьми въ библїотекѣ; а я недалеко отъ нихъ сидѣлъ въ одномъ маленькомъ кабинетцѣ, откуда и могъ все слышать. Не думайте, любезная матушка, чтобы я нарочно для того туда спрятался, чтобъ подслушать ихъ разговоръ. Нѣтъ, я васъ въ томъ увѣряю. Вы меня доволь-

но научили, сколь подло подслушивать тайны другихъ; и я никогда не забуду сихъ наставлений. Да они и сами знали, что я близко отъ нихъ находился; ибо я временемъ дѣлалъ небольшой шумъ, давая нарочно о себѣ знать. Г. Грандиссонъ, давъ возчувствовать Карлу все превосходство Королевскихъ милостей, и сколь важно было для него оправдать ихъ предъ глазами всего народа, обратился къ Эдуарду и и сказалъ ему: а ты, сынъ мой, постарайся воспользоваться симъ щастливымъ произшествіемъ; ты посвящаешь себя военной службѣ: будь увѣренъ, что ни чрезъ что не льзя ожидать большаго повышенія въ чинахъ, какъ чрезъ путь добродѣтели. Родъ жизни нѣкоторыхъ

рыхъ Офицеровъ можетъ тебя увѣрить, что будто въ семъ состоянiи не льзя предписать себѣ правилъ для своего поведенiя. Предохраняй себя, сынъ мой, отъ столь опасныхъ заблужденiй. Военная служба есть самая честная, и въ ней никто не можетъ порядочно отправлять своего долга, когда не будетъ одаренъ великодушными и благородными свойствами. Не презрительнымъ видомъ и не безчестнымъ образомъ Офицеръ долженъ стараться отличать себя; напротивъ того онъ долженъ показывать себя скромнымъ, снисходительнымъ и чувствительнымъ. Онъ долженъ всегда думать, что кровь его не ему принадлежитъ, но единственно его отечеству, коему онъ обя-

занъ любовїю и почтенїемъ. Но какъ можетъ онъ исполнить сїи священныя къ тому обязанности, когда онъ не чувствуетъ ихъ и къ виновникамъ своей жизни?

Эдуардъ (ставши на колѣни предъ отцемъ своимъ.)

О батюшка! чувствую, сколько достоинъ я вашихъ выговоровъ! Простите меня въ моихъ преступленїяхъ. Примѣръ моего брата тронулъ мое сердце. Вижу я, что онъ обязанъ хорошему своему поведенїю всѣми лестными достоинствами, которыя онъ получилъ. Хотя я его и старѣе, но не стыжуся признать его надо мною превосходство; я всѣми силами стараться стану итти по крайней мѣрѣ по слѣдамъ его.

Вы

Вы и дражайшая матушка, вы обоихъ насъ любите; но не смотря на то, я чувствую, что онъ заслуживаетъ у васъ имѣть предо мною преимущество. Впредь стану я, такъ какъ онъ, отличать себя моими чувствїями и моимъ повеленїемъ. Тогда вы будете любить Эдуарда столько же, какъ и Карла. Такъ, родитель мой, повѣрьте моему слову, которое я вамъ даю. Позвольте пользоваться мнѣ вашими милостями; и я вамъ ничего болѣе доставить не могу, кромѣ одного удовольствїя.

Г. Грандиссонъ.

Встань, сынъ мой! сей день весьма щастливъ для моего сердца. Ни что не можетъ болѣе обрадовать отца, какъ прїятное обнадеживанїе сына, что онъ

его искренно любитъ. Поцѣлуйте меня, любезныя дѣти; подойдите ко мнѣ, чтобъ я прижалъ васъ къ груди моей; вы составите благополучїе моей жизни.

Эдуардъ.

О батюшка! какъ можно быть безчувственну къ такимъ милостямъ. И такъ вы прощаете меня во всѣхъ оскорбленїяхъ, которыя я вамъ нанесъ? —

Г. Грандиссонъ.

Такъ, любезный сынъ; и сїе происходитъ отъ искренняго моего сердца. Я полагаюсь на твое обѣщанїе; оно меня не обманетъ. Чтобъ сдѣлать тебѣ увѣрительнѣйшее доказательство о моей довѣренности, дамъ я тебѣ подарокъ, котораго бы я тебѣ никогда не далъ, ежели бы не надѣялся на твою твер-

твердость. Вотъ тебѣ патентъ на Капитанской чинъ въ полку Маїора Артура, котораго жизнь сохранилъ твой братъ. Я не могу найти удобнѣйшей минуты подарить его тебѣ. Ты одолженъ сею первою степенїю добродѣтели твоего брата; но не теряй никогда изъ мыслей, что ты долженъ заслуживать больше повышенїе собственными твоими добродѣтелями.

Эдуардъ.

Какая для меня радость, любезной батюшка! Я постараюсь съ моей стороны доказать, что можетъ быть не недостоинъ быть вашимъ сыномъ. Дайте мнѣ ваше благословенїе и окончите тѣмъ мое щастїе. Я пойду брошусь къ ногамъ моей матушки, и со сле-

зами попрося у нее прощенія, начну вести новую жизнь, которая предала бы у васъ забвенію всѣ непослушанія и проступки, которые я предъ вами сдѣлалъ.

Г. Грандиссонъ, будучи симъ тронутъ даже до слезъ, далъ благословеніе своему сыну, которой тотчасъ побѣжалъ истребовать его также и у своей матери. Карлъ остался одинъ съ отцемъ своимъ. Разговоръ ихъ тотчасъ перемѣнился, и они начали говорить объ аудіенціи, которую имѣлъ другъ мой у Его Величества, потомъ о пребываніи его у Графа. Карлъ отвѣтствовалъ на все съ обыкновеннымъ благоразуміемъ. Г. Грандиссонъ не могъ наскучить слушая его; но видя, что сынъ его всячески старался утаивать предъ

предъ нимъ одно обстоятельство, сказалъ ему: ты не говорилъ еще мнѣ о ссорѣ, которую ты имѣлъ съ молодымъ Станлеемъ.

Карлъ (съ удивленіемъ).

Какъ! вы объ ней знаете, батюшка?

Г. Грандиссонъ.

Развѣ ты хотѣлъ отъ меня утаить ее?

Карлъ.

Точно такъ, я вамъ признаюсь. Этотъ случай не приноситъ чести Станлею. Я ему далъ обѣщаніе содержать его втайнѣ; да и самъ старался, сколько могъ, его позабыть.

Г. Грандиссонъ.

Ежели это такъ, то я не хулю тебя за твою скромность.

Карлъ.

Карлъ.

Но не можно ли мнѣ, батюшка, открыть, кто вамъ донесъ объ этомъ происшествіи?

Г. Грандиссонъ.

Г. Бартлетъ тайно былъ тому свидѣтелемъ. Я знаю до малѣйшаго обстоятельства все, что происходило между Станлеемъ и тобою. Онъ старался завести съ тобою ссору; а ты ему отвѣчалъ съ такою твердостію и такимъ благоразуміемъ, что я самъ желалъ бы такъ поступать при подобныхъ сему случаяхъ.

Карлъ.

О батюшка! сколько я щастливъ, что вы увѣрены о хорошемъ моемъ поведеніи!

Г. Грандиссонъ.

Но думалъ ли ты, когда пошелъ съ нимъ въ садъ, чтобы

бы его намѣренїе было вызвать тебя на поединокъ?

Карлъ.

Конечно думалъ, батюшка. Онъ смотрѣлъ на меня съ грознымъ и яростнымъ видомъ; и я видѣлъ, что онъ держался рукою за свою шпагу.

Г. Грандиссонъ.

Но для чего же ты свою оставилъ?

Карлъ.

Я хотѣлъ ему доказать, что не боюсь его хвастовства, и что я чувствовалъ въ себѣ довольно твердости его обезоружить.

Г. Грандиссонъ.

Но въ такомъ бѣшенствѣ, въ какомъ онъ тогда находился, не могъ ли бы онъ напасть на тебя, хотя бы ты былъ и безъ оружїя?

Карлъ.

Карлъ.

Такой подлости отъ благороднаго человѣка ожидать нельзя.

Г. Грандиссонъ.

Но ежели бы онъ дождался другаго случая, когда бы ты имѣлъ при себѣ шпагу?

Карлъ.

Тогда, какъ жизнь моя находилась бы въ опасности, я бы воспользовался правомъ защищенія. Я бы всячески остерегался и выдерживалъ бы его нападеніе со всевозможнымъ хладнокровіемъ. Я надѣюсь, что моя умѣренность подала бы мнѣ великое преимущество предъ его вспыльчивостію, и что въ семъ случаѣ нашелъ бы я средство не только предохранить себя отъ его пораженія, но еще бы обез-

обезоружилъ его и даровалъ бы ему жизнь.

Г. Грандиссонъ.

Поцѣлуй меня, любезный сынъ! Сколько я радуюсь, видя въ тебѣ столь благородныя чувствія! Неистовство гнѣва унижаетъ насъ предъ самыми свирѣпыми звѣрями; но сохранять всегда власть надъ своею душею и не позволять ей ничего, кромѣ благородныхъ движенiй, это почти превышаетъ самое человѣчество. Будь увѣренъ, что большая часть изъ тѣхъ, которые такъ поступаютъ и ищутъ завести ссоры для того, дабы показать пустую свою храбрость, не имѣютъ никакой истинной добродѣтели, которая бы могла ихъ отличить предъ глазами посторонниxъ людей, и что че-

стный человѣкъ часто себя унизить можетъ, естьли доведетъ себя до того, что долженъ будетъ укрощать глупое ихъ хвастовство.

Карлъ.

Да вить досадно, батюшка, ихъ сносить.

Г. Грандиссонъ.

Отъ тебя зависитъ ихъ убѣгать, естьли только выбирать будешь для себя хорошія общества. Слыхалъ ли ты въ моемъ домѣ хоть одно слово, за которое бы кто нибудь могъ разсердиться? Повѣрь мнѣ, что честные люди принимаютъ у себя только извѣстныхъ людей, съ которыми друзья ихъ могутъ разговаривать съ довѣренностію и безопасностію. Но ежели ты по нещастію будешь на-

находиться въ присутствіи такихъ вспыльчивыхъ умовъ, которые думаютъ прославить себя обижая другихъ: то поступай съ ними съ великою осторожностію. Насмѣшники выбираютъ предметомъ язвительныхъ своихъ шутокъ тѣхъ только людей, о которыхъ они думаютъ, что также презрѣнія достойны, какъ и они сами. И такъ ежели ты умѣешь отличать себя предъ ихъ глазами своею благопристойностію и разумными разговорами, то не опасайся, чтобы обратили они на тебя свои насмѣшки. Ты самъ можешь ихъ устрашить. Убѣгай, сколько можно, входить съ ними въ какіе нибудь споры. Можно легко опровергать мысли и самаго разумнаго человѣка, когда они на тотъ разъ

 не

не соглашаются съ нашими; но стараться выводить глупца изъ его заблужденій есть предпріятіе столько же тщетное, какъ и смѣшное; и чрезъ то болѣе только наскучишь тѣмъ, которые насъ слушаютъ, давая имъ сносить терпѣливо безразсудность и упрямство твоего соперника. Не говори ничего о томъ человѣкѣ, котораго разумъ и достоинство тебѣ не извѣстны. Слово, вырвавшееся изъ устъ нашихъ, назадъ уже не возвратится; а ты будешь раскаеваться въ нескромности своей, но уже поздно будетъ. Берегись болѣе всего говорить шутливымъ и сатирическимъ голосомъ. Изъ невинной шутки происходятъ часто жестокія ссоры. Надобно быть весьма разумнымъ и искуснымъ въ свѣтскомъ обращеніи,

что-

чтобы знать, какъ шутить съ надлежащею умѣренностію. Тотъ, который всегда шутитъ, забавенъ только на время, но ему рѣдко удается отъ другихъ пріобрѣсть себѣ любовь. Не гордись никогда своимъ разумомъ и своими познаніями на щетъ другихъ. Не льстя подлымъ образомъ ихъ самолюбію, старайся ихъ унижать, а особливо, чтобы выраженія твои были понятны и благопристойны. Вотъ, сынъ мой, надежнѣйшія средства избѣгать въ свѣтѣ всякаго рода оскорбленій и заслужить почтеніе и любовь.

Карлъ.

О батюшка! сколь благодаренъ я вамъ за эти мудрыя наставленія!

Г. Грандиссонъ.

Они мнѣ тѣмъ большее удовольствіе приносятъ, что ты всегда умѣлъ пользоваться тѣми наставленіями, которыя ты до сихъ поръ получилъ. Сохрани навсегда, любезный сынъ, сію благородную умѣренность, которую ты оказалъ въ твоемъ поступкѣ съ Станлеемъ; уважай себѣ подобныхъ, какъ самаго себя, и помни, что не льзя покушаться ни на свою жизнь, ни на другаго, не оскорбивъ тѣмъ всемогущаго Существа, которое даровало тебѣ жизнь единственно для посвященія ее на его службу.

Карлъ.

Такъ, батюшка! клянусь вамъ, что шпага моя никогда не обнажится, развѣ во время величайшей нужды, было бы то

для моего защищенія, или для поданія помощи моему ближнему.

Г. Грандиссонъ.

Точно такъ, любезный сынъ; тогда-то можно оказать свою храбрость. Это одинъ только случай, гдѣ мы можемъ предать опасности жизнь свою, потому что мы отваживаемся единственно для спасенія себя или братьевъ нашихъ отъ величайшаго нещастія.

О, любезная матушка! какія прекрасныя наставленія! и сколько я теперь щастливъ услышавъ ихъ! Я надѣюсь, что они и мнѣ не менѣе будутъ полезны, какъ и моему другу.

Письмо мое слишкомъ уже длинно; но я не думаю, чтобы оно вамъ наскучило: оно заключаетъ въ себѣ весьма разумныя наставленія. Я увѣренъ,

что вы не будете сердиться, что сынъ вашъ сообщилъ вамъ наставленія, которыя онъ услышалъ, и которымъ во всю свою жизнь слѣдовать будетъ. Такъ, матушка, я всѣ силы свои употреблю, чтобъ никогда отъ нихъ не удаляться, и отсюда вижу, что вы довольны симъ моимъ намѣреніемъ.

Мы поѣдемъ въ концѣ сей недѣли въ Лондонъ. Но я безъ того не оставлю сихъ мѣстъ, гдѣ я столь много занимаюсь пріятнымъ объ васъ воспоминаніемъ, чтобъ снова не увѣрить васъ о моемъ къ вамъ почтеніи и любви.

Прощайте, матушка, поцѣлуйте за меня пожалуйте сестрицу, и скажите ей, съ какою горячностію я ее люблю;

ибо

ибо пускай и она помнитъ о моей къ вамъ любви.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Октября 12.

Такъ какъ вы были довольны, любезная матушка, маленькимъ сочиненіемъ, которое я къ вамъ недавно отослалъ, о выгодахъ трудолюбія: то вотъ вамъ еще другое, котораго содержаніе не менѣе поучительно, и я желаю, чтобы вамъ и это также было непротивно. Мы однажды разговаривали объ опасностяхъ, которымъ можно подвергаться, не смотря и на самыя лучшія расположенія, по одной слабости въ характерѣ. Г. Грандиссонъ сказалъ намъ,

что въ Лондонѣ появилась маленькая книжка, въ которой сіи нещастія были представлены въ исторіи одного молодаго человѣка въ наши лѣта. Я попросилъ у него позволенія ее прочитать; и вотъ какъ я перевелъ для васъ эту исторійку.

Опасныя слѣдствія слабости въ характерѣ.

Билліамъ Седлей прогуливался нѣкогда въ окружности замка отца своего. Онъ увидѣлъ издали маленькаго мальчика въ изорванномъ платьѣ, котораго лице было покрыто сажею. Когда они подошли ближе другъ къ другу, то спросилъ онъ его: за чѣмъ онъ сюда пришелъ? Ахъ! доброй баринъ, отвѣчалъ нещастной мальчикъ, приближась

къ нему съ робостію, я смотрю, не надобно ли кому, въ этомъ замкѣ вычистить трубы. Хотѣлось было мнѣ, чтобъ нашлась какая нибудь: ибо работы совсѣмъ нѣтъ; а хозяинъ мой имѣетъ такой дурной нравъ, что нѣтъ средства съ нимъ ужиться.

— А какъ тебя зовутъ?

— Тони Климбель, къ вашимъ услугамъ въ чемъ могу.

— Далеко ли ты живешь?

— Нѣтъ, сударь, я пришелъ изъ этой деревни, которую вы вотъ тамъ видите, не много подалѣе того холма. Тамъ живетъ мой хозяинъ. О, ежели бы вы знали, какъ онъ сердитъ!

— Онъ сердитъ, ты говоришь?

— Вы не можете тому не повѣрить. Вотъ посмотрите, какъ вчера онъ меня побилъ.

— Да за что же?

— А вотъ за что. Есть одинъ у насъ товарищъ, которой пришелъ только къ нему въ ученики. Бѣдной мальчикъ семи лѣтъ; а хозяинъ хочетъ, чтобъ онъ зналъ трубы чистить, какъ знающій уже человѣкъ. Вчера заставили его работать, чтобы узнать, проворенъ ли онъ. Но какъ онъ еще не зналъ, хорошенько взлѣзать, и плакалъ вмѣсто того, чтобы пѣть; когда же вскарабкался на верьхъ трубы, то хозяинъ билъ его нещадно, говоря, что онъ навсегда будетъ бездѣльникъ; а какъ я хотѣлъ испросить у него ему милости, то онъ и меня билъ

до

до тѣхъ поръ, пока переломилъ у меня ребро.

— Для чего же ты его не оставишь, и не возвратишься къ своему отцу?

— Для того, что отецъ мой и мать моя умерли. Нѣтъ ни одного человѣка въ свѣтѣ, которой бы обо мнѣ постарался, кромѣ одной моей бѣдной хозяйки. Ахъ! вотъ что называется добрая женщина. Ея лучше нѣтъ во всемъ свѣтѣ. Она бы и чаще меня кормила, когда бы могла, но она не смѣетъ. Мужъ ея такъ золъ, что бьетъ ее безъ милосердія. Онъ безпрестанно заставляетъ насъ работать, а ѣсть почти никогда не даетъ.

— Да вить хозяинъ твой обязанъ тебя кормить, такъ какъ должно. Для чегожъ онъ

то-

того не дѣлаетъ? Ежели бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, то бы я на него пожаловался.

— Ахъ, доброй баринъ! по всему видно, что вы нашихъ дѣлъ не знаете. Кому, хотите вы, чтобъ я пожаловался Хозяинъ станетъ содержать меня гораздо строже, ежели то узнаетъ. Какъ я нещастливъ!

Когда говорилъ онъ сіи последнія слова, вдругъ услышали они стукъ кареты, по ихъ сторону ѣдующей. Вилліамъ какъ скоро взглянулъ на карету, то тотчасъ увидѣлъ въ ней Г. Греава своего дѣдушку. Онъ закричалъ отъ радости; кучеръ остановилъ лошадей; лакей сошелъ отворить ему двери; а Вилліамъ не простившись съ маленькимъ трубочистомъ,

стомъ, побѣжалъ въ объятія своего дѣдушки, которой пошелъ съ нимъ въ замокъ.

Г. Греавъ былъ одинъ изъ тѣхъ добрыхъ стариковъ, коихъ видъ, будучи одушевленъ веселостію, умѣетъ привести въ забвеніе ихъ лѣта, даже и въ презрительныхъ глазахъ молодости. Хотя и было ему уже восемьдесятъ лѣтъ, но онъ часто забавлялся дѣтскими игрушками своихъ внуковъ, и между тѣмъ какъ благоразуміе его внушало въ нихъ къ нему почтеніе, то его ласка, веселой нравъ и угожденіе привлекали къ нему ихъ нѣжную любовь.

Прибытіе его было праздникомъ для маленькой его фамиліи. Вилліамъ взялъ его за руку. Фанній положилъ свою

голову на его плечо; а маленькой Робертъ, прыгая около него долгое время, сѣлъ на его колѣни.

Скоро потомъ сѣли за столъ, и обѣдъ сопровождаемъ былъ радостными поздравленiями, которыя дѣланы были добросердому старику, и старинными пѣснями, которыя пѣлъ онъ трепещущимъ голосомъ.

Послѣ обѣда пошелъ онъ отдохнуть на широкихъ креслахъ, которыя нарочно для него поставлены были въ углу комнаты. Отдохнувши съ полчаса, онъ всталъ, протеръ глаза, отрясъ свое платье, поправилъ парикъ, надѣлъ шляпу и спросилъ Вилліама, не хочетъ ли онъ съ нимъ не много погулять?

Вилліамъ ничего лучше не желалъ. Г. Греавъ взялъ въ одну руку свою шляпу, а другою опершись на плечо молодаго своего товарища, пошелъ съ нимъ въ поле.

Поговоря о многихъ важныхъ вещахъ для своего маленькаго внука, спросилъ его: какое имѣлъ онъ дѣло съ маленькимъ трубочистомъ, которой нынѣ поутру съ нимъ такъ горячо разговаривалъ, когда онъ подъѣхалъ къ замку. Вилліамъ разсказалъ весь свой разговоръ. Г. Греавъ былъ тѣмъ тронутъ. Ахъ! сказалъ онъ, есть въ свѣтѣ много жалкихъ людей! Вотъ одинъ изъ нихъ, которой такъ рано начинаетъ уже страдать. Я бы радъ былъ, чтобъ ты иногда имѣлъ случай слушать жалобы нещаст-

ныхЪ, дабы привыкнуть открывать кЪ состраданію свое сердце. Я надѣюсь, что ты неотпустилЪ его не подавЪ ему помощи вЪ его нуждахЪ.

Не смотря на его разсѣянность и вѣтренность, ВилліамЪ имѣлЪ весьма благородное и чуствительное сердце.

Бѣдное дитя! вскричалЪ онЪ: ваше прибытіе и удовольствіе васЪ видѣть принудили меня его оставить. Постойте! я узнаю гдѣ онЪ живетЪ, и постараюсь наградить его за мое небреженіе. . . . Но знаете ли что, дѣдушка? Мы теперь вЪ виду его деревни. НамЪ немного будетЪ стоить труда вЪ нее сходить. ПойдемЪ-те, пойдемЪ-те, пожалуйте, туда со мною. — НѣтЪ, другЪ мой, отвѣчалЪ ему Г. ГреавЪ; вить не

толь-

только чтобЪ сойти съ этой горки, тамЪ надобно опять подняться; а гора не такЪ мала, чтобЪ я могЪ безЪ труда на нее взойти. Поди одинЪ; а я вЪ ожиданіи тебя отдохну подЪ этимЪ деревомЪ и буду увеселяться прекраснымЪ положеніемЪ мѣста, простирающагося вокругЪ сего холма.

ВилліамЪ пошелЪ немедленно съ такою легкостію, что казалось онЪ скоро и возвратится. У подошвы горы встрѣтился съ нимЪ ЖидЪ съ разными бездѣлушками, какЪ-то: ножницами, иголками, коробочками, часовыми цѣпочками, футлярами и разныхЪ родовЪ игрушками. ОнЪ поусердствовалЪ открыть Вилліаму свои товары, которой ему отвѣчалЪ, что онЪ покупать ихЪ не хочетЪ. Но когда разнощикЪ

 ска-

сказалъ ему, что онъ, глядя на нихъ, ничего не заплатитъ: то онъ согласился ихъ посмотрѣть. Обращая довольное время свои взоры на сіи разные предметы, попытался онъ спросить о цѣнѣ одной щелкушки, оправленной въ слоновой кости, которая стоила ему одинъ шилингъ. Онъ хотѣлъ ее взять, но вдругъ поворотилъ руку свою на одинъ лорнетъ, неподалеку отъ нее лежащій. Лорнетъ! Эта была такая игрушка, которую онъ давно желалъ имѣть; и какъ они были одинакой цѣны, то онъ нѣсколько минутъ колебался въ мысляхъ, не зная, которой отдать преимущество: то игралъ въ щелкушку, то смотрѣлъ въ лорнетъ. Онъ бралъ и клалъ ихъ поочередно, пока наконецъ разно-

ямщикъ, примѣтивъ, что та и другая плѣнили его равномѣрно, своими ласковыми словами не уговорилъ его, чтобъ онъ обѣ эти вещи купилъ.

Онъ съ радостію отъ него пошелъ съ двойнымъ своимъ запасомъ, и скоро увидѣлъ идущаго къ нему одного мальчика, держащаго въ рукахъ своихъ дроздовое гнѣздо, въ которомъ было четыре маленькихъ дрозда, начинавшихъ уже оперяться. Они показались Вилліаму столь прекрасными, что онъ спросилъ мальчика: не продаетъ ли онъ ихъ? Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ ему мальчикъ; но ежели они вамъ нравятся, то я за шилингъ вамъ ихъ уступлю. Не знаю, не дорого ли это будетъ для моихъ наличныхъ теперь денегъ, отвѣчалъ Вилліамъ;

но подожди немного, я посмотрю. Онъ вынулъ свой кошелекъ, и увидѣлъ, что у него не болѣе десяти копѣекъ и еще полгвинеи, которая дана была ему для отнесенія въ школу, почему не хотѣлъ онъ ее размѣнять. Возми, сказалъ онъ мальчику, показавши ему мѣлкія свои деньги, вотъ только, что я могу тебѣ дать за твои птицы. Что? уступишь ли мнѣ ихъ за эту цѣну. Этого мало, отвѣчалъ мальчикъ; но я вижу, что вамъ хочется имѣть у себя этихъ птичекъ; извольте, я вамъ уступаю. И такъ торгъ былъ заключенъ; и маленькое семейство оперившихся дроздовъ перешло въ руки къ Вилліаму.

По томъ пошелъ онъ своею дорогою, и пришелъ въ ту дерев-

ревню, гдѣ жилъ Тони. Ему показали издали домъ его. Онъ скоро увидѣлъ его самаго у воротъ съ маленькимъ ребенкомъ, котораго онъ держалъ на помочахъ, прiучая его ходить. Они возобновили свое знакомство, и Виллiамъ началъ было разсказывать ему, съ какимъ намѣренiемъ онъ къ нему пришелъ; но вдругъ вспомнилъ покраснѣвши о состоянiи своего кошелька, о которомъ онъ и не думалъ, закупая свои товары. Онъ не хотѣлъ признаться въ своемъ смущенiи, и не зналъ, какое бы средство употребить, чтобы отъ него уйти. Щедролюбiе понуждало его подарить что нибудь Тони; но полгвинея, которую могъ онъ называть червонными своими деньгами, вскружила ему голову. Чувствитель-

ность его представляла ему бѣдность нещастнаго сироты, но честолюбіе, имѣть золотую монету въ своемъ кошелькѣ, потушило въ нему всякое чувство состраданія. Тони! сказалъ онъ наконецъ, ежели ты на этихъ дняхъ придешь ко мнѣ въ домъ, то я велю дать тебѣ и хлѣба и мяса, и сдѣлаю наилучшей въ твоей жизни для тебя обѣдъ; а теперь прощай: я не могъ быть болѣе съ тобою; послѣ чего онъ его оставилъ съ печальными мыслями, что не сдѣлалъ того, что бы долженъ былъ сдѣлать.

Возвращаясь назадъ къ своему дѣдушкѣ, встрѣтился онъ на поворотѣ дороги съ Ефферіемъ Скандеромъ и его сестрою. Они покупали сдобные пироги у дряхлаго старика, имѣв-

шаго деревянную ногу, которой тѣмъ только и питался, что продавалъ ихъ въ этой деревнѣ. Ефферій и Вилліамъ были сосѣди и товарищи въ училищѣ. Послѣ первыхъ учтивостей Ефферій вздумалъ тѣми пирогами попотчивать своего товарища, и весьма ихъ хвалилъ. Вилліамъ извинялся въ томъ просто, не давая знать точной причины своего отказа. Однакожъ когда и молодая Мисса присоединилась къ прозьбамъ своего брата, то онъ сказалъ, что у него все золото, и онъ думаетъ, что у бѣднаго Іонафана не на что ихъ промѣнять; а что впрочемъ съ удовольствіемъ бы поѣлъ этихъ пироговъ. Іонафанъ, услыша сіе, опустилъ свою руку въ коженой кошелекъ, которой носилъ онъ на поясѣ,

и которой былЪ раздѣленЪ на двѣ половины, одна для шилинговЪ, а другая для мѣлкихЪ денегЪ. ОнЪ вынулЪ полную горсть и сказалЪ шутливымЪ голосомЪ: о! коли васЪ это только удерживаетЪ, то вотЪ вамЪ; у меня есть еще довольно мѣлкихЪ денегЪ, чтобЪ сдать вамЪ на червонной. ВиллїамЪ совсѣмЪ не ожидалЪ такого отвѣта. Но какЪ не могЪ онЪ болѣе сдѣлать никакой другой отговорки, то отдалЪ сЪ великимЪ сожалѣнїемЪ промѣнять полгвинею, и сЪѣлЪ три пирога, которые показались ему такЪ дурны, какихЪ онЪ отЪ рода не ѣдалЪ.

Между тѣмЪ Г. ГреавЪ сошелЪ на встрѣчу своему внуку, котораго долгое отсутствїе начало приводить его вЪ безпо-

покойство. Онъ пришелъ къ нему въ самое то время, когда онъ доѣдалъ свой послѣднїй пирогъ. Сдѣлавши ему выговоръ за то, что заставилъ его дожидаться себя такъ долгое время, пригласилъ онъ его товарищей притти на тотъ вечеръ къ Г. Седлею, на что бы они съ охотою согласились, ежели бы не должны были итти пить чай къ одному изъ своихъ дядюшекъ.

Распростившись между собою, Г. Греавъ спрашивалъ у Вилліама, каково было его посѣщенїе? — Ты мнѣ нѣсколько досадилъ, сказалъ онъ ему; но я тебѣ это прощаю. Ты конечно для того долго тамъ пробылъ, чтобы болѣе сдѣлать добра. Посмотримъ, что сдѣлалъ ты для Тони? имѣлъ ли ты столько денегъ, сколько надобно было

ло тебѣ для облегченія хотя немного его бѣдности? Я позабылъ тебя о томъ спросить, потому что ты очень скоро отъ меня ушелъ. Вилліамъ, пришедши въ замѣшательство отъ сихъ вопросовъ, повѣсилъ голову, тише сталъ итти, и пребылъ позади своего дѣдушки въ смущенномъ молчаніи. Г. Греавъ оборотился назадъ, и взявши его за руку, сказалъ ему: что тебѣ сдѣлалось? Можно подумать, что ты въ чемъ нибудь виноватъ. Но нѣтъ, я тебѣ дѣлаю несправедливость. Это смущеніе происходитъ отъ скромности, которая оскорбляется при похвалѣ твоей щедрости. Ты меня утѣшаешь при моей старости. Подойди, любезный сынъ, и дай прижать себя нѣжно къ моему сердцу. О, нѣтъ, нѣтъ, любезный дѣдуш-

душка, отвѣчалъ Виллїамъ, не обременяйте меня вашими ласками. Я весьма ихъ недостоинъ, какъ вы думаете. Правда, что я, отошедши отъ васъ, желалъ итти помочь тому маленькому бѣдняку; но встрѣтившись на дорогѣ съ однимъ разнощикомъ, столько имѣлъ я слабости, что истратилъ два шилинга на покупку лорнета и щелкушки. У меня осталось нѣсколько мѣлкихъ денегъ; но это бы составило что нибудь для бѣднаго трубочиста, ежели бы я не пожелалъ имѣть у себя этого гнѣзда, которое купилъ у одного мальчика, чтобы вскормить этихъ дроздовъ.

Но у тебя еще были деньги, сказалъ Г. Греавъ? не заплатилъ ли ты ихъ за тѣ пиро-

роги, которые, я видѣлъ, что ты ѣлъ?

— Такъ дѣдушка.

— Какъ же ты говоришь, что не чего тебѣ было дать бѣдному Тони?

— Это для того, что я не хотѣлъ промѣнять мою полгвинею.

— Однако же для пироговъ ты ее промѣнялъ?

— Правда ваша, дѣдушка; да я и это сдѣлалъ съ великимъ сожалѣніемъ, для того что Скандеръ имѣлъ насмѣшливый видъ; и вѣрно сталъ бы издѣваться надъ моею скупостію, когда бы мы возвратились въ училище.

— Послушай, Вилліамъ, я не хочу тебя бранить. Но такъ какъ ты не хотѣлъ промѣнять твоей полгвинеи, то не лучше

ше ли бы было сохранить два шилинга и мѣлкія твои деньги для Тони, нежели употребить ихъ такъ, какъ ты?

— О! конечно лучше; я въ томъ признаюсь и весьма стыжусь.

Это еще ничего. Ты чувствовалъ, что ты долженъ былъ сдѣлать что нибудь для Тони: однакожъ не размѣнявши полгвинеи, ты оставилъ его безъ помощи, между тѣмъ какъ вѣтренное опасеніе какихъ нибудь насмѣшекъ имѣло болѣе дѣйствія надъ тобою, нежели состраданіе, которымъ ты обязанъ своему ближнему, угнѣтенному тысячами нуждъ. О любезный Вилліамъ! сколько опасаюсь я для тебя сей слабости въ характерѣ, которая заставляетъ тебя терять плоды

всѣхъ

всѣхъ твоихъ хорошихъ намѣренiй!

Виллiамъ взялъ руку у своего дѣдушки, омочилъ ее слезами, и обѣщалъ ему исправить свою погрѣшность въ слѣдующiй день.

Онъ въ самомъ дѣлѣ всталъ на другой день съ тѣмъ намѣренiемъ, чтобъ возвратиться въ деревню къ Тони. Вскорѣ послѣ завтрака расположился онъ итти, какъ вдругъ получилъ приглашенiе въ тотъ же день къ обѣду, отъ Капитана Бофорта, которой хотѣлъ возобновить его знакомство съ Генрикомъ, старшимъ своимъ сыномъ, недавно взятымъ изъ училища.

Сiе приглашенiе и согласiе господина Седлея причинили Виллiаму великую радость. О! сказалъ онъ самъ себѣ, какое удо-

удовольствїе видѣть стараго своего товарища! Сколько будетъ у насъ увеселенїй! — Но однакожъ не намѣренъ ли я былъ итти нынѣ къ Тони? ... Подлинно такъ; но я это могу отложить и до завтра, одинъ день ничего не значитъ. Пойду, — пойду. Онъ не медля пошелъ въ домъ къ Г. Бофорту, которой разстоянїемъ отъ нихъ былъ на одну милю, и увидѣлъ на половинѣ дороги молодаго Генрика, идущаго къ нему на встрѣчу.

Такъ какъ сей молодой человѣкъ будетъ играть довольно важную ролю въ Виллїамовыхъ приключенїяхъ, то скажу я вамъ здѣсь нѣчто и объ немъ.

Генрикъ имѣетъ видъ прїятный и благоразумный; поступки его ласковы, походка

благопристойна; пріятность изображена на его взорахъ, голосъ его разителенъ и нѣженъ, и доходилъ до самой глубины сердца, когда онъ хотѣлъ поселить въ комъ свои чувства. Но какое нещастіе! — Всѣ сіи преимущества были употреблены единственно для прикрытія чрезмѣрнаго его лицемѣрія.

Я пропущу обстоятельства ихъ свиданія и прибытія другихъ ихъ товарищей, чтобы дойти поскорѣе до окончанія обѣда. Генрикъ предложилъ послѣ обѣда своимъ друзьямъ пойти гулять по полю. Отецъ его запретилъ ему ходить въ сосѣднюю деревню, въ которой была ярманка, для того что не хотѣлъ, чтобы сынъ его вмѣшивался въ дурныя общества, которыя обыкновенно въ таковыхъ

выхъ мѣстахъ бываютъ. Генрикъ обѣщалъ сохранить сіе повелѣніе; и поцѣловавши своего отца, пошелъ съ своими товарищами по незапрещенной ему дорогѣ.

Едва они вышли изъ своей деревни, какъ Генрикъ вдругъ оборотился, и взявши Вилліама за руку, сказалъ ему: пойдемъ, теперь уже насъ не видятъ; только пройти это поле, то мы тамъ увидимъ все, что ни происходитъ. Сказавши сіе, указалъ ему пальцомъ деревню, въ которую отецъ запретилъ ему ходить.

Ты конечно хочешь итти на ярманку? отвѣчалъ Вилліамъ ему со страхомъ. Ты обѣщалъ твоему отцу, чтобы туда не ходить.

Вотъ еще, отвѣчалъ Генрикъ! какая нужда моему отцу,

въ которую сторону мы пойдемъ? Это наше дѣло искать случаевъ къ своему удовольствiю. — Я знаю, что въ глаза отцу не должно противорѣчить, но за глаза всегда то дѣлаю, что мнѣ угодно.

Честное Вилльямово сердце было тронуто такимъ безчестнымъ обманомъ. Онъ вырвалъ у Генрика свою руку, и сказалъ ему, что за нимъ слѣдовать не хочетъ.

Какъ тебѣ угодно, отвѣчалъ ему Генрикъ. Въ твоей волѣ и съ нами итти и назадъ возвратиться. Но ежели я соглашаюсь принять на мой щетъ такую важную погрѣшность и за нее наказанiе, то какая тебѣ до того нужда? Вить я отцу моему обѣщалъ, а не ты.

Это правда, отвѣчалъ Вилліамъ, что я ничего не обѣщалъ; однако я очень чувствую, что мои родители осердились бы, ежели бы я пошелъ куда нибудь безъ ихъ позволенія, а особливо когда батюшка твой строго запретилъ тебѣ туда ходить.

Вить не другой кто, какъ только Генрикъ будетъ за это отвѣчать, сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей. Это не наше дѣло. Но ежели Вилліамъ труситъ, чтобъ его не побили, то это дѣло другое.

Я не трушу, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Вилліамъ. Родители мои никогда не употребляли въ разсужденіи меня никакихъ дурныхъ поступокъ; но я не хочу ихъ обманывать. Они полагаются на мое пове-

денїе; и это было бы великое для нихъ оскорбленїе, ежели бы я довѣренность ихъ употребилъ во зло.

Генрикъ и прочїе молодые люди удивлялись его словамъ. — Они дѣлали разныя злобныя шутки и смѣялись надъ боязливостїю бѣднаго Виллїама. Совѣсть его говорила ему, что худо уступать; но примѣръ его товарищей, ихъ неотступныя прозьбы и насмѣшки скоро поколебали его намѣренїе; и не взирая на упреки своей совѣсти, рѣшился за ними слѣдовать.

Они пришли на ярманку. Прохаживаясь вдоль лавокъ, занимались они разсматриванїемъ прекрасныхъ мѣлочей, которыя тамъ выставлены были. Мало помалу, полагаясь на приглашенїе купцовъ, начали они спраши-

шивать цѣну того, что болѣе привлекало ихъ любопытство. Вилліамъ прежде всего хотѣлъ купить дудочку для своего брата, по томъ взялъ онъ прекрасную записную книжку, за которую у него просили шесть шилинговъ. А какъ это казалось ему очень дорого, то положилъ онъ ее назадъ на прилавокъ; но вдругъ оборотившись зацѣпилъ за нее полою, и уронилъ на полъ. Арнольдъ, одинъ изъ его товарищей, видя, что никто на него не смотритъ, подняль ее и положилъ себѣ за пазуху. Купецъ скоро примѣтилъ, что записной книжки у него нѣтъ; онъ побѣжалъ тотчасъ за Вилліамомъ, и обвинялъ его, что онъ ее укралъ. Вилліамъ отвѣчалъ сурово на такіе выговоры; а купецъ съ вели-

ликимъ крикомъ твердо настоялъ въ своемъ обвиненіи, отъ чего тотчасъ собралась великая толпа подлѣ Вилліама, и положено было, чтобы обыскать его и его товарищей.

Арнольдъ, которой взялъ записную книжку для одной шутки, опустилъ ее съ такимъ же намѣреніемъ во время сего смятенія въ карманъ къ Вилліаму. Вилліамъ, которой былъ весьма увѣренъ о своей невинности, будучи раздраженъ угроженіемъ, которое дѣлалъ ему купецъ, отъ обыска отрекался. Сіе сопротивленіе умножило подозрѣніе въ народѣ, которой бросился на него со всѣхъ сторонъ. Онъ держался руками за свои карманы и валялся на землѣ, чтобъ тѣмъ удобнѣе воспрепятствовать ихъ намѣренію; однако вся его оборо-

рона была безполезна. Можно ли вообразить его удивленіе, когда онъ, будучи преодолѣнъ большею силою, увидѣлъ, что вынули изъ его кармана нещастную книжку! Тщетно доказывалъ онъ свою невинность, когда уже самое дѣло столь ясно его въ томъ обвиняло! Весь народъ бранилъ его мошенникомъ, плутомъ и воромъ. Иные предлагали кинуть его въ публичной колодезь; другіе, привязать его къ ослиному хвосту, и сѣчь; а всѣ предрекали ему, что онъ на висѣлицѣ окончитъ жизнь свою.

Арнольдъ, котораго безразсудная шутка имѣла толь опасныя слѣдствія, началъ уже раскаеваться; но онъ не имѣлъ твердости въ томъ признаться, опасаясь навлечь на себя то

наказаніе, которому подверженЪ былЪ его товарищЪ. ОнЪ оставилЪ бѣднаго Вилліама на его волю оправдываться, а самЪ былЪ безмолвнымЪ зрителемЪ сего произшествія. ГнѣвЪ купца воспалялся часЪ отчасу болѣе. ОнЪ объявилЪ, что хочетЪ представить своего вора предЪ судЪ. ВилліамЪ, устрашенный сими угрозами и будущимЪ невольничествомЪ за такое преступленіе, вЪ которомЪ онЪ *ни мало не былЪ* виноватЪ, принужденЪ просить у него милости на колѣняхЪ, и отдавалЪ все, что имѣлЪ у себя, за его убытокЪ. КупецЪ согласился отпустить его, ежели заплатитЪ ему гвинею. У Вилліама оставалось только девять шилинговЪ; всѣ деньги, сколько было у его товарищей, не могли

могли составить требуемой суммы; а неупросимый купецъ ничего не хотѣлъ уступить.

Въ семъ ужасномъ положенiи Виллiамъ вспомнилъ о серебреной медали, которую дѣдушка ему подарилъ въ тотъ день поутру, приказавъ хранить ее во всю жизнь для памяти. Онъ вынулъ было ее изъ своего кармана; но только что взглянулъ на нее, то закричалъ: нѣтъ! нѣтъ! я тебѣ ее не уступлю, хоть бы ты освободилъ меня и изъ неволи. При сихъ словахъ вдругъ услышали осиплый голосъ одного мальчика, которой кричалъ: погодите, погодите, я заплачу за него шилингъ. Весь народъ обратился на него. Увидѣли малинькаго трубочиста, которой бросивши на землю долгую свою ве-

веревку и свой вѣникъ, началъ шаришь въ своемъ карманѣ, и вынулъ оттуда замараной шилингъ, который однакожъ еще блисталъ въ черныхъ его рукахъ. Это былъ добросердечный Тони. Пришедши на ярманку, увидя собравшуюся толпу, продрался кой-какъ сквозь народъ, и узнавши вдругъ лице Вилліамово, не вѣдая самой причины, за что просятъ съ него деньги, сказалъ ему: вотъ возми, баринъ, у меня одинъ только шилингъ, да и тотъ правда моего хозяина; но что со мною ни будетъ, однако я вамъ отдаю его. Въ сіе время Вилліамъ почувствовалъ угрызенія своей совѣсти. Ахъ! сказалъ онъ самъ себѣ, я не хотѣлъ вчера промѣнять для тебя моей полгвинеи, Тони; а ты, ты нынѣ....

То-

токи слезъ, которыя онъ прежде сего старался удержать, полились тогда изъ глазъ его.

Купецъ взялъ шилингъ; но отъ этого ни мало не смягчился, а еще болѣе хотѣлъ получить медаль, сказавши, что за нее отречется отъ всѣхъ исковъ. Вилліамъ не могъ на то согласиться; но видя, что народъ хотѣлъ вести его въ судъ, а товарищи ни минуты болѣе не могли ждать, по причинѣ приближающейся ночи, откупился наконецъ своею медалію, и тихими шагами пошелъ съ молчаніемъ въ домъ къ Капитану Бофорту.

Какъ они не хотѣли дать виду, будто возвращаются прямо изъ той деревни, то принуждены были сдѣлать великой кругъ, такъ что, когда они при-

пришли, то было уже очень темно. Генрикъ выдумалъ для своего отца забавную небылицу, чтобъ извиниться въ поздномъ своемъ возвращенiи. Вилліамъ при каждомъ словѣ трепеталъ отъ страха и стыда. Онъ скоро простился съ Капитаномъ и возвратился къ своимъ родителямъ.

Когда пришелъ онъ къ дверямъ, то сердце его начало биться съ великою силою. Вмѣсто удовольствiя, которое онъ обыкновенно чувствовалъ, взошедши въ родительской домъ, вмѣсто ревности, которую имѣлъ всегда поспѣшать въ объятiя своей матери, чувствовалъ онъ токи слезъ, текущiе изъ глазъ его, и съ печальнымъ видомъ шелъ скрытно мимо дворовой ограды. Онъ стоялъ

ялъ нѣсколько времени въ первой комнатѣ, предавшись печальнымъ размышленіямъ; но скоро изъ нее вышелъ, услыша голосъ своего дѣдушки, и захотѣвши его подслушать. Г. Греавъ говорилъ съ маленькимъ Робертомъ. Вотъ, говорилъ онъ, я далъ твоему брату и твоей сестрѣ по медали, весьма похожей на твою. Посмотримъ, кто изъ васъ по любви ко мнѣ долѣе ее сохранитъ. Не возможно изобразить, что чувствовалъ бѣдной Вилліамъ, услышавъ сіи слова. Онъ поспѣшалъ войти въ свою комнату, и бросившись на свою кроватъ вскричалъ: о Боже! что мнѣ дѣлать, и что мнѣ сказать? Поплакавъ долгое время, почувствовалъ онъ жестокую въ головѣ боль, и вознамѣрился попросить позво-

зволенїе отдохнуть; онъ всталъ и пошелъ въ большую залу. Маленькой братъ его прибѣжалъ къ нему на встрѣчу, и показывая подарокъ, которой получилъ отъ своего дѣдушки, говорилъ ему, прыгая отъ радости: на вотъ посмотри: не хороша ли моя медаль? Покажи пожалуй мнѣ свою, посмотримъ, одинакїя ли онѣ. Лице Виллїамово покрылось краскою, и какъ Робертъ неотступно просилъ его показать медаль, то онъ отвѣчалъ ему съ нѣкоторымъ сердцемъ: оставь меня въ покоѣ: у меня ее нѣтъ. По томъ жаловался онъ, что у него болитъ голова; и простившись со всѣми, пошелъ спать! Нѣжное безпокойство, которое родители его изъявили о его болѣзни, проникло до глубины его сердца.

Сколь

Сколь мало достоинЪ я ихЪ нѣжности: говорилЪ онЪ! АхЪ! ежели бы они знали, какЪ велЪ я себя нынѣ послѣ обѣда, то сколько бы они за то меня ненавидѣли! КакЪ могутЪ они впередЪ на меня надѣяться, когда я и самЪ на себя положиться не могу! Я зналЪ, что я дурно сдѣлаю, ежели пойду сЪ ГенрикомЪ, но однакожЪ пошелЪ. Все, что ни случилось со мною постыднаго, все есть слѣдствіе сего перваго проступка. О! впередЪ ни за что не соглашусь я дѣлать то, чего по всей строгости добрымЪ почесть не льзя. Таковы были всегда благородныя его намѣренія; но когда искушали его, то никакЪ не доставало ему силЪ кЪ исполненію оныхЪ. Нещасшная слабость, ты всегда

вовлекаешь насъ во всѣ пороки! Послѣ таковыхъ горестныхъ размышленій наконецъ онъ успокоился, но сонъ его былъ печаленъ и отяготителенъ; самыя первыя движенія, которыя онъ проснувшись чувствовалъ, были еще движенія виновной совѣсти.

Кто могъ подумать, чтобъ послѣ претерпѣннаго имъ срама и жестокаго угрызенія совѣсти, могъ онъ опять вскорѣ впасть въ другую еще большую погрѣшность! Онъ вышелъ изъ своей комнаты, имѣя сердце удрученное печалію, и прошедши залу хотѣлъ итти прогуляться въ садъ. Вдругъ увидѣлъ онъ взошедшаго въ противную дверь виновника всѣхъ своихъ злоключеній, молодаго Генрика Бофорта. Что это значитъ,

читъ, Вилліамъ! сказалъ ему Генрикъ; твой видъ еще жалостнѣе, нежели вчера вечеру. Я пришелъ узнать, здоровъ ли ты. Видно, что родители твои тебя наказали; я это уже вижу. Наказали, отвѣчалъ Вилліамъ съ оскорбительнымъ видомъ? Родители мои во всю жизнь меня не наказывали. Напротивъ того я получилъ вчера отъ нихъ весьма нѣжныя ласкательства. Они и подумать не могутъ, чтобъ я былъ столько виновенъ; а это самое приноситъ мнѣ еще болѣе печали. Какой ты ребенокъ! отвѣчалъ его товарищъ. Батюшка мой частехонько бьетъ меня хлыстикомъ; и какъ скоро примѣтитъ, что я его не слушаюсь, то даетъ мнѣ чувствовать до крови военную свою дисципли-

ну; а ужъ вѣрно я бы столько не печалился, какъ ты, опасаясь однихъ только выговоровъ отъ стараго своего дѣдушки. Перестань, Генрикъ, отвѣчалъ Вилліамъ: кто съ нѣжностію любитъ дѣдушку, тотъ говоритъ съ большимъ уваженіемъ о достойномъ человѣкѣ. Ежели бы ты зналъ, какъ горячо онъ меня любилъ! Но, ахъ! можетъ быть онъ лишитъ меня своей любви. Да я того и достоинъ. О! естьли онъ узнаетъ, какъ потерялъ я ту медаль, которую онъ приказалъ мнѣ хранить во всю жизнь для его памяти! Этой страшной мысли никакъ не могу я перенести.

Тщетно употреблялъ Генрикъ разные способы къ укрѣпленію сердца своего товарища. Горесть Вилліамова умножалась бо-

болѣе по мѣрѣ приближенія времени завтрака. Какъ показаться на глаза своихъ родителей! какъ принимать ихъ ласки, сдѣлавъ такія преступленія! Наконецъ приходятъ ихъ звать. Уже онъ шелъ медленными шагами въ большую залу. Вдругъ остановилъ его Генрикъ, и показывая въ концѣ аллеи медаль маленькаго Роберта, которую сей безъ сомнѣнія нечаянно выронилъ изъ своего кармана, вынимая платокъ свой; вотъ тебѣ медаль, сказалъ онъ съ неописанною радостію: теперь надѣюсь я, что ты перестанешъ плакать, и не будешь болѣе опасаться, чтобы узнали твое приключеніе. Вилліамъ протянулъ руку съ чрезвычайною радостію. Но въ самое то время собравшись съ своими мыслями,

ми, вскричалъ: это не моя. О! ежелибы это была она! — Конечно братъ мой потерялъ ее. Какая тебѣ до того нужда, отвѣчалъ Генрикъ съ удивленіемъ? Развѣ ты ее не возмешь? Какой странной разсудокъ! Ежели братъ твой ее потерялъ, то это произошло отъ его молодости. Ему не станутъ дѣлать жестокихъ выговоровъ; а ты подумай, сколько это важно, чтобы насъ не узнали. Сія щастливая встрѣча можетъ тебя отъ всего освободить. Никто не знаетъ, что мы сыскали эту медаль; а какъ она совершенно похожа на твою, то я не думаю, чтобы кто нибудь могъ проникнуть нашу тайну. Вилліамъ остановился. Всѣ выговоры, которыхъ онъ боялся, представлялись ему въ

умѣ весьма въ страшномъ видѣ. Слова Генриковы умножили съ одной стороны его страхъ, а съ другой представляли ему средство отъ того освободиться, Минуты были критическія для его добродѣтели. Честность запрещала ему дѣлать такое подлое дѣло; но страхъ, чтобы не отдалить отъ себя своихъ родителей, повелѣвалъ ему подвергнуться лучше тайнымъ угрызеніямъ своей совѣсти, нежели всеобщему негодованію своей фамиліи. Біеніе сердца его было жестоко; но на сіе время перестало къ его чести. Нѣтъ, сказалъ онъ съ твердостію, я уже много претерпѣлъ и отъ перваго преступленія. Не буду такъ жестокосердъ, чтобы опечалить своего брата и обмануть сво-

ихъ родителей; я положусь лучше на благосклонность своего дѣдушки и разскажу ему по честности всю истинну; я знаю его ко мнѣ доброе расположенїе. — Помилуй, отвѣчалъ ему Генрикъ, что ты хочешь дѣлать? Ежели ты о себѣ ничего не думаешь, то по крайней мѣрѣ разсуди нѣсколько обо мнѣ. Ты былъ вчера нашимъ товарищемъ, а теперь хочешь сдѣлать меня жертвою твоей слабости. Ежели ты объ этомъ дѣлѣ откроешь моему дѣдушкѣ, то онъ всю вину сложитъ на меня. Онъ скажетъ, что я тебя развратилъ, и запретитъ намъ между собою видѣться. Я знаю, сколько онъ строгъ въ разсужденїи повиновенїя. Онъ не преминетъ сказать моему батюшкѣ, что я противился его по-

веленіямъ; а батюшка такъ строго наказываетъ, что одна мысль о томъ меня устрашаетъ. Жестокой Вилліамъ! я пришелъ тебя утѣшить, а ты въ награду за то хочешь меня наказать. Я точно увѣренъ, что ежели бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, то никогда не сдѣлалъ бы того, что ты хочешь теперь сдѣлать со мною.

Сіи слова подѣйствовали много надъ природнымъ Вилліамовымъ великодушіемъ; ибо Генрикъ зналъ, что ему несродно было причинять другому огорченіе. Запутать своего друга въ такомъ дѣлѣ, изъ котораго самому хочется какъ нибудь вытти, казалось Вилліаму столь безчестнымъ и столь подлымъ поступкомъ, что онъ самъ лучше захотѣлъ поступить

пить противъ справедливости. Вотъ поразительный примѣръ для молодыхъ благородно воспитанныхъ людей, которые посѣщаютъ дурныя общества; ибо по неразумѣнїю или по слабости и самое великодушное сердце можетъ произвесть зло, думая дѣлать добро! Такимъ-то образомъ Вилліамъ, разсматривая вещи подъ ложнымъ видомъ, считалъ за разумнѣйшее и благороднѣйшее дѣло, уступить Генриковымъ прозьбамъ. Онъ положилъ наконецъ медаль въ карманъ, и сказалъ: я буду ее хранить въ память вчерашняго преступленїя, согласясь противъ убѣжденїй моей совѣсти слѣдовать за тобою на ярманку. Это была первая причина дурнаго моего поведенїя; но зло возрастаетъ

стаетъ время отъ времени, и кто знаетъ, чѣмъ оно кончится? Я уже за него наказанъ, хотя оно еще и не открыто; и чувствую, что непослушанiе влечетъ за собою ужаснѣйшiя слѣдствiя.

Пришли еще звать ихъ завтракать; и они поспѣшно туда пошли. Генрикъ велъ себя въ компанiи съ тою природною вѣжливостiю, которая отличала его поступки; и сѣлъ, не показывая ни малѣйшаго виду смущенiя, подлѣ Г. Седлея. Но Виллiамъ поступилъ совсѣмъ иначе. Онъ сѣлъ съ печальнымъ видомъ подлѣ окошка; и едва имѣлъ силы отвѣчать на благосклонные вопросы о его здоровьѣ. Онъ потерялъ спокойствiе невинной души; и духъ его предался смущенiю, стыду

и замѣшательству. Какъ скоро завтракъ былъ окончен, то Генрикъ простился съ компанїею; и Г. Греавъ пригласилъ своего внука итти съ нимъ прогуляться въ поле. Виллїамъ желалъ съ охотою отъ того отговориться; но не имѣя никакой къ тому важной причины, рѣшился итти съ своимъ дѣдушкою. Вдругъ маленькой Робертъ, которой вышелъ съ своею сестрою во время завтрака, прибѣжалъ изъ саду, крича печальнымъ голосомъ, что онъ потерялъ свою медаль, и что не знаетъ болѣе гдѣ ее искать При сихъ словахъ Виллїамъ почуествовалъ, что лице его покрылось румянцомъ. Онъ съ поспѣшностїю отворотился, и не могши ни слова выговорить, потупилъ глаза свои въ землю, какъ

какъ будто бы хотѣлъ искать потерянную медаль. О братецъ! сказалъ ему Робертъ, напрасно безпокоишься ты мнѣ ее сыскать, я не здѣсь ее потерялъ: она сего дня поутру была у меня еще прежде завтрака. — Недолго же ты ее сохранилъ для моей любви, сказалъ ему дѣдушка. Я увѣренъ, что Виллїамъ и Фанни гораздо бережливѣе. Фанни тотчасъ вынула свою медаль изъ кармана. Виллїамъ хотѣлъ тоже сдѣлать, но совѣсть его не дозволила ему вынуть руки своей. Онъ держалъ медаль между пальцами, не осмѣливаясь показать ее. Робертъ не могъ удержаться отъ слезъ и вздоховъ. Не плачь, другъ мой, сказалъ ему Г. Греавъ, я тебя извиняю; ты еще ребенокъ, и не привыкъ держать въ

ру-

рукахъ деньги. Я дамъ тебѣ другую медаль, а братъ твой будетъ за нею смотрѣть. Онъ меня очень любитъ. Я смѣю сказать, что онъ, и лишившись меня, долго еще сохранитъ медаль свою. Вилліамъ не могъ ничего сказать; но слезы полились изъ глазъ его. Дѣдушка обнялъ его и говорилъ, чтобы онъ не безпокоился. Хотя я уже и старъ, любезный внукъ, присовокупилъ онъ, однако ты не огорчайся. Медаль, которую я тебѣ далъ, есть самая безделица, но она непрестанно будетъ приводить тебѣ на память, когда ты на нее посмотришь, сколь много я тебя любилъ, и сколь много желалъ твоего щастія. Помни, другъ мой, что ты не можешь быть щастливъ, не имѣя чистой совѣсти,

сти, и что каждое оказанïе ласки, которое ты получишь отъ твоихъ родителей, должно служить тебѣ новымъ ободренïемъ къ утвержденïю твоей души въ честности, справедливости и великодушïи.

При сихъ послѣднихъ словахъ усугубились Виллïамовы слезы. Ласки его дѣдушки болѣе его безпокоили, нежели бы жесточайшïе выговоры. Сто разъ хотѣлъ онъ во всемъ признаться; но страхъ, чтобы не вовлечь Генрика въ нещастïе, въ томъ ему препятствовалъ. Въ сïе время пришли они ко дверямъ сада, и тутъ оставили они Фанни и Роберта; а сами пошли далѣе въ поле. Виллïамъ шелъ съ задумчивостïю и принужденïемъ. Тщетно Г. Греавъ, не подозрѣвая причины его смуще-

щенія, старался развеселить его своими разговорами. Вилліамъ столько чувствовалъ въ сердцѣ своемъ стыда, что не могъ разговаривать съ обыкновенною своею вольностію; наконецъ, когда взошли они на холмъ, съ котораго представлялся имъ прекрасный видъ разныхъ предметовъ, то Г. Греавъ, показывая Вилліаму пальцомъ деревню, въ которую онъ ходилъ назадъ тому два дни къ Тони, спросилъ: видѣлъ ли онъ его послѣ того времени, и исполнилъ ли свое намѣреніе, что хотѣлъ сдѣлать ему небольшой подарокъ? Сей вопросъ столько былъ важенъ, что Вилліамъ не могъ на него тотчасъ дать отвѣта. Ежели сказать, что онъ его видѣлъ, то бы спросили: гдѣ онъ съ нимъ встрѣтился; а объ-

объявивши объ этомъ, должно бы было и во всемъ томъ признаться, что онъ скрыть старается. Долгое время пребылъ онъ въ нерѣшимости. Дѣдушка его, примѣтя сіе смущеніе, взялъ его за руку, и началъ говорить ему болѣе нѣжнымъ нежели грознымъ голосомъ: съ прискорбіемъ вижу я, любезный сынъ, что у тебя какая-то тайна лежитъ на сердцѣ. При всемъ томъ я не требую твоей довѣренности, ежели ты по своей волѣ не хочешь ко мнѣ ее имѣть. Скажи мнѣ, что тебя смущаетъ: можетъ быть я помогу тебѣ въ чемъ нибудь своими разсужденіями. Никакая недовѣрчивость не должна мѣшать тебѣ открыть мнѣ твое сердце. — Ахъ, дѣдушка, вскричалъ Седлей дрожащимъ голо-

сомъ, я не достоинъ, чтобы вы поступали со мною такъ благосклонно. Я не властенъ открыть вамъ моей тайны: другой въ томъ имѣетъ участіе. Ахъ! ежелибы не это меня удерживало, то какъ бы я виновенъ ни былъ, но признался бы вамъ во всемъ въ туже минуту. — Ты долженъ знать, другъ мой, отвѣчалъ Г. Греавъ, такое ли ты сдѣлалъ обѣщаніе, которое бы честь твоя обязывала тебя сохранять. Но берегись, чтобы не впасть въ порокъ съ глупымъ своимъ стыдомъ и упорною привязанностію къ безчестному обѣщанію. Будь увѣренъ, что тотъ не истинный другъ, который хочетъ тебя обязать, чтобы ты сохранилъ отъ твоихъ родителей такую вещь, о которой ты самъ увѣренъ

ренъ, что объ ней должно ихъ увѣдомить. Чувствительно пораженный сими разсужденіями Вилліамъ, сражаясь внутренно долгое время въ молчаніи съ своею тайною, наконецъ хотѣлъ было оную объявить, какъ вдругъ увидѣли они къ томуже мѣсту идущихъ двухъ человѣкъ, которыхъ они тотчасъ и узнали, ибо одинъ изъ нихъ былъ сосѣдній дворянинъ, а другой Эннія, дочь его, которую онъ взялъ изъ Пансіона, дни два тому назадъ, чтобы показать ей деревенскую ярманку. Молодая Мисса была сопряжена дружбою съ Вилліамовою сестрою, и отецъ велъ ее въ то время къ ея пріятельницѣ. Вилліамъ весьма обрадовался сей встрѣчѣ, щастливо прекратившей такой разговоръ, отъ котораго онъ

 былъ

былъ въ великомъ смущенiи. Они пошли всѣ четверо вмѣстѣ въ домъ. Не трудно угадать, съ какою радостiю Фанни встрѣтила любезную свою подругу. Что же касается до бѣднаго Роберта, то онъ сидѣлъ въ углу съ печальнымъ видомъ, откусывая край у своего платка, и думалъ о своей потерѣ. Вилліамово сердце раздираемо было печалiю своего брата, и онъ, не могши выдержать сего зрѣлища, вышелъ поспѣшно изъ зала, чтобы погулять нѣсколько времени по саду. Сердце его еще чувствительнѣе было тронуто, когда онъ проходилъ по тому мѣсту, гдѣ нашелъ медаль. Онъ вынулъ ее изъ своего кармана, и разсматривая ее съ чувствительностiю, сказалъ: нѣтъ, ты не моя, и я отдамъ тебя тво-

твоему хозяину; не хочу, чтобы братЪ мой страдалЪ еще болѣе отЪ моего проступка. Что бы со мною ни сдѣлалось, но я не буду столько подлЪ, чтобы всегда поступать противу совѣсти и чести: будучи одушевленЪ симЪ благороднымЪ намѣренiемЪ, взошелЪ онЪ вЪ залу, и подбѣжавши кЪ своему брату, сказалЪ: не безпокойся, возми, вотЪ твоя медаль, я ее нашелЪ. РобертЪ вдругЪ бросился ее взять; и обнявши своего брата, изЪявилЪ ему свою признательность и радость простосердечными ласками.

Удовольствiе Виллiамово было не много нарушаемо внутреннимЪ гласомЪ, которой ему упрекалЪ, что онЪ мало достоинЪ былЪ сихЪ нѣжныхЪ благодаренiй. Дурная совѣсть отра-

вляетъ наичистѣйшіе источники радости, и не попускаетъ наслаждаться ни однимъ совершеннымъ удовольствіемъ. Онъ принужденъ былъ сказать, гдѣ сыскалъ медаль, но однакожъ остерегался объявить время, сколько она была въ его карманѣ, давая всѣмъ знать, что онъ только лишь ее нашелъ. Будучи колеблемъ внутренними волненіями, которыя мучили его во глубинѣ сердца, онъ не могъ долѣе скрывать сего смятенія предъ глазами всѣхъ его окружающихъ; пошелъ въ свою комнату, чтобы тамъ въ уединенной тишинѣ успокоить духъ свой. Между тѣмъ маленькой Робертъ, прыгая отъ радости по своей комнатѣ, наконецъ остановился подлѣ пріятельницы сестры своей,

ей, и показывая ей любезную для него медаль, просилъ ее посмотрѣть, какъ она прекрасна, и увѣрялъ, что впредь будетъ беречь гораздо съ большимъ старанїемъ. Молодая Мисса, разсматривая ее со вниманїемъ нѣсколько времени, сказала, что и у ней есть совершенно ей подобная, которую подарилъ ей одинъ другъ ея батюшки.

Г. Греавъ, услышавъ сїи слова, тотчасъ попросилъ ее посмотрѣть, для того что тѣ медали, которыя онъ далъ своимъ дѣтямъ, были очень стары, и что онъ ихъ почиталъ весьма за рѣдкїя. Положивъ ее на нѣкоторое время на столъ, чтобъ сыскать свои очки, взялъ онъ ее опять, подошелъ къ окошку, разсматривалъ съ великимъ вниманїемъ,

и оборотившись къ молодой Миссѣ, просилъ ее, чтобы она ему сказала, не знаетъ ли, гдѣ досталъ ее другъ ея батюшки? Она отвѣчала ему, что онъ купилъ ее вчера на ярманкѣ у одного купца, которой получилъ ее тотъ же часъ отъ молодаго мальчика, пойманнаго въ покражѣ изъ его лавки записной книжки. Г. Греавъ, попрося у нее на нѣкоторое время сей медали, вышелъ тотчасъ изъ залы, и вошедъ въ Вилліамову комнату, нашелъ его сидящаго за столомъ и нѣчто пишущаго. Любезный Вилліамъ! сказалъ онъ ему, я не пришелъ тебѣ мѣшать, но попросить тебя, чтобы ты ссудилъ меня своею медалію; мнѣ хочется ее случить съ этою. При семъ нечаянномъ вопросѣ

ще-

щеки Вилліамовы покрылись багряною краскою, и онъ пришелъ въ такое смущеніе, что не могъ выговорить ни одного слова. Наконецъ, запинаясь, сказалъ: у — у — у меня ее нѣтъ; и вдругъ слезы покатились изъ глазъ его. Сынъ мой! говорилъ ему его дѣдушка, признайся мнѣ искренно во всемъ. Вилліамъ сперва не могъ иначе отвѣчать, какъ своими вздохами. Но скоро по томъ, когда Г. Греавъ снова требовалъ отъ него довѣренности, взялъ онъ его за руку и вскричалъ печальнымъ и унылымъ голосомъ: ахъ дѣдушка! не хочу васъ обманывать. Я очень достоинъ всякаго наказанія; но ежели вы имѣете столько благосклонности, чтобы меня простить: то я осмѣливаюсь дать вамъ обѣщаніе, что

во всю жизнь болѣе ни въ какое преступленіе впадать не буду. По томъ разсказалъ онъ ему все, что ни произошло дорогою между Бофортомъ, его товарищемъ и имъ самимъ; по томъ объявилъ ему приключеніе свое на ярманкѣ, увѣряя его безпрестанно, что онъ не кралъ записной книжки, такъ какъ въ томъ его обвиняли.

Г. Греавъ, видя его довольно униженна симъ признаніемъ, не хотѣлъ совершенно его пристыдить. Однакожъ сказалъ онъ ему, сего дня поутру, когда ты искалъ медали въ карманѣ, ты вить зналъ, что ее тамъ не было, и что она также не могла тамъ быть. За чѣмъ же заставлялъ ты меня думать совсѣмъ иное? За чѣмъ ты принималъ отъ меня по-

похвалы, а брата своего подвергъ моимъ выговорамъ? Вы мнѣ часто говорили, дѣдушка, что скорое и истинное признанiе есть первое исправленiе погрѣшности; я бы это исполнилъ сего же утра, прежде еще завтрака, ежели бы Бофортъ не убѣдилъ меня сохранить дѣло сiе въ тайнѣ, чтобы ему избѣгнуть наказанiя, которое бы онъ долженъ былъ получить отъ своего отца. Я не хочу складывать на него всей вины, чтобы себя тѣмъ оправдать; но его мерзкiе совѣты принудили меня взять медаль моего брата, которую мы сыскали въ саду. Я сохранялъ ее до того времени, пока ему не отдалъ, какъ вы и сами то видѣли, не могши долѣе у себя ее держать. Ежели вы изволите поло-

жить-

житься впредь на мои обѣщанія, то будьте увѣрены, что я никогда не буду вести себя столь неприлично вашимъ ласкамъ. О когда бы вы знали все то, что я претерпѣлъ за мое преступленіе! Оно конечно бы принудило васъ умилосердиться надо мною и меня простить. Сими словами онъ кончилъ рѣчь свою и наклонилъ голову, не осмѣливаясь смотрѣть на своего дѣдушку.

Г. Греавъ, будучи смягченъ такими трогательными прозьбами, взялъ своего внука за руку, и исполненнымъ пріятности голосомъ сказалъ ему: любезный другъ! какъ я вижу, что ты весьма пронутъ своимъ преступленіемъ, то я думаю, что могу теперь положиться на твое раскаяніе. Еже-

ли

ли твое сердце дѣйствительно благородно, то прощенїе за твой проступокъ покажетъ тебѣ его гнусность болѣе, нежели всѣ выговоры и наказанїе. Но я долженъ тебѣ сказать, что ты не можешь еще совершенно смотрѣть за собою. Ты видишь, что не довольно того, чтобъ имѣть одни только правила истинны и честности, для предохраненїя тебя отъ заблужденїй. Что касается до Генрикова характера, то ты самъ можешь разсудить, достоинъ ли онъ служить для тебя примѣромъ, и сколь развратенъ долженъ быть тотъ, кто насмѣхается надъ запрещенїями своихъ родителей и обязываетъ другихъ къ худому поведенїю. Совѣты его были основаны на нещастныхъ его побужденїяхъ, на

на подлости и обманѣ. Такимъ-то образомъ, любезный сынъ, ты отъ перваго преступленія немедленно приведенъ былъ ко множеству другихъ, не могши отъ того воздержаться, пока наконецъ не лишился пріятнаго душевнаго спокойствія, принадлежащаго однимъ только невиннымъ, и твое сердце не было проникнуто множествомъ печальныхъ чувствованій. Ежели бы ты присовокупилъ къ твоему преступленію еще обманъ, то бы я скоро его открылъ, потому что купецъ, коему ты принужденъ былъ уступить твою медаль, продалъ ее одному человѣку, которой подарилъ ее Энніи, разсказавши ей, какимъ образомъ попалась она ему въ руки. Она теперь у меня; вотъ она: посмотри на нее.

Ви-

Видишь ли ты эту литеру В? я ее тутъ самъ вырѣзалъ прежде, нежели тебѣ ее отдалъ, такъ какъ вырѣзалъ начальныя литеры имени твоего брата и твоей сетры, и на тѣхъ медаляхъ, которыя я имъ далъ, чтобы они никогда вмѣстѣ не перемѣшались; и хотя бы одна изъ нихъ пропала, но я бы могъ узнать, кому она принадлежитъ. Теперь остается только дать тебѣ наставленїе, которое ты можешь вывести изъ сего проступка. Въ какой бы глубокой тайности по видимому дурное какое дѣло сдѣлано ни было; однакожъ есть нѣкоторыя непредвидимыя обстоятельства, которыя могутъ ихъ открыть. Ты конечно не думалъ нынѣшнимъ утромъ встрѣтиться съ молодою Миссою. Еще менѣе то-

того думалъ, когда мы съ нею встрѣтились, и когда ты тому радовался, что она такъ кстати пришла, чтобы она была та самая, которая бы служила тебѣ уликою, объявивши мнѣ о твоей медали. Научись изъ сего, другъ мой, что ежели ты дѣлаешь худо, то безпрестанно бываешь въ опасности быть обнаружену самыми неожидаемыми случаями, и что слѣдовательно всегда подвергаться наижесточайшимъ нещастіямъ. Безопасность есть всегда вѣрная подруга добродѣтели. Честной человѣкъ не долженъ никогда скрывать постыдныхъ тайностей. Будучи свободенъ отъ сихъ опасныхъ безпокойствъ, которыми ты нынѣшнее утро былъ тревоженъ, онъ не имѣетъ нужды ни въ

ка-

какихъ обманахъ и уверткахъ; и отъ одного воображенія о такомъ поступкѣ приходитъ въ трепетъ. И такъ имѣй всегда сію искренность непорочнаго и любезнаго характера, удаляясь отъ всего того, въ чемъ совѣсть твоя укорять тебя можетъ. Сей внутренній гласъ будетъ всегда надежнѣйшій твой путеводитель. Ежели ты почувствуешь, что сердце твое находится въ смущеніи, и захочешь поступить противъ воли твоихъ родителей; то тотчасъ войди въ самаго себя, разсуди о себѣ самомъ, и не совращайся съ сего пути никакимъ глупымъ страхомъ. Нѣсколько времени будешь ты чувствовать, что весьма непріятно быть предметомъ посмѣянія распутныхъ людей; но все сіе

твоею твердостію скоро преодолѣно будетъ, и потомъ ты будешь наслаждаться благосклонностію своихъ друзей, такъ какъ и собственнымъ удовольствіемъ своего сердца; и въ семъ-то состоитъ, любезный сынъ, благородное награжденіе за добрые поступки. Что же касается до боязни наказанія, или надежды избѣжать его: то ни одна изъ сихъ недостойныхъ побудительныхъ причинъ не должна имѣть никакого влїянія на твое поведеніе. Дитя, которое боится дѣлать зло, отъ одной мысли, быть за то наказану, потеряло уже всѣ основанія чести. Естьли твои родители никогда нѣ употребляли противъ тебя строгихъ наказаній, то это для того, что ты до сихъ поръ былъ уменъ

и послушенъ. Не думай, чтобы они хотѣли оставить преступленія твои безъ наказанія, когда ты перемѣняешь свое поведеніе; и для того не хвались, что ты не опасаешься наказаній, но имѣй всегда благородное намѣреніе, чтобы не подвергнуть себя онымъ. Оно не должно причинять тебѣ никакого страха, развѣ только когда ты увѣришься, что никогда не должно того дѣлать, что можетъ его навлечь на тебя. Я знаю, что ты имѣешь благородное сердце; но его легко можно развратить. Ты долженъ стараться излѣчить его отъ сей слабости, естьли во всю свою жизнь не хочешь подвергаться великимъ нещастіямъ. Наблюденіе правилъ честности и справедливости, любезный

 другъ,

другъ, болѣе всего нужно къ приведенію въ совершенство благовоспитаннаго человѣка. Ты нѣжно любишь брата своего; но приведенъ будучи въ заблужденіе безчестными развратами, ты согласился было его обмануть и оскорбить; а изъ сего видно, что ты въ то время потушилъ въ себѣ все чувство честности и любви. Вотъ какъ можетъ худой поступокъ, какого бы онъ рода ни былъ, ожесточить сердце и сдѣлать его подлымъ. Я льщу себя надеждою, что этотъ примѣръ, случившійся съ самимъ тобою, будетъ служить вѣчнымъ для тебя наставленіемъ. Повѣрь въ томъ долговременной моей опытности; не возможно положить границъ злу, и не льзя сказать: я до такого-то времени буду въ за-

заблужденіи, а по томъ изъ него выйду. Ежели ты согласишься одинъ разъ сойти съ одной только ступени твоей невинности, то глаза твои скоро ослѣпятся, и ты не примѣтишь, до какой крайности можешь достигнуть въ своемъ преступленіи.

Сіи слова имѣли великое дѣйствіе надъ Вилліамомъ. Онъ обѣщалъ, проливая слезы, не полагаться болѣе на свою слабость. Г. Греавъ, тронутый его раскаяніемъ, объявилъ ему свое прощеніе, коего онъ испрашивалъ у него со слезами, и подтвердивъ свое помилованіе нѣжнѣйшими объятіями, оставилъ его съ тѣмъ, чтобъ дать ему время успокоиться. Вилліамъ, нѣсколько облегченый отъ тягостнаго бремени, которое угнѣ-

нѣтало его сердце, вскорѣ пришелъ въ такое состоянїе, что могъ выйти къ своимъ родителямъ, хотя мучительныя помышленїя о проступкѣ, которыя еще и теперь въ немъ сохранились, уменьшили его живость и сдѣлали задумчивымъ и молчаливымъ.

Всѣ его мысли и чувствїя были устремлены во все утро на самаго себя; но послѣ обѣда вспомнилъ онъ, что долженъ еще былъ отдать Тони шилингъ, которымъ онъ его ссудилъ столь благородно въ его безумствѣ. Но онъ уже болѣе не имѣлъ у себя денегъ; а просить у дѣдушки, то должно ему было опять возобновить то воспоминанїе, которое хотѣлъ истребить навсегда изъ своей памяти. Въ семъ со-

сто-

стоянiи вознамѣрился онъ объясниться своей сестрѣ, зная, что она всегда расположена дѣлать ему удовольствiе. По щастiю нашелъ онъ у ней три шилинга къ своимъ услугамъ.

Съ этою небольшею суммою пошелъ онъ скорыми шагами въ деревню, гдѣ жилъ Тони. Находясь уже въ недальнемъ отъ нее разстоянiи, услышалъ онъ пронзительный крикъ, исходящiй изъ средины густаго лѣска въ правой сторонѣ отъ дороги. Онъ тотчасъ туда побѣжалъ, чтобы подать помощь тому нещастному, которой произносилъ жалобы. Но по мѣрѣ, какъ онъ приближался, голосъ становился слабѣе и тише; и прежде еще его прихода, онъ совсѣмъ уже утихъ, и не слышно было ничего. Человѣкъ,

которой вдругъ выскочилъ изъ средины лѣска, и бѣжалъ оглядываясь на него, далъ ему примѣтить то мѣсто, гдѣ ему должно было искать печальной предметъ своего сострадания. Это былъ мальчикъ, покрытый рубищемъ, и лежащій на землѣ безъ всякаго движенія. Онъ приблизился къ нему для подания ему помощи. Но какое было его удивленіе, когда узналъ онъ въ немъ Тони! Это въ самомъ дѣлѣ былъ онъ. Немилосердый хозяинъ привязалъ его веревкою къ одному пню и кожанымъ ремнемъ избилъ его съ ногъ до головы Онъ окончилъ свое тиранство, давъ ему въ голову жестокой ударъ палкою, которая его оглушила и отняла у него употребленіе чувствъ. Можетъ быть простеръ бы онъ свое варвар-

ство еще далѣе, ежели бы приближенїе человѣка, которой бы могъ объявить на него, не принудило его предаться бѣгству.

Вилліамъ бросился на Тонїево тѣло, разорвалъ веревку, и всячески старался привести его въ себя. Увы! сей бѣднякъ не могъ еще выпти изъ своего обморока. Вилліамъ обращалъ свои взоры во всѣ стороны, смотря, не найдется ли кто нибудь, кто бы могъ ему пособить. Онъ увидѣлъ сквозь кустарникъ молодаго мальчика, которой возбудилъ въ немъ тотчасъ мысль о маленькомъ ученикѣ, о которомъ Тони говорилъ ему при первомъ ихъ свиданїи. Кликавши его долгое время безполезно, наконецъ побѣжалъ онъ самъ къ нему, и спрашивалъ его: для чего нейдетъ онъ

помогать своему товарищу? О, доброй баринъ! отвѣчалъ ему мальчикъ съ великимъ страхомъ, я боюсь, чтобы хозяинъ не возвратился и не побилъ бы и меня такъ же. — Да за что онъ съ Тоніемъ такъ немилосердо поступилъ? — За то, что онъ не принесъ домой того шилинга, которой онъ получилъ вчера отъ господина Дигби за вычистку трубъ. Онъ вошедши сказалъ хозяину, что онъ нынѣ же отдастъ ему этотъ шилингъ. Хозяинъ согласился ждать все утро; но видя, что шилинга ему не отдаютъ, такъ разсердился, что взявши Тони, привелъ его въ этотъ лѣсокъ, и сказалъ ему, что хочетъ его убить. Ахъ! какъ я боюсь! Не въ самомъ ли дѣлѣ онъ его убилъ! Посмотрите, вить Тони

ни лежитъ безъ всякаго движенія; и вѣрно, ежели бы онъ не умеръ, то бы тотчасъ всталъ и ушелъ отсюда, чтобы не претерпѣть еще большаго наказанія.

О Боже мой! вскричалъ Вилліамъ. Какъ, это я, бѣдниькой Тони, я былъ причиною такого съ тобою поступка! Ахъ! можешь ли ты это мнѣ простить! Могу ли я самъ себя въ этомъ простить! Что мнѣ сдѣлать, чтобы заплатить тебѣ за твои страданія? Оканчивая сіи слова, оборотился онъ къ нему, и началъ всячески объ немъ стараться. Не долго старался онъ безполезно. Тони, испустивши тяжкой вздохъ, открылъ немного свои глаза. Праведное небо! онъ еще дышетъ, вскричалъ Вилліамъ! Взгляни,

лю-

любезный другъ, взгляни: я пришелъ подать тебѣ помощь. Гласъ сострадания показался Тони столь страннымъ, что онъ едва могъ различить произношение. Онъ смотрѣлъ на Виллиама, не узнавая его, и казалось, будто опять впалъ въ обморокъ; однакожъ мало помалу пришелъ совершенно въ себя. Ахъ, это вы, баринъ! сказалъ онъ Виллиаму, смотря на него съ изумлениемъ. Хорошо же меня на вашъ щетъ побили; но не бойтесь. Благодарю Бога, я на то сотворенъ, чтобы терпѣть. Бѣда прошла, и я о ней не жалѣю.

Виллиамъ, не могши отвѣчать ему ни слова, помогалъ ему съ прискорбиемъ стать на ноги. Онъ повелъ его къ межѣ сосѣдняго поля, куда Тони съ трудомъ

домъ могъ дойти; и тамъ сѣли они подъ тѣнїю одного плетня, который укрывалъ ихъ отъ всѣхъ людей. Виллїамъ пребылъ нѣсколько времени въ молчанїи; по томъ отерши изъ глазъ текущїя слезы, просилъ Тони простить его, что онъ былъ причиною всѣхъ его нещастїй, не заплативши ему долгъ свой. Но для чего же, присовокупилъ онъ, не пришелъ ты ко мнѣ? Я бы тебѣ съ благодарностїю тотчасъ заплатилъ. О, доброй баринъ! отвѣчалъ Тони, я и самъ тоже думалъ; почему нынѣ поутру и бѣгалъ я къ вамъ въ замокъ тою дорогою, гдѣ я васъ въ первой разъ видѣлъ, когда вы меня оставили и сѣли въ прекрасную карету, которая весьма скоро уѣхала. Я спрашивалъ молодаго барина, потому

что

что не зналъ, какъ васъ иначе назвать; но вашъ кучеръ, или по крайней мѣрѣ я думаю, что это онъ былъ, сказалъ мнѣ, что куда какой я малой мальчикъ, и имѣю дѣло съ его бариномъ, и что сверьхъ того вы въ то время не были дома. По томъ, когда онъ началъ отсылать меня прочь, то я сказалъ ему, что вы должны мнѣ шилингомъ, и просилъ его, не можетъ ли онъ мнѣ за васъ заплатить, увѣряя, что вы не будете имѣть большаго удовольствія, какъ отдать ему этотъ шилингъ. Ахъ, ты плутъ! сказалъ онъ мнѣ; и потомъ посылалъ меня, правду вамъ сказать, ко всѣмъ злымъ духамъ, и ударивши раза два или три кнутомъ, которой былъ у него въ рукѣ, сбилъ меня со двора. О бѣд-

нинь-

минькой! вскричалъ Виллїамъ, какъ мнѣ это досадно! Видно ты тогда приходилъ, какъ я прогуливался съ дѣдушкою. Я тебѣ сей часъ же заплачу, присовокупилъ онъ, отдавая ему тѣ три шилинга, которые онъ съ собою принесъ. На сей случай я не имѣю у себя болѣе, однако я тебя увѣряю, что первыя деньги, которыя у меня случатся, сохраню для тебя — Я васъ ссудилъ однимъ только шилингомъ, отвѣчалъ ему Тони, а два вы мнѣ дали излишку. Возми, возми себѣ ихъ всѣ, сказалъ Виллїамъ; я бы желалъ имѣть еще въ десять разъ болѣе, чтобъ всѣ ихъ отдать тебѣ.

Въ сїе самое время, маленькой ученикъ, которому страхъ помѣшалъ итти за Виллїамомъ

къ

къ своему товарищу, прибѣжалъ со всѣхъ ногъ къ Тони и сказалъ ему, что онъ можетъ возвратиться домой; ибо хозяинъ пошелъ въ кабакъ, гдѣ онъ по своему обыкновенію конечно до вечера пробудетъ. Тони тотчасъ всталъ и сказалъ Вилліаму, что онъ хочетъ, пользуясь отсутствіемъ своего хозяина, возвратиться домой, для того что его хозяйка, наилучшая въ свѣтѣ женщина, вѣрно весьма много объ немъ безпокоится: то, чтобы вывесть ее изъ сего безпокойства, Вилліамъ отвѣчалъ ему, что онъ его не оставитъ; и такъ пошли они всѣ трое къ избѣ. Хотя Тони съ великимъ трудомъ за ними тащился, однако Вилліамъ и маленькой его товарищъ поддерживали его подъ руки, и они скоро туда пришли.

шли. Вилліамъ, вошедши, увидѣлъ бѣдную женщину, одною рукою утирающую слезы свои, а другою держащую ребенка, котораго она кормила грудью. Невинное дитя оставляло по времени сосцы, и глядѣло съ улыбкою на мать свою, которая не могши ему въ томъ отвѣтствовать, орошала его слезы. Маленькая ея дочь, около двухъ лѣтъ, стояла у колѣнъ своей матери, и плакала, чтобъ она взяла ее на руки и дала бы чего нибудь поѣсть. Другое дитя, стоя подлѣ стола, старалося достать кусочекъ чернаго хлѣба, чернаго болѣе отъ сажи, нежели по собственному своему виду. Вотъ какое было зрѣлище, которое поразило взоръ молодаго Седлея, при входѣ его въ сію из-

бу. Тони слѣдовалъ за нимъ, и позабывъ свою боль, бросился скоро въ избу и вскричалъ: я здѣсь, дорогая хозяюшка! не плачь! я здѣсь. Она не знала о Вилліамовомъ приходѣ. При Тоніевомъ голосѣ подняла она вдругъ свою голову, отирая глаза, которые такъ распухли, что она едва могла его видѣть. Какъ, это ты, бѣдное дитя, отвѣчала она ему? Здоровъ ли ты? не изувѣченъ ли ты? Ахъ! какъ мужъ мой бѣсился! Я стала у него просить за тебя, но онъ за то далъ мнѣ такой страшной ударъ въ голову, что я думала уже, что онъ въ одинъ разъ окончилъ всѣ мои страданія. Но это не тотъ ли молодой человѣкъ, о которомъ ты мнѣ говорилъ? — Такъ, это я, отвѣчалъ Вилліамъ. Меня

То-

Тони ссудилъ шилингомъ, которой всѣмъ вамъ причинилъ столько горести, вмѣсто того что я одинъ долженъ былъ ее претерпѣвать.

Дѣти, которыя было перестали нѣсколько времени кричать, возобновили опять оное съ большею силою. Мать велѣла имъ терпѣть; ибо у ней оставалась одна только копѣйка на покупку для нихъ хлѣба. Тони тотчасъ показалъ ей деньги, которыя онъ получилъ, и обѣщалъ дѣтямъ, что ежели они будутъ поумнѣе, то онъ дастъ имъ чего нибудь поѣсть. Въ самомъ дѣлѣ вскорѣ послалъ онъ маленькаго ученика купить хлѣбную лепешку, по принесенїи которой радость возродилась во всемъ домѣ. Жадность, съ которою дѣти ѣли такой

черной и недопеченой хлѣбъ, привели Седлея въ величайшее удивленіе. Вся малая сія семья благодарила его за такую щедрость, узнавши, что ему одолжена она такою хорошею пищею. Виллїамъ наслаждался съ восторгомъ сею общею признательностїю. Но какъ уже ночь приближалась, то онъ былъ принужденъ оставить сїю избу и возвратиться въ замокъ. Идучи дорогою, разсуждалъ онъ о приключенїяхъ, случившихся съ нимъ въ сей и прошедшїй день. Онъ увидѣлъ сколько слабость, которая принудила его согласиться противъ своей совѣсти на Бофортовы мерзкїе совѣты, причинила ему униженїя и печали. Мало было для него безчестїя, которое онъ получилъ на ярманкѣ, мало душевнаго

стра-

страданія, которое онъ чувствовалъ при своемъ возвращеніи, мало было для него и стыда; будучи открытъ въ притворствѣ и обманѣ, онъ еще погрузилъ въ великую печаль своего брата, котораго весьма нѣжно любилъ; онъ былъ причиною тому, что великодушной его благотворитель претерпѣлъ мученіе, и что нещастная женщина была въ опасности лишиться жизни. Всѣ сіи картины, живо представляющіяся его мыслямъ, заставили его трепетать отъ ужаса. Онъ чувствовалъ, сколь нужно побѣждать свою слабость и слѣдовать однимъ только внушеніямъ чести и добродѣтели. Сіи правила укрѣпились болѣе и болѣе въ душѣ его. Онъ вѣрно наблюдалъ ихъ съ сего самаго дня; а тѣ, ко-

которыхъ сія маленькая исторія могла привязать нѣсколько къ добросердечному Тони, будутъ весьма довольны слышать, что Вилліамъ имѣлъ удовольствіе вскорѣ доставить ему гораздо щастливѣйшій жребій.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Лондонъ, Октября 24.

Вчерашній день, матушка, мы опять пріѣхали въ этотъ великой городъ. Но къ нещастію эта поѣздка означена весьма печальнымъ приключеніемъ.

Г. Бартлетъ, Карлъ и я, мы всѣ трое ѣхали впереди въ легкомъ берлинѣ. Г. и Гжа. Грандиссонъ съ Эмиліею и Эдуардомъ слѣдовали за нами. Мы согласились дожидаться ихъ въ одномъ боль-

большемъ трактирѣ, чтобы вмѣстѣ отобѣдать и дать отдохнуть нашимъ лошадямъ. Какъ скоро мы остановились, то услужливый Генрикъ, желая поскорѣе отворить намъ дверцы, по нещастію упалъ и переломилъ себѣ ногу. Подумайте, какое было наше огорченіе при этомъ нечаянномъ случаѣ. Мы тотчасъ отнесли сего бѣдняжку въ лучшую комнату въ трактирѣ, а Карлъ послалъ за городовымъ лѣкаремъ. Не взирая на величайшую свою боль, онъ имѣлъ столько твердости, что помогалъ въ операціи и приготовлялъ все для нее нужное. Когда пріѣхала другая карета, то другъ мой просилъ послѣ обѣда своего отца, чтобъ онъ позволилъ намъ остаться до завтрешняго дни въ этомъ трак-

тирѣ подлѣ нещастнаго Генрика. Г. Грандиссонъ на то согласился, насъ оставилъ, а самъ съ прочими отправился въ путь. Для чего не могу я вамъ описать тѣхъ нѣжныхъ и усердныхъ стараній, которыя Карлъ во весь день прилагалъ о бѣдномъ Генрикѣ! Онъ не хотѣлъ отойти отъ его постели и всячески его утѣшалъ. Около десяти часовъ ввечеру призвалъ онъ кучера, и приказалъ ему всю ночь препроводить подлѣ Генрика, и тотчасъ насъ кликнуть, ежели наше присутствіе будетъ нужно.

Мы на другой день встали очень рано, и имѣли удовольствіе видѣть, что нашъ больной нѣсколько оправился. Однакожъ Карлъ не хотѣлъ ѣхать прежде прибытія женщины, кото-

торую Г. Грандиссонъ обѣщалъ прислать изъ Лондона для присмотру за Генрикомъ. Но не дождавшись ее принуждены мы были отправиться въ путь; но прежде нашего отъѣзда другъ мой велѣлъ хозяину смотрѣть за больнымъ какъ можно лучше, и обѣщалъ ему за то хорошее награжденіе.

Вы видите, матушка, можно ли имѣть болѣе благоразумія и человѣколюбія, нежели мой другъ. Пускай думаютъ, что онъ одаренъ всѣми совершенствами; они всякой день открываются въ немъ новыя; равно и моя дружба отчасу болѣе возрастаетъ. Мнѣ кажется, что не льзя уже больше его любить, однакожъ когда посмотрю, то я люблю его всякой день болѣе и болѣе. Но не къ не-

нему одному сердце мое проникнуто чувствами нѣжной любви. Дражайшая матушка, любезнѣйшая сестрица, вы, вы всегда будете занимать первое мѣсто въ моемъ сердцѣ.

П. П. Я позабылъ вамъ сказать, что Эдуардъ отъѣзжаетъ теперь въ свой полкъ.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Лондонъ, Ноября 23.

Здоровье добраго Генрика совсѣмъ уже, матушка, возстановлено; однакожъ онъ ходитъ еще на костыляхъ. Переломленая его нога гораздо короче другой; и такимъ онъ долженъ остаться во всю свою жизнь. — Его нещастіе весьма трогаетъ Г. и Гжу. Грандиссонъ, для

для того что онъ былъ слуга знающій, вѣрный и привязанный къ своимъ господамъ. Карлъ и сестра его разговаривали объ немъ нынѣ поутру съ своими родителями, что самое и хочу я вамъ разсказать.

Карлъ.

Какъ мнѣ досадно, батюшка, что бѣдной Генрикъ такъ нещастливъ; онъ былъ проворенъ и услужливъ.

Г. Грандиссонъ.

И я не менѣе тебя, любезный сынъ, это чувствую. Ты видишь, что никогда не должно на себя полагаться. Иногда бываешь бодръ и проворенъ; но одинъ нещастной случай, котораго вся мнимая прозорливость не можетъ предвидѣть, лишаетъ насъ въ одну минуту или всего нашего здоровья, или одно-

одного изъ нужнѣйшихъ для насъ членовъ, а часто и самой жизни. На прошедшей недѣлѣ одинъ знакомой мнѣ человѣкъ созывалъ всю свою родню праздновать свои имянины, и сдѣлалъ для нее хорошїй обѣдъ. Онъ видѣлъ себя окруженнаго своими дѣтьми и племянниками, получалъ отъ нихъ нѣжныя ласки и веселился, что онъ живетъ для того, чтобъ быть любиму. Послѣ обѣда онъ хотѣлъ выйти: нога его поскользнулась при первомъ шагѣ на лѣстницѣ; онъ упалъ; голова его разшиблась; тутъ его и смерть. Таковыя приключенїя случаются всякой день.

Карлъ.

Нещастїе, случившееся съ бѣднымъ Генрикомъ, произошло отъ того, что онъ слишкомъ усер-

усерденъ былъ въ исполненіи нашихъ повелѣній. Что ему теперь дѣлать? онъ не въ состояніи уже болѣе служить.

Эмилія.

Ахъ! нѣтъ. Кто захочетъ взять хромаго слугу? По щастію батюшка и матушка его жалуютъ! Подлинно, смѣю сказать, что намъ нечего опасаться, чтобъ онъ когда нибудь....

Г. Грандиссонъ.

Ну, Эмилія, продолжай; что ты хотѣла сказать?

Эмилія.

Ахъ, матушка! что мнѣ вамъ сказать? вы лучше меня знаете, что вы можете для него сдѣлать.

Г. Грандиссонъ.

Говори смѣло, любезная дочь; какъ ты думаешь, что въ такомъ

комъ случаѣ должно намъ предпринять?

Эмилїя.

Когда вы приказываете, батюшка, то я вамъ повинуюсь. Вы сдѣлали милость, дали пенсїю старому вашему садовнику за то, что вы всегда довольны были его услугою.

Г. Грандиссонъ.

Это правда; но это человѣкъ дряхлой, которой служилъ въ моемъ домѣ болѣе сорока лѣтъ. Онъ испыталъ великїя нещастїя; и ничего уже не можетъ сдѣлать для снисканїя себѣ пищи; а Генрикъ напротивъ того можетъ еще работать.

Эмилїя.

Нѣтъ, ему уже никогда не льзя того дѣлать, что онъ прежде дѣлалъ. Выслушайте

мою

мою прозьбу, батюшка: я буду впередъ гораздо бережливѣе въ платьѣ и во всѣхъ другихъ нуждахъ; и естьли вы только позволите, то бѣдный Генрикъ можетъ пользоваться этою экономїею.

Г. Грандиссонъ.

Похваляю, любезная дочь, твое мнѣнїе. Оно болѣе дѣлаетъ тебѣ чести, нежели всѣ твои богатыя убранства. Но я хочу узнать также, какого мнѣнїя объ этомъ дѣлѣ и любезный Карлъ.

Карлъ.

И батюшка, что вы это говорите? могу ли я давать вамъ совѣты?

Гжа. Грандиссонъ.

Очень хорошо, любезный сынъ; но какъ отецъ требуетъ

отъ

отъ тебя твоего мнѣнія, то ты можешь намъ его сказать.

Карлъ.

Извольте, я признаюсь вамъ, что очень люблю Генрика, и желалъ бы, чтобы онъ былъ щастливъ.

Г. Грандиссонъ.

Но не знаешь ли ты какого нибудь средства, составить его благополучіе?

Карлъ.

Знаю, батюшка.

Гжа. Грандиссонъ.

Безъ сомнѣнія то же, что и сестра твоя, сказала?

Карлъ.

Не совсѣмъ, а есть небольшая только разница.

Г. Грандиссонъ.

Посмотримъ, скажи намъ.

Карлъ.

Отецъ его былъ честной ткачь, которой бы могъ очень хорошо жить отъ своей работы, ежели бы не было у него много дѣтей, которыхъ долженъ былъ воспитывать. Генрикъ въ молодыхъ лѣтахъ обучался тому же мастерству, и оставилъ его для того, что возымѣлъ великое желанїе быть у васъ въ услуженїи. Отецъ его умеръ лѣтъ шесть тому назадъ; и все, что ни имѣлъ, было продано для заплаты его долговъ. Я увѣренъ, что Генрикъ съ охотою бы принялся за прежнее свое ремесло ежели бы ему были къ тому какїя средства. Но какъ онъ обязанъ содержать мать свою, то и не могъ ничего сохранить изъ получаемаго имъ жалованья.

Это такая вещь, о которой вы сами знаете.

Г. Грандиссонъ.

Правда твоя.

Карлъ.

И такъ, батюшка, ежели бы вы сдѣлали милость пожаловали ему денегъ, въ которыхъ онъ имѣетъ нужду для покупки себѣ станка, для снабдѣнія себя нужными инструментами, нитками, шерстью, и для поправленія своего хозяйства, и я знаю его честность и трудолюбіе, то онъ могъ бы прокормиться своими трудами. Сверхъ того можетъ взять къ себѣ и бѣдную свою мать, и будетъ прилагать объ ней сыновнее свое стараніе; и я увѣренъ, что онъ не только бы могъ вскорѣ заплатить вамъ эти деньги, кото-

ры-

рыми бы вы его пожаловали, но еще припасъ бы что нибудь и для будущей своей старости.

Гжа. Грандиссонъ.

Но проценты съ этой суммы конечно будутъ его безпокоить.

Карлъ (бросаясь на шею къ своей матери).

Ахъ, любезная матушка! позвольте, чтобы я васъ обнялъ. Я вижу, что вы для него хотите сдѣлать еще больше, нежели я осмѣлился желать.

Г. Грандиссонъ.

Такъ, любезный сынъ; я очень радъ, что твои мысли такъ хорошо съ нашими согласуются. Эмилія не могла сего предвидѣть. Пенсія, которую бы стали давать бѣдному

Генрику, служила бы ему можетъ быть поощренїемъ къ праздности, слѣдовательно и къ порокамъ. Напротивъ того вступивши опять въ прежнее свое состоянїе, онъ будетъ уже отъ себя самаго зависѣть, и станетъ доставать себѣ пищу своимъ прилѣжанїемъ и расторопностїю.

Эмилїя.

Подлинно, батюшка, вы говорите самую правду.

Г. Грандиссонъ.

И такъ, какъ мы всѣ согласны, то остается теперь тебѣ, Карлъ, пойти его о томъ увѣдомить, и узнать отъ него, сколько денегъ для него надобно. Ты можешь сказать, что мы ихъ доставимъ ему съ величайшею радостїю въ награду

за его вѣрныя услуги и въ утѣшенie о его нещастiи.

Гжа. Грандиссонъ.

Такъ, другъ мой, и мы предоставляемъ тебѣ удовольствie все это дѣло самому распорядить.

Карлъ.

Ахъ, дражайшie родители! я васъ благодарю именемъ этого нещастнаго. Позвольте мнѣ въ сiю же минуту увѣдомить его объ этомъ.

Эмилiя.

Постой, братецъ, и я пойду съ тобою. Какъ это радостно, когда честные люди веселятся!

О любезная матушка! сколь велико щастie имѣть случай оказывать благодѣянiя! Я захотѣлъ также присутствовать при семъ зрѣлищѣ. Добродуш-

ный Генрикъ сперва пролилъ радостныя слезы, какъ Карлъ разсказывалъ ему, что его родители хотятъ сдѣлать въ его пользу; по томъ, когда вспомнилъ, что оставляетъ такихъ милосердыхъ господъ, то радость его перемѣнилась въ величайшую печаль. Но, нѣтъ, вскричалъ онъ, я ихъ не оставлю; я буду всегда имѣть ихъ предъ моими глазами.

Я не могу далѣе продолжать; слезы мѣшаютъ мнѣ видѣть, что пишу. Прощайте, матушка. Чрезъ два мѣсяца буду я подлѣ васъ и подлѣ маленькой моей сестрицы. Мы можемъ тогда видѣться всякую минуту. Всѣ наши гулянья, всѣ наши обѣды будутъ вмѣстѣ! Я открою мое сердце и объявлю всѣ мои мысли и всѣ мои чувствія! Я буду получать отъ васъ нѣжныя ва-

ши

ши совѣты и изъ оныхъ собирать плоды для моего поведенія! Я можетъ быть услышу отъ васъ, какъ вы будете благодарить Бога за произведеніе насъ на свѣтъ! О съ какою радостію стану я васъ обнимать въ такой надеждѣ!

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Лондонъ, Ноября 26.

Эдуардъ, матушка, возвратился домой нынѣ послѣ обѣда. Офицерской мундиръ весьма ему присталъ. Онъ таліею и видомъ такъ же хорошъ, какъ и Карлъ, и не жалко ли бы было, когда бы его сердце было не такъ хорошо? Изъ писемъ, которыя онъ привезъ отъ Маіора Артура, и Графа Де***,

видно, что онъ въ полку своемъ велъ себя весьма хорошо. Съ нимъ прислана была отъ Маiора прекрасная табакерка въ подарокъ другу моему Карлу. Она украшена его портретомъ, осыпаннымъ брилїантами. Маiоръ весьма благородно поступилъ, прославъ ему въ подарокъ эту табакерку. Онъ говоритъ, что не имѣя случая довольно часто благодарить его за сохраненїе его жизни, положилъ на свой портретъ должность свидѣтельствовать ему всякой день его признательность.

Въ здѣшней сторонѣ случилось весьма нещастное приключенїе, которое ясно показываетъ, какъ не благоразумно говорить всегда въ худую сторону о другихъ. Вотъ, любезная матушка, разговоръ, которой

мы

мы имѣли объ этомъ произшествіи: изъ него вы узнать можете и самую исторію.

Эдуардъ.

Слышали ли вы, батюшка, что случилось въ Тунбридгѣ?

Г. Грандиссонъ.

Нѣтъ, любезный сынъ, я не слыхалъ; а что такое?

Эдуардъ.

Знавали ли вы Полковника Бровна, этого храбраго Офицера?

Г. Грандиссонъ.

Конечно зналъ.

Эдуардъ.

И такъ этотъ достойный человѣкъ убитъ на прошедшей недѣлѣ Капитаномъ Фіерли.

Г. Грандиссонъ.

Убитъ, ты говоришь? какъ?

Эдуардъ.

На дуели, однимъ ударомъ.

Г. Грандиссонъ.

Не знаешь ли ты причины ихъ ссоры?

Эдуардъ.

Та только и причина, что сынъ этого Полковника, въ одной большой компанїи, говорилъ о Капитанѣ въ худую сторону, и что сей послѣднїй счелъ за то себя обиженнымъ.

Эмилїя.

Ахъ, Боже мой! возможно ли это?

Эдуардъ.

Говорятъ, что этотъ Капитанъ человѣкъ весьма дурной и никѣмъ непочитаемый.

Г. Грандиссонъ.

Это можетъ статься; но молодому человѣку не надлежало

ло бы говорить о немъ худо, а особливо въ большемъ собранiи.

Вильгельмъ.

А какъ это дошло до Капитана Фiерли?

Эдуардъ.

Одинъ какой-то изъ компанiи поусердствовалъ его о томъ извѣстить.

Эмилiя.

Это очень не умно: не правда ли, батюшка?

Г. Грандиссонъ.

Безъ сомнѣнiя, любезная дочь.

Карлъ.

Мнѣ кажется, что должно бы было и тѣмъ довольствоваться, чтобъ только принять его сторону, ежели бы были какiя нибудь средства оправдать его предъ другими; но пере-

пересказывать ему объ этомъ, есть дѣло весьма подлое.

Г. Грандиссонъ.

Ты правду говоришь, сынъ мой; и это показываетъ намъ, сколь безрасудно предаваться своей нескромности.

Вильгельмъ.

Да Полковникъ какую имѣлъ нужду отвѣчать за глупыя слова своего сына? развѣ онъ ихъ подтверждалъ?

Эдуардъ.

Нѣтъ, но напротивъ того онъ его за это не похвалилъ.

Вильгельмъ.

Какъ же, другъ мой, отъ чего же онъ попалъ въ сію ссору?

Эдуардъ.

Капитанъ этотъ самой злой человѣкъ въ свѣтѣ. Онъ хотѣлъ получить удовольствіе,

но

но не могши просить того у молодаго человѣка четырнадцати лѣтъ, онъ почелъ за долгъ объясниться въ томъ съ его родителемъ. Полковникъ увѣрялъ его, что онъ накажетъ своего сына; но Капитанъ отвѣчалъ, что этого для его мщенія не довольно, и что отецъ обязанъ заглаждать самъ преступленія своихъ дѣтей. Полковникъ, будучи приведенъ до крайности, нашелъ себя принужденнымъ защищаться. Онъ лишился жизни, а Капитанъ убѣжалъ.

Г. Грандиссонъ.

Варваръ! какой плодъ получилъ онъ отъ своего свирѣпства? Онъ омочилъ руки свои въ крови невиннаго, и принужденъ оставить свое отечество,

ство, будучи преслѣдуемъ стыдомъ и угрызенїемъ.

Эмилїя.

А молодой Бровнъ! Какъ онъ мнѣ жалокъ!

Карлъ.

Какъ будешъ онъ жить? совѣсть безпрестанно станетъ его мучить, что онъ сдѣлался виновникомъ отцовской жизни.

Эдуардъ.

Нещастной этотъ въ отчаянїи. Онъ и день и ночь оплакиваетъ пагубное свое неблагоразумїе. Надъ нимъ безпрестанно надсматриваютъ, чтобы онъ не покусился на свою жизнь. Вчера хотѣлъ было онъ броситься изъ самаго верьхняго окошка въ домѣ.

Карлъ.

Конечно смерть была бы для него лучше, нежели такая не-

нещастная жизнь. Онъ ни одного дни не можетъ теперь быть спокоенъ.

Г. Грандиссонъ.

Вотъ дѣти! вы видите, какїя ужасныя нещастїя отъ злословїя произойти могутъ.

Эдуардъ.

Есть люди, которые извиняютъ его преступленїе. Они утверждаютъ, что онъ говорилъ самую правду на щетъ человѣка, совершенно преданнаго порокамъ.

Г. Грандиссонъ.

Какая до того нужда, любезный сынъ? Не дозволено говорить и правды, ежели она приноситъ кому нибудь безчестїе. Должно сохранять всегда молчанїе. — Гораздо пристойнѣе всегда прикрывать дурные

ные поступки твоего брата, нежели публично ихъ разглашать. Да и есть ли такой человѣкъ на землѣ, которой бы не имѣлъ за собою какихъ нибудь слабостей? Конечно бы намъ не показалось, ежели бы всегда разглашали малѣйшія наши преступленія. За чѣмъ же дѣлать то другимъ, чего мы не желаемъ себѣ? А что вреднѣе злословія? Кто хотя одинъ разъ посмѣетъ говорить худо о подобныхъ себѣ, тотъ вскорѣ привыкнетъ на щетъ ихъ и злословіе выдавать за самую истинну; и тогда какимъ преступленіямъ будетъ онъ подверженъ! Клеветника въ тысячу разъ болѣе должно опасаться, нежели грабителя; ибо похищенное у насъ имѣніе можемъ мы возвратить трудолюбіемъ; но потерявши

одинъ разъ честь, возвратить ее весьма трудно.

Эмилія.

Но какое удовольствіе, батюшка, говорить худо, о комъ бы то ни было, справедливо то, или ложно?

Г. Грандисонъ.

Таковая нескромность происходитъ всегда отъ ложнаго тщеславія. Они думаютъ показаться болѣе учеными, или заставить думать, что они сами не опасаются тѣхъ порицаній, которыя дѣлаютъ другимъ, однакожъ тѣмъ болѣе навлекаютъ на себя презрѣніе и ненависть.

Эдуардъ.

Но что я тогда долженъ дѣлать, батюшка, ежели при мнѣ будутъ спрашивать о ка-

комъ нибудь безчестномъ человѣкѣ?

Г. Грандиссонъ.

Не говорить объ немъ ничего, такъ какъ о человѣкѣ недостойномъ твоего вниманія. Не тебѣ исправлять его поведеніе, потому что ты не имѣешь никакого на то права; и ежели ты о хорошемъ человѣкѣ всегда говоришь съ восхищеніемъ, то молчаніе твое довольно уже опорочиваетъ злобнаго человѣка.

Карлъ.

Такъ, батюшка, я долженъ объ немъ сожалѣть и желать ему, чтобъ онъ позналъ добродѣтель.

Ахъ, матушка! какъ благородно и великодушно сіе мнѣніе! Ежели бы молодой Бровнъ обыкновенно такъ думалъ, какъ

мой

мой другъ, то не вонзилъ бы онъ меча кровожаждущаго человѣка въ сердце своего родителя. Увы! въ цвѣтущихъ еще лѣтахъ свѣтъ долженъ быть для него страшилищемъ! Причинить смерть тому, отъ кого получилъ свое бытїе, одна сїя мысль приводитъ меня въ ужасъ. Это такое для меня наставленїе, которое никогда не изгладится изъ моей памяти; и я никогда не буду говорить ни объ одномъ изъ моихъ ближнихъ, развѣ только о хорошемъ его поведенїи и о душевныхъ качествахъ.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Декабря 6.

Я усмотрѣлъ изъ письма вашего, любезная матушка, что послѣдняя моя исторія принесла нѣкоторое удовольствіе сестрицѣ. Сіе самое заставило меня вчера думать, чтобы послать къ вамъ другую: какъ вдругъ Эмилія сказала мнѣ, что она сама приметъ на себя этотъ трудъ; по томъ тотчасъ пошла въ свою комнату, и трудясь цѣлой день, принесла мнѣ поутру эту исторійку. Она проситъ васъ и сестрицу, читать ее съ снисхожденіемъ, для того, что это первый еще ея трудъ, и что она предпріяла его только въ угожденіе вамъ. Я надѣюсь, что сей опытъ возбудитъ ревность въ сестри-

рицѣ, и льщусь надеждою найти вскорѣ въ вашихъ письмахъ какую нибудь прекрасную исторійку собственныхъ ея трудовъ.

Дроздовое гнѣздо.

Маркеллъ и Кипріянъ были два наипрекраснѣйшіе въ свѣтѣ мальчика. Они имѣли другъ ко другу такую дружбу, что ежели у Маркелла были какіе нибудь плоды или закуски, то онъ всегда дѣлился съ Кипріяномъ: также какъ и Кипріянъ, когда имѣлъ ихъ у себя, то не прикасался къ нимъ не поделясь съ Маркелломъ. Всѣ ихъ игрушки, казалось, принадлежали равно имъ обоимъ. Однимъ словомъ, они почитались за родныхъ братьевъ, а не за двухъ простыхъ товарищей.

Родители ихъ были весьма довольны, видя между своими дѣтьми возрастающую дружбу, для того что и сами были весьма тѣсно между собою соединены. Кипріянъ не пропускалъ никогда, идучи въ училище, чтобъ не зайти за Маркелломъ, а Маркеллъ не уходилъ оттуда никогда, не дождавшись Кипріяна, чтобъ возвратиться домой съ нимъ вмѣстѣ. Они учили всегда свои уроки; и весь ихъ споръ состоялъ въ томъ, что старались другъ передъ другомъ сдѣлаться лучшими учениками.

Въ праздничные дни ходили они оба прогуливаться въ поле. Они занимались собираніемъ полевыхъ цвѣтовъ и вязаніемъ букетовъ для своихъ сестеръ. Иногда сидѣли они на травѣ,

и разсказывали другъ другу историйки, или повторяли какія нибудь прекрасныя пѣсни, которымъ выучились у матерей своихъ.

Маркеллъ пошелъ однажди въ гости съ своимъ отцемъ. Кипріянъ, видя себя лишеннаго сотоварищества своего друга, пошелъ для препровожденія скуки прогуливаться одинъ по деревнѣ. Идучи вдоль плетня, увидѣлъ онъ въ одномъ густомъ кустарникѣ дроздовое гнѣздо. Онъ былъ не изъ числа тѣхъ мальчиковъ, которые радуются тому, чтобы похитить у бѣдной птички маленькихъ ея дѣтей; но онъ вознамѣрился дожидаться до тѣхъ поръ, пока они не будутъ имѣть нужды въ помощи своей матери, и мать ихъ не будетъ уже болѣе ихъ любить.

Однакожъ на другой день не преминулъ онъ Маркелла сдѣлать участникомъ своего щастія. Онъ сказалъ ему, что хочетъ показать ему гнѣздо, что они всякой день будутъ посѣщать птичекъ, пока крылья у нихъ выростутъ, и что тогда вмѣстѣ ихъ себѣ раздѣлятъ.

Маркеллъ съ нетерпѣливостію ожидалъ окончанія классовъ. Тогда Кипріянъ повелъ его къ гнѣзду; и послѣ того ходили они туда вмѣстѣ долгое время, смотрѣть за маленькимъ своимъ семействомъ.

Съ самаго перваго разу, какъ Маркеллъ увидалъ то гнѣздо, возымѣлъ намѣреніе завладѣть имъ одинъ. Трудно понять, что могло внушить въ него такую мерзкую мысль, по-

потому что другъ его открылъ ему объ немъ самопроизвольно, и что обѣщалъ раздѣлить его съ нимъ. Зло вкрадывается съ такою легкостїю въ сердце человѣческое, что безпрестанно должно себя предохранять, и быть всегда въ готовности воспрепятствовать ему въ него войти. Дѣти должны бы еще съ большимъ старанїемъ смотрѣть за тѣмъ, потому что сердца ихъ гораздо слабѣе. Сїе старанїе для нихъ тѣмъ удобнѣе, что родители ихъ или наставники всегда бываютъ въ готовности помогать имъ своими мудрыми совѣтами. Они еще того не знаютъ, что небольшое преступленїе можетъ произвесть весьма гнусной порокъ, которой не преминетъ повредить ихъ душу такъ, что онъ иногда пребу-

будетъ въ ней и до самаго конца ихъ жизни.

Въ одинъ день Маркеллъ вышелъ гораздо ранѣе, нежели какъ обыкновенно Кипріянъ за нимъ захаживалъ, и пошелъ одинъ къ тому мѣсту, гдѣ было гнѣздо. Онъ смотрѣлъ на маленькихъ птичекъ съ великимъ восхищеніемъ; и позабывши вдругъ тотъ пріятной узелъ, которой соединялъ его съ его товарищемъ, взялъ свою добычу и понесъ ее съ трепещущимъ сердцемъ.

Прошедши половину дороги, сѣлъ онъ подъ деревомъ, чтобы посмотрѣть маленькихъ птичекъ и послушать, какъ они пищатъ. Въ первой еще разъ почувствовалъ онъ тогда угрызеніе совѣсти отъ сего мерзкаго поступка. Духъ его былъ

въ

въ великомъ смущенiи. Ежели принесть ему гнѣздо тайно въ свой домъ, то непремѣнно скоро о томъ узнаютъ, и отецъ весьма жестоко его накажетъ, что онъ обманулъ своего товарища, которой также не преминулъ бы лишить его своей дружбы; ежели же отнести его назадъ, и поставить на прежнее мѣсто, то опасался, чтобы не встрѣтиться дорогою съ Кипрiяномъ. Наконецъ пришло ему на умъ бросить его въ близи находившiйся прудъ, и наклавши на него камней, пустить на дно. Между тѣмъ, какъ онъ колебался въ такихъ мысляхъ, случилось мимо его итти одному мальчику изъ другой деревни, которой увидѣвши въ его рукахъ гнѣздо, давалъ ему въ обмѣнъ двѣнатцать мраморныхъ шариковъ, ко-

торые были спрятаны въ его сумѣ. Такое предложенiе было для него весьма прiятно, ибо чрезъ сiе думалъ онъ освободиться отъ всѣхъ хлопотъ. Онъ на то согласился и пошелъ въ училище, гдѣ всячески старался имѣть на себѣ спокойный видъ, какъ будто бы совѣсть ни мало его не мучила.

Должно было ему выдумать какое нибудь подлое извиненiе предъ своимъ другомъ, что онъ нынѣ поутру не дождался его по обыкновенiю. Кипрiянъ, ни въ чемъ его не подозрѣвая, повѣрилъ всему, что Маркеллъ ему ни лгалъ. Дорогою сказалъ онъ ему, что послѣ обѣда ученiя не будетъ, и что они тѣмъ временемъ могутъ пойти посмотрѣть птичекъ и заняться ими во все остальное время дня.

Они

Они въ самомъ дѣлѣ послѣ обѣда пошли туда. Кипріянъ радовался что имѣетъ нечаянной случай видѣть любезныхъ своихъ птичекъ. Но какая была его печаль, когда пришедши къ кустарнику нашелъ онъ ихъ уже унесенными! Маркелъ также притворился, будто не менѣе своего друга о томъ сожалѣетъ. Предавшись на нѣкоторое время пустымъ жалобамъ, наконецъ возвратились съ смущеннымъ видомъ. Какъ бы то ни было, однакожъ Маркеллъ, желая отвратить отъ Кипріяна мысли о семъ нещастномъ приключеніи, показывалъ ему свои мраморные шарики, говоря, что онъ ихъ нынѣ поутру нашелъ въ одной сумкѣ, идучи въ училище, и просилъ его поиграть съ нимъ вмѣстѣ.

Про-

Прошу васъ, любезные друзья, посмотрѣть со мною, какъ умножились въ этотъ день Марселловы преступленія. Поутру обокралъ онъ своего друга, взявши одинъ гнѣздо, которое тотъ ему показалъ, чтобъ раздѣлить съ нимъ вмѣстѣ; по томъ имѣлъ намѣреніе погубить жестокою смертію этихъ бѣдныхъ твореній; послѣ того сдѣлался лицемѣромъ, чтобъ отвратить отъ себя подозрѣніе; наконецъ началъ лгать, говоря, что нашелъ мраморные шарики, вмѣсто того, что онъ ихъ получилъ въ промѣнъ за птичекъ. Вотъ какъ скоро умножаются пороки! Не удивляйтесь тому, можно скрыть свои пороки на нѣкоторые время; однакожъ наконецъ праведное небо не преминетъ ихъ открыть. Всегда слу-

случится какое нибудь обстоятельство, которое откроетъ всѣ наши преступленія. Да мы же сами будемъ первыми свидѣтелями оныхъ; ибо воображеніе наше не найдетъ уже столько обмановъ, чтобъ ими могли мы прикрыть всѣ свои преступленія. Первая слабость памяти приведетъ насъ въ замѣшательство, и доведетъ до того, что принуждены будемъ послѣ все открыть: тогда постигнетъ насъ презрѣніе и стыдъ съ заслуженнымъ наказаніемъ.

Но возвратимся къ нашей исторіи. Кипріянъ, которой для того только такъ много радовался своей находкѣ, чтобы раздѣлить ее съ своимъ другомъ; почему какъ скоро примѣтилъ, что Маркеллъ не тужилъ, то

тотчасЪ и самЪ успокоился; по томЪ стали они играть вмѣстѣ вЪ свои шарики. Игра ихЪ продолжалась нѣсколько времени весьма хорошо; но когда посторонніе мимошедшіе мальчики остановились посмотрѣть, какЪ они играютЪ, то одинЪ изЪ нихЪ, разсматривая со вниманіемЪ шарики, требовалЪ ихЪ себѣ, сказывая, что они ему принадлежатЪ, и что онЪ нынѣ поутру потерялЪ ихЪ сЪ сумкою, вЪ которой они лежали. МаркеллЪ смѣялся его присвоиванію, и дерзко утверждалЪ, что онЪ ихЪ купилЪ. Но КипріянЪ, который отЪ него слышалЪ, что онЪ ихЪ нашелЪ, сказалЪ ему, что лгать очень худо, и что должно ихЪ отдать хозяину. МаркеллЪ отрекался то сдѣлать, говоря, что еже-

ежели онъ ихъ нашелъ, то они ему и принадлежатъ. Однако онъ обманулся въ своемъ мнѣніи, ибо тотъ мальчикъ, бросившись на него съ сердцемъ, ударилъ его кулакомъ по носу, отнялъ шарики и ушелъ, оставя его размышлять съ печалію о первыхъ слѣдствіяхъ подлаго его поступка.

Теперь должно вамъ сказать, что тотъ маленькой мальчикъ, которой присвоилъ себѣ шарики, въ самомъ дѣлѣ ихъ потерялъ, такъ какъ онъ сказывалъ; а тотъ, которой отдалъ ихъ Маркеллу за птичекъ, ихъ нашелъ. Но какъ онъ думалъ, что за птичекъ болѣе получитъ, нежели за шарики, то и сдѣлалъ на нихъ тотъ обмѣнъ, о которомъ мы выше сего сказали.

Этотъ маленькой мальчикъ былъ сынъ честныхъ, но бѣдныхъ родителей. Его звали Любинъ, и онъ въ окружности былъ многимъ знакомъ, для того, что вездѣ носилъ продавать свирѣлки, дѣланныя имъ самимъ изъ сухаго дерева, которое дозволено ему было брать въ лѣсу. Полученныя за то деньги приносилъ онъ къ своей матери, помогая ей въ пропитанiи всей ихъ семьи. Какъ его родители были не въ состоянiи платить за его ученiе, то онъ все свое время употреблялъ на свое ремесло, которое производилъ съ великимъ старанiемъ и дѣятельностiю.

Сей маленькой Любинъ, сдѣлавшись хозяиномъ гнѣзда, разсматривалъ птичекъ, и видя, что

что они сами кормиться могутъ, побѣжалъ въ ту деревню, гдѣ жили Маркеллъ и Кипріянъ, чтобы постараться продать ихъ въ домѣ какого нибудь дворянина. По случаю первой, къ кому онъ пришелъ, былъ отецъ Маркелловъ; онъ ему былъ знакомъ, и зная, что онъ бѣдной и честной человѣкъ, далъ ему за его гнѣздо одинъ ефимокъ. Любинъ, съ роду не видавши такъ много у себя денегъ, спѣшилъ отнести ихъ къ своей матери, которая получила ихъ вмѣсто подарка, посланнаго съ неба.

Маркеллъ вскорѣ пришелъ къ своему отцу, зажавши платкомъ носъ, весь окровавленной. Когда отецъ его сталъ спрашивать, отъ чего это съ нимъ сделалось, то онъ отвѣчалъ

 ему,

ему, что одинъ слуга бросилъ въ него камнемъ, за то что онъ помѣшалъ ему бить одного мальчика; вотъ и это былъ, какъ вы видите, весьма подлой обманъ. Отецъ, желая утѣшить его въ нещастіи, показалъ ему дроздовое гнѣздо, которое онъ купилъ. Не льзя описать того удивленія, въ какомъ находился Маркеллъ, когда увидѣлъ, что это гнѣздо было то самое, которое онъ подлымъ образомъ укралъ у своего друга Кипріяна, и которое онъ промѣнилъ на шарики, кои у него отняли, да еще сверьхъ того за нихъ и побили. Безъ труда повѣрить можно, что справедливость Провидѣнія весьма ясно оказывается во всѣхъ послѣдствіяхъ сего произшествія, и что оно избрало крат-

кратчайшій путь для наказанія виновнаго. Маркелл чувствовал тогда, что все это происходило от его нарушенія вѣрности против своего друга, и опасался, чтобы его обманы и лукавства отцу его не открылись. Вид гнѣзда причинял ему болѣе слез, нежели чувствуемая им боль. Отец его не знал, как его болѣе утѣшить. Перестань, любезный сын, сказал ону ему наконец, это ничего, что у тебя разбит нос; я хочу сказать тебѣ нѣчто такое, что принесет тебѣ без сомнѣнія великое удовольствіе. Ты сказывал мнѣ, что друг твой Купріян обѣщался раздѣлить с тобою гнѣздо, которое он нашел. Теперь ты не будешь ему этим должен.

Завтра же, прежде нежели пойдешь въ училище, отнеси ему двухъ изъ тѣхъ птичекъ, которыхъ я купилъ у бѣднаго мальчика, и онъ будетъ весьма радъ, увидѣвъ тебя столько же щедра къ нему, какъ онъ самъ хотѣлъ быть къ тебѣ.

Такая рѣчь была для Маркелла новымъ громовымъ ударомъ. Онъ видѣлъ, что это было надежнѣйшее средство къ открытїю его безпутства. Разумъ его былъ удрученъ сею мыслїю. Онъ предался отчаянїю; не могъ говорить, и всякую минуту былъ готовъ упасть въ обморокъ. Отецъ, видя его въ такомъ состоянїи, думалъ, что его гораздо сильнѣе ушибли, нежели какъ ему казалось. Онъ положилъ его на постелю, и далъ крѣпительнаго лѣкар-

ства.

ства. Маркеллъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлался боленъ; онъ во всю ночь не могъ заснуть. Отецъ и мать его начали уже опасаться въ разсужденіи его. Они всякую минуту спрашивали о его болѣзни, но онъ рѣшился никогда не открывать тому истинной причины, хотя бы то и самой жизни ему стоило.

На другой день, когда Кипріянъ пришелъ по своему обыкновенію за Маркелломъ, чтобы итти вмѣстѣ въ училище, то ему сказали, что другъ его лежитъ въ постели, въ жестокой лихорадкѣ. Такая новость наполнила сердце его печалію. Онъ просилъ позволенія войти къ больному; что и было ему дозволено. Маркеллъ, увидѣвъ его, почувствовалъ сильное сжатіе своего сердца, по-

тому что онъ думалъ, что Кипріянъ видѣлъ уже гнѣздо, и что пришелъ обременить его своими укоризнами. Видите ли, что такое есть порочная совѣсть? Прошу васъ, подумайте нѣсколько о Маркелловомъ стыдѣ и отчаяніи, и я точно увѣрена, что вы никогда того дѣлать не будете, что будетъ для васъ постыдно.

Кипріянъ, препроводивъ нѣсколько времени утѣшая своего друга, наконецъ оставилъ его и пошелъ въ училище. Выходя изъ его комнаты, увидѣлся онъ въ залѣ съ его отцемъ, которой показывая птицъ, говорилъ ему, что онъ за великое удовольствіе почитаетъ подарить ему двухъ самыхъ лучшихъ изъ этихъ птичекъ. Кипріянъ при первомъ взглядѣ узналъ гнѣз-

до,

до, и первое его движенїе было то, что онъ вскричалъ: ахъ! это видно Маркеллъ постарался украсть мое гнѣздо, да еще безстыднымъ образомъ и увѣрялъ меня, что онъ не знаетъ, куда оно дѣвалось! Что ты это говоришь, Кипрїянъ, отвѣчалъ Маркелловъ отецъ! какъ можешь ты обвинять моего сына такимъ подлымъ поступкомъ? онъ къ этому не способенъ, увѣряю тебя Я вчера самъ купилъ это гнѣздо у мальчика, котораго зовутъ Любиномъ. Какая была радость для Кипрїяна слышать, что Маркеллъ не виноватъ! Онъ извинялся въ своей торопливости, и въ томъ, что такъ легкомысленно посудилъ о своемъ другѣ. По томъ отецъ Маркелловъ спросилъ его:

былЪ ли онЪ вЪ то время сЪ его сыномЪ, когда онЪ получилЪ столь сильной ударЪ по носу?

— ТакЪ, милостивый государь, мы были вмѣстѣ.

— Но за что сЪ нимЪ такЪ худо поступили?

КипрїянЪ не говорилЪ ни слова. ОнЪ не хотѣлЪ лгать; а сказавЪ правду, опасался, чтобы не досадить своему другу, потому что онЪ былЪ вЪ томЪ виноватЪ.

ОтецЪ МаркелловЪ, примѣтя Кипрїяново смущенїе, старался еще сЪ большимЪ любопытствомЪ слышать ясной отвѣтЪ на свой вопросЪ.

КипрїянЪ, увидя, что никакЪ отЪ того отдѣлаться не можетЪ, рѣшился разсказать все, что онЪ зналЪ о мраморныхЪ

шарикахъ, и о ударѣ полученномъ Маркелломъ отъ мальчика.

Какъ, вскричалъ отецъ, сынъ мой осмѣлился меня обманывать! Онъ мнѣ сказалъ, что одинъ слуга, кинулъ въ него камнемъ за то, что онъ не давалъ ему бить мальчика. Пойдемъ со мною, Кипріянъ, я хочу. . . . .

Когда говорилъ онъ сіи слова, то вдругъ услышалъ, что кто то стучитъ въ дверь. Онъ ее отворилъ. Это былъ Любинъ, которой принесъ подарить ему прекрасный букетъ полевыхъ цвѣтовъ, въ засвидѣтельствованіе своей признательности за данной ему ефимокъ наканунѣ того дня. А, это ты, другъ мой, вскричалъ отецъ Маркелловъ! Я весьма радъ, что

ты

ты пришелъ теперь такъ кстати. Вотъ тебѣ, сказалъ онъ Кипріяну, показывая на мальчика, тотъ мальчикъ, у котораго я купилъ вчера гнѣздо.

Такъ, я тотъ самой, сказалъ Любинъ.

Когда же ты его взялъ, спросилъ Кипріянъ?

Я его не бралъ, отвѣчалъ онъ, но вымѣнилъ у маленькаго господчика, въ красномъ платьѣ, за двѣнатцать мраморныхъ шариковъ, которые я нашелъ въ сумкѣ. Такой отвѣтъ былъ несноснымъ ударомъ для Кипріяна. Онъ также ясно увѣрилъ и Маркеллова отца въ гнусномъ проступкѣ его сына. Онъ попросилъ ихъ обоихъ войти съ нимъ въ комнату больнаго.

Какъ скоро Маркеллъ увидѣлъ ихъ всѣхъ троихъ вошедшихъ

шихъ вмѣстѣ въ его комнату, то тотчасъ понялъ, что всѣ тайны его были уже обнаружены. Онъ съ поспѣшностїю вскочилъ съ своей кровати, бросился на колѣни предъ отцомъ своимъ, разсказалъ ему всю исторїю, и проливая слезы просилъ у него прощенїя. Онъ сказалъ, что болѣзнь пришла къ нему отъ жестокаго угрызенїя совѣсти, и что одно благосклонное его прощенїе можетъ отъ нее его излѣчить.

Раздраженный его отецъ пребылъ въ молчанїи. Кипрїянъ, будучи тронутъ страданїемъ нѣжно любимаго своего друга, бросился въ его объятїя и сказалъ ему: быть такъ, другъ мой; я тебя прощаю. Вижу, что ты довольно наказанъ огорченїями, которыя претерпѣлъ.

Ахъ!

Ахъ! вскричалъ Маркеллъ, въ другой разъ ни для всего свѣта не соглашусь я ихъ претерпѣвать. Кипріянъ началъ и самъ съ нимъ вмѣстѣ просить прощенія у отца его, которой не могъ имъ въ томъ отказать, видя неотступныя ихъ прозьбы. Онъ удовольствовался тѣмъ, что преподалъ сыну своему мудрыя наставленія, служащія къ исправленію его проступковъ и къ предохраненію себя впредь отъ подобныхъ пороковъ. Наставленія его возымѣли желаемое дѣйствіе. Маркеллъ послѣ такого нравоученія ни чѣмъ инымъ отличалъ себя, какъ только благородными и великодушными чувствованіями, достойными того дружества, которое Кипріянъ имѣлъ къ нему во всю свою жизнь.

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Декабря 16.

Простите меня, матушка, что я такъ долго къ вамъ не писалъ. Ахъ! да о чемъ же мнѣ было васъ и увѣдомлять! я бы долженъ былъ писать вамъ весьма печальныя новости. Здѣсь всѣ находятся въ великой печали. Дражайшій мой благодѣтель, Г. Грандиссонъ, очень опасно боленъ. Всѣ удовольствія, всѣ увеселенія изгнаны изъ нашего дому; кромѣ слезъ и воздыханій ничего болѣе не слышно; страхъ господствуетъ во всѣхъ сердцахъ, и сами даже медики потеряли надежду; при всякой минутѣ ожидаютъ пагубной смерти. Ахъ! не уже ли я для того здѣсь, чтобы видѣть послѣдніе

нїе дни того человѣка, котораго я такъ много люблю, и которому весьма много обязанъ! Я не могу привыкнуть къ сей страшной мысли. Нѣтъ, нѣтъ, я еще надѣюсь, что Богъ отвратитъ отъ насъ это нещастїе. Гжа. Грандиссонъ неутѣшна; нѣжная Эмилїя безпрестанно плачетъ, и молится на колѣняхъ подлѣ кровати своего отца. Ахъ! какъ я боюсь! она не можетъ долго снести своей печали. Эдуардъ въ отчаянїи. Но сказать ли вамъ о Карлѣ? я не знаю, чему я долженъ болѣе въ немъ дивиться, сыновней ли его любви, или терпѣливости и твердости въ нещастїяхъ? Онъ почти не отходитъ отъ кровати своего родителя; день и ночь пребываетъ въ его покояхъ, чтобы

ему

ему услуживать. Всякое питье и все лекарства Г. Грандиссонъ получаетъ изъ рукъ его. Когда начинаетъ онъ засыпать, то Карлъ, кажется, прерываетъ свое дыханіе, опасаясь, чтобъ его не разбудить. Сложивъ руки, и стоя неподвиженъ, онъ имеетъ силу скрывать свои слезы и утаивать свои воздыханія, а особливо передъ своею матерью, которую немного утешаетъ нежными своими ласками. Какая сила разума и характера! Ахъ! чувствую, что я не имею столько твердости, чтобъ такъ преодолеть печаль свою. Дней шесть уже не спалъ онъ порядочно ни одного часу, и ни мало отъ того не ослабеваетъ. Бодрость подкрепляетъ его силы. О любезная матушка! какъ я далекъ

отъ такихъ достоинствъ! Но не могу болѣе медлить; мнѣ хочется посмотрѣть, не нужно ли мое присутствїе моему другу: завтра напишу я вамъ еще что нибудь.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Декабря 17.

Ахъ, матушка! какое сильное движенїе почувствовалъ я вчера въ вечеру въ своемъ сердцѣ! Въ туже самую минуту, какъ окончилъ я съ такимъ жаромъ письмо, пошелъ я, какъ и къ вамъ о томъ писалъ, въ комнату больнаго помогать своему другу. Тихонько отворилъ я дверь; но вмѣсто Карла, увидѣлъ я только Гжу. Грандиссонъ и ея дочь, которыя съ великимъ молчанїемъ сидѣли подлѣ

дль его кровати. Я не хотьлъ ихъ потревожить, вышелъ вонъ и пошелъ провьдать, не имьетъ ли Карлъ во мнь какой нужды. Я въ домь нигдь его не нашелъ. Никто не зналъ, куда онъ дьвался. Г. Бартлетъ, Эдуардъ и еще нькоторые другіе гости прохаживались по заль; но я не посмьлъ спросить у нихъ о моемъ другь. Я побьжалъ искать его въ саду: тамъ-то увидьлъ я его издали въ открытой бесьдкь. Я къ нему такъ тихо подошелъ, что онъ и не слыхалъ. Ахъ, какъ я растрогался, матушка! онъ стоялъ на коленяхъ; шляпа его была на полу; изъ глазъ его катились слезы; руки его были подняты, и лице его было обращено къ небу. Онъ молился. О! ежели бы я могъ слышать всю

его молитву! Но нѣтъ, я пришелъ уже поздо, и слышалъ только одинъ конецъ, которой во всю мою жизнь буду помнить. Вотъ самыя слова его молитвы.

О Боже! молю тебя, спаси отца моего и прекрати дни мои для его жизни. Онъ составляетъ благополучїе моей матери, моей сестры и моего брата: жизнь его для нихъ всѣхъ необходима, а моя ни для кого. Прости мнѣ, о Боже! сїи обѣты моей любви, и благоволи услышать ихъ. Но ежели ты инако учреждаешь, то дай мнѣ крѣпость повиноваться святой Твоей волѣ.

Послѣ того онъ всталъ, и пролилъ источники слезъ. Я не могъ стоять долѣе въ молчанїи, и побѣжалъ къ нему съ рас-

распростертыми руками. Онъ удивился увидя меня. О другъ мой! сказалъ я ему прерывающимся голосомъ, Богъ сохранитъ для тебя отца твоего. Молитва такого сына, какъ ты, непремѣнно привлечетъ благословенїе небесъ. Я надѣюсь на Божїю милость, отвѣчалъ онъ мнѣ. Однакожъ пройдемся по саду, чтобъ осушить мнѣ свои слезы. Я не хочу, чтобы матушка узнала, что я плакалъ; она будетъ о томъ весьма безпокоиться.

Наша прогулка, какъ вы, я думаю, и сами чувствуете, была безмолвна и печальна. Я болѣе дѣлался участникомъ его дружбы, нежели разговоровъ. Мнѣ хотѣлось было вывесть его на нѣсколько времени въ поле, чтобы насладиться чистымъ воздухомъ. Нѣтъ, сказалъ онъ,

я и такъ уже давно не былъ у батюшки; позволь мнѣ къ нему возвратиться. Надобно, чтобы я ему подавалъ помощь, какую подать могу для исцѣленія его болѣзни. Я долженъ утѣшать матушку, брата и сестру.

Мы тотчасъ пошли въ домъ. Хотя Г. Грандиссонъ не болѣе часа спалъ, однакожъ ему гораздо лучше стало. Какъ скоро услышалъ онъ, что Карлъ пришелъ, то кликнулъ онъ его къ себѣ слабымъ и жалкимъ голосомъ. Другъ мой подошелъ къ его постели, бросился на колѣни, и взявши руку отца своего, цѣловалъ ее много разъ. Слезы текли по щекамъ его, и онъ рыдалъ, пронзая мое сердце. Не могу представить вамъ, любезная матушка, какія черты ожи-

оживотворяли его лице; Онъ казался жителемъ небесъ, сошедшимъ на землю. Чего вы, батюшка, отъ меня требуете, говорилъ онъ ему? Чего я требую, сынъ мой, отвѣчалъ ему Г. Грандиссонъ? Я хочу изобразить тебѣ мое удовольствіе за тѣ попеченія, которыя ты обо мнѣ прилагаешь, и за хорошее твое поведеніе во все время моей болѣзни, о которомъ мать твоя меня увѣдомила. Какое утѣшеніе понесу я съ собою во гробъ, ежели мнѣ опредѣлено умереть, оставя дражайшей моей супругѣ такого сына, какъ ты! Ты, вмѣсто меня, будешь другъ твоему брату, покровитель твоей сестрѣ. Твоя любовь, повиновеніе и точность въ исправленіи твоихъ должностей, все, что ни дѣла

ло меня щастливѣйшимъ изъ отцевъ служитъ для меня утѣшенiемъ и надеждою въ тѣ времена, когда меня уже болѣе на свѣтѣ не будетъ. Пребывай всегда въ согласiи съ Эдуардомъ. Онъ начинаетъ дѣлаться достойнымъ всей моей нѣжности; онъ заслуживаетъ также и твою любовь. Ты имѣешь добродѣтельную мать; слѣдуй ея совѣтамъ, и будешь щастливъ. Ты всегда будешь дѣлать добро, ежели будешь ходить въ общества честныхъ людей. Впрочемъ я полагаюсь на чувствiя твоего сердца, что ты всегда станешь слѣдовать по пути честности и добродѣтели. Сверхъ того, любезный сынъ, для тебя остается еще Отецъ небесный, который никогда тебя не оставитъ, ежели ты будешь

ему

ему вѣренъ. Ежели онъ благоволитъ призвать меня къ себѣ, то съ твердостію перенеси разлученіе наше Я предшествую тебѣ нѣсколькими только шагами. Прилѣпися навсегда къ Богу; исполняй всѣ должности къ твоимъ ближнимъ; и ты безъ страха ожидать будешь того послѣдняго часа, которой навсегда долженъ насъ соединить. Слабость моя не дозволяетъ мнѣ болѣе говорить. Можетъ быть предвѣщаетъ она мнѣ кончину. Но что бы ни было, любезный сынъ, покоряйся безъ роптанія всевышнему Существу, которое располагаетъ и жизнію и смертію.

Карлъ всталъ; сердце его, казалось, было растерзано; онъ упалъ въ кресла, и сложивъ

руки не могъ произнести ни одного слова.

Лѣкарь, который цѣлые шесть дней не отлучался отъ дому, вошелъ въ то время съ Г. Бартлетомъ. Онъ нашелъ его гораздо въ лучшемъ состоянiи и насъ обнадеживалъ. Г. Бартлетъ, будучи внѣ себя отъ радости, побѣжалъ тотчасъ къ Карлу, взялъ его за руку, и совѣтовалъ ему нѣсколько успокоиться, потому что онъ цѣлыя три ночи не скидалъ съ себя даже и платья. Но другъ мой въ томъ извинялся: нѣтъ, говорилъ онъ, я не буду спать во все время батюшкиной болѣзни. Я дремлю подлѣ его кровати, когда онъ покоится; а сего для меня и довольно. Отецъ ни отъ кого не можетъ ожидать лучшаго присмотра,

какъ

какъ отъ своего сына. Кто долженъ его любить более меня, и кто можетъ иметь столько къ нему обязанностей? Моя рука должна ему служить, глаза мои должны усматривать малейшія его надобности. Я долженъ его утешать, и оживлять его силы моимъ вспоможеніемъ. Надобно, чтобъ я своими руками согревалъ его руки, когда они охладеютъ; словомъ, я обязанъ жертвовать собственною жизнію для сохраненія его жизни.

Лекарь уверялъ его, что теперь нетъ никакой опасности, и что онъ можетъ пойти успокоиться часа два или три; а когда его присутствіе будетъ нужно, то его немедленно позовутъ; однако все сіи прозьбы были безполезны. Карлъ не

не преставалъ говорить, что мало можетъ быть для него уже остается времени, оказывать какія нибудь услуги его отцу, и что сіе время столь драгоцѣнно, что онъ никогда не употребитъ его на безполезное свое успокоеніе, и до тѣхъ поръ не удалится отъ дражайшаго своего родителя, пока жизнь его не будетъ въ меньшей опасности.

Какой достойный сынъ, любезная матушка! Что въ сравненіи съ нимъ Эдуардъ? онъ предается печали и оставляетъ постель отца своего. Что нѣжная Эмилія? она плачетъ, воздыхаетъ, и тѣмъ болѣе приводитъ въ отчаяніе мать свою. Всѣ трое оказываютъ великую горячность къ виновнику ихъ жизни. Но чувствительность

Кар-

Карлова состоитъ не въ тщетныхъ слезахъ; она смѣшена съ твердостію, бодростію и разсудительностію. О естьли бы небо возвратило имъ отца ихъ и сохранило мнѣ навсегда дражайшую мою матушку!

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Декабря 22.

Порадуйтесь съ нами, матушка. Г. Грандиссонъ совершенно внѣ опасности: онъ почти уже встаетъ съ постели. Я нѣсколько дней не писалъ къ вамъ въ той надеждѣ, чтобъ дать вамъ наилучшее извѣстіе. Наконецъ могу я пользоваться симъ удовольствіемъ. Жалобы и слезы перемѣнились теперь въ величайшую радость. Какою благодарно-

дарностію одолжены мы Богу, что онъ сохранилъ такого полезнаго отца для его дѣтей! Поистиннѣ явное благословеніе небесъ, естьли люди наслаждаются долговременною жизнію, ибо они изливаютъ благополучія на всѣхъ тѣхъ, которые ихъ окружаютъ. Ахъ! что бы было, ежели бы мы имѣли нещастіе лишиться Г. Грандиссона? Вотъ уже приближается и время моего отъѣзда! Но могъ ли я оставить друга своего въ глубокой его печали? О! нѣтъ, чувствую, что такое усиліе было бы для меня несносно. Я бы всегда поставлялъ себя на мѣсто Карла. Не правда ли, что когда мы въ печали, то болѣе всего желаемъ, чтобъ съ нами были друзья наши? и не бываемъ ли мы

для нихъ любезнѣе во время болѣзни? О! это безъ сомнѣнія справедливо, по крайней мѣрѣ для меня, матушка. Подлинно могу я это сказать; мнѣ кажется, что я друга моего Карла никогда такъ горячо не любилъ, какъ въ то время, когда онъ былъ такъ печаленъ. Я бы желалъ быть участникомъ всѣхъ его страданій, чтобы его утѣшить; я бы желалъ раздѣлить его слезы, чтобъ онъ менѣе ихъ проливалъ; я бы на колѣняхъ къ вамъ писалъ, матушка, и сталъ бы просить васъ неотступно, чтобы вы позволили мнѣ здѣсь еще на нѣкоторое время остаться: но, благодаря Бога, дѣло кончилось щастливо; и я возвращусь къ вамъ съ спокойнѣйшимъ духомъ: ни что уже не помѣшаетъ мнѣ обнять

васъ

васъ и сестрицу, послѣ годовой разлуки. Какъ этотъ годъ былъ для меня вмѣстѣ и длиненъ и коротокъ! Онъ казался безконечнымъ, когда я разсуждалъ о удовольствіи къ вамъ ѣхать; и я удивлялся его скоротечности, когда думалъ о всемъ томъ, что должно мнѣ было сдѣлать, чтобы вы довольнѣе мною были. Какъ можно жаловаться на долговременность, разсматривая, съ какою скоростію время протекаетъ! она медлительнымъ кажется только для тѣхъ, которые не умѣютъ имъ пользоваться, особливо въ такомъ благословенномъ домѣ. Полезныя упражненія, поучительные разговоры, здоровыя увеселенія и невинныя удовольствія, все это дѣлаетъ день весьма скоротечнымъ. Я научил-

учился отъ Карла распредѣлять всѣ свои часы, и не отстану отъ того и при васъ самихъ, матушка. Я не буду болѣе печаленъ, какъ прежде сего бывалъ, находясь одинъ въ свободные часы. Я сдѣлаю ихъ для себя пріятными, упражняясь съ вами въ полезномъ чтеніи, слушая ваши мудрыя наставленія, а особливо разговаривая безпрестанно съ вами о моей къ вамъ любви, о моемъ желаніи вамъ нравиться, и о моихъ намѣреніяхъ доставить вамъ щастіе. Я составляю уже свое благополучіе изъ сей пріятной надежды, ожидая времени къ произведенію ея въ дѣйство. Прощайте, матушка: въ сію самую минуту мысленно васъ цѣлую.

---

*Вильгельмъ Д*** къ своей матери.*

Декабря 28.

Будущій четвертокъ, матушка, есть день моего отъѣзда. И такъ это письмо, которое вы отъ меня получите, будетъ послѣднее. Я думалъ, что буду здѣсь праздновать и Эмиліины имянины, которыя придутъ чрезъ недѣлю; но какъ одинъ другъ сего дома имѣетъ намѣреніе послѣ завтра отправиться въ Голландію, то Г. и Гжа. Грандиссонъ желаетъ, чтобы я воспользовался этимъ случаемъ къ большему своему удовольствію и безопасности въ пути.

Отъ чего же, матушка, я столько печаленъ? Мнѣ кажется, что я удаляюсь отъ сего до-

дома съ великимъ сожалѣніемъ, когда однакожъ оставляю его съ тѣмъ, чтобы возвратиться къ матушкѣ, которая для меня драгоцѣннѣе всего на землѣ. Я люблю Г. и Гжу. Грандиссонъ какъ моихъ истинныхъ благодѣтелей; люблю друга моего Карла, такъ какъ и себя; но васъ, васъ люблю я какъ мать свою, то есть болѣе всѣхъ. Не знаю, что происходитъ во внутренности моего сердца. Мнѣ хочется отправиться и опять остаться. Когда я съ Карломъ, то непрестанно проливаю слезы; беру его руку, сжимаю ее своими руками, прижимаю къ моему сердцу и говорю: о любезный другъ! ежелибы я могъ всегда быть съ тобою! Тутъ глаза его наполняются слезами, и онъ старается меня утѣшать

напоминая мнѣ, что онъ скоро меня посѣтитъ, и что между тѣмъ можемъ мы переписываться между собою. Сіи пріятныя обѣщанія облегчаютъ на нѣсколько времени мою печаль; но вскорѣ она опять возобновляется съ большею силою. Конечно для меня должна быть гораздо чувствительнѣе наша разлука. Гдѣ сыщу я другаго такого друга? не ужели я его для того только и зналъ, чтобы объ немъ сожалѣть! О дражайшая матушка! какое удовольствіе доставляетъ дружба! для чего она много также приноситъ и печалей? Какъ тѣсно соединенъ я дружбою съ Карломъ! наши упражненія, наше ученіе и наши удовольствія, все между нами было общее; все соединяло наши мысли и наши чувство-

ствованія; а теперь должно разрѣшить сей пріятный узелъ! должно можетъ быть навсегда разлучиться! не могу безъ содроганія о томъ и подумать. — Я слышу, кто-то идетъ въ мою комнату, позвольте мнѣ на время оставить перо, чтобъ послѣ опять за него приняться.

Спустя час.

Знаете ли матушка, за чѣмъ любезный Карлъ приходилъ ко мнѣ? Я хочу о томъ вамъ сказать; онъ вошелъ съ веселымъ видомъ, и притворился, будто чему-то радуется. Но мнѣ казалось, что онъ недавно отеръ бывшія на глазахъ его слезы. Ты пишешь, Вильгельмъ, сказалъ онъ мнѣ? я опять уйду; жаль только, что помѣшалъ тебѣ. О! не уходи, любезный другъ,

отвѣчалъ я ему. Спѣшить мнѣ не къ чему; я и послѣ могу окончить письмо, когда мы побудемъ нѣсколько времени вмѣстѣ. Ахъ! мнѣ уже немного остается времени наслаждаться этимъ удовольствїемъ. Мы ходили долго по комнатѣ, не могши выговорить ни одного слова; наконецъ взялъ онъ вдругъ мою руку и спрашивалъ меня, буду ли я всегда его *другомъ*, буду ли къ нему часто писать, и *буду ли я радъ*, ежели онъ въ Голландїи насъ посѣтитъ? Вы можете представить, что я отвѣчалъ на такїе нѣжные вопросы. Тогда бросился онъ мнѣ на шею, и сжавъ крѣпко меня своими руками, сказалъ мнѣ: будь всегда щастливъ, и люби друга твоего Карла. Никогда не найдешь

ты

ты никого, кто бы тебя такъ любилъ, какъ я. Продолжай теперь твое письмо и не выходи до тѣхъ поръ, пока его не окончишь. Я хотѣлъ ему отвѣчать, но онъ скоро отъ меня ушелъ; что самое весьма меня удивило. Удивленіе мое еще болѣе умножилось, когда увидѣлъ я на столѣ золотую табакерку съ его портретомъ, которой столько на него походилъ, что я весьма имъ былъ тронутъ. Я тотъ же часъ вышелъ его поблагодарить. Но, ахъ! кто знаетъ, увижу ли я его болѣе? Я помню, что выходя вынулъ онъ платокъ свой, чтобъ отереть текущія изъ глазъ слезы. О Боже! не уже ли я не буду болѣе съ нимъ видѣться до самаго моего отъѣзду? Не могу ни минуты быть въ такой не-

извѣстности. Я долженъ немедленно войти, чтобы еще застать его, и такъ крѣпко прижму его къ моему сердцу, чтобы онъ не могъ отъ меня удалиться.

Спустя часъ.

Ахъ! я точно отгадалъ, матушка. Въ послѣднїй разъ тогда обнималъ меня любезный мой другъ. Я вышелъ въ залу; нашелъ тамъ **Г. и Гжу.** Грандисонъ, Эдуарда и Эмилїю; но Карла уже не было. Я поблѣднѣлъ и задрожалъ; колѣна мои подогнулись, и я не могъ съ мѣста двинуться. Гжа Грандиссонъ примѣтила это, подошла ко мнѣ, посадила меня возлѣ себя и спросила: каковъ мнѣ кажется портретъ ея сына? Я по-

поцѣловалъ ея руку, ничего не отвѣчая. Она въ другой разъ о томъ же меня спросила. Тогда я ей сказалъ прерывающимъ голосомъ, что я нахожу въ немъ великое сходство, и что онъ есть наиприятнѣйшій подарокъ, которой я могъ когда-либо получить. И такъ, продолжала она, ты возмешь Карла съ собою въ свое отечество? Я надѣюсь, что онъ послужитъ тебѣ утѣшеніемъ. Ахъ, дражайшая благодѣтельница, отвѣчалъ я ей: этотъ Карлъ, котораго я везу съ собою, не будетъ со мною говорить; при сихъ словахъ полились изъ глазъ моихъ слезы. Чувства, сказала она мнѣ, которыя оказываешь ты къ моему сыну, меня тронули. Я чувствую, чего стоитъ твоему сердцу

его разлука: но успокойся; ты увидишь его въ Голландіи скорѣе, нежели думаешь; и когда онъ пробудетъ съ тобою нѣсколько времени, то я попрошу твою матушку, чтобы она отпустила тебя къ намъ вмѣстѣ съ нимъ. Я весьма рада, что сынъ мой выбралъ себѣ такого достойнаго друга. — Я сталъ на колѣни, но не имѣлъ силы произнесть ни одного слова. Этимъ условіемъ долженъ ты быть доволенъ, сказалъ мнѣ Г. Грандиссонъ, подымая меня за руку. Но по чемужъ оно умножаетъ только твою печаль? Молодой и столько умной человѣкъ, какъ ты, долженъ имѣть столько твердости, чтобъ могъ покориться безъ роптанія необходимости. Вотъ тебѣ письмецо отъ моего сына. Онъ хотѣлъ по-

показать тебѣ своимъ примѣромъ, что можно изъяснять свои чувствія и въ письмѣ такъ же хорошо, какъ и на словахъ. Я принялъ письмо дрожащею рукою. Какъ! развѣ я не увижу болѣе моего друга, вскричалъ я, испустивъ тяжкой вздохъ? Онъ сей часъ уѣхалъ, отвѣчалъ мнѣ Г. Грандиссон, къ своему дядѣ Камплею, и пробудетъ у него нѣсколько дней. Онъ опасался, чтобы отъѣздъ твой не принесъ бы вамъ и тому и другому великаго огорченія. Сими ужасными словами былъ я пораженъ, какъ громовымъ ударомъ. Эдуардъ, Эмилія, Г. и Гжа. Грандиссонъ наичувствительнѣйше утѣшали меня въ моей печали; но я тѣмъ болѣе огорчался. Наконецъ Г. Грандиссонъ, желая разсѣять печальныя мои

мысли, велѣлъ принести какой-то ящичекъ Онъ его открылъ, и сказалъ мнѣ: любезный Вильгельмъ, съ удовольствіемъ видѣлъ я, что ты великой охотникъ къ познанію Математики. Вотъ у меня есть инструментъ, которой можетъ для тебя служить въ твоемъ упражненіи. Эта наука, занимая твой разумъ, облегчитъ твою печаль, произшедшую отъ временной разлуки съ твоимъ другомъ, пока наконецъ удастся ему опять съ тобою соединиться, и предаться вмѣстѣ съ тобою этой самой наукѣ. Сколько тронутъ я былъ, матушка, такою благосклонностію! Я нашелъ въ ящичкѣ не только полной дорогой инструментъ, но еще сверьхъ того и собраніе лучшихъ книгъ, касающихся до Геоме-

метріи и Астрономіи. СЪ какимЪ стараніемЪ буду я учиться, чтобы вамЪ болѣе нравиться! О, ежели бы и КарлЪ былЪ со мною! ежели бы и матушку и друга могЪ я вмѣстѣ подлѣ себя видѣть и цѣловать! АхЪ! я чувствую, что это было бы валичайшее щастіе на землѣ.

КакЪ скоро я вышелЪ оттуда, то тотчасЪ побѣжалЪ читать Карлово письмо, сЪ котораго и вамЪ посылаю копію; а то, которое писано собственною его рукою, поберегу я для себя, чтобы по крайней мѣрѣ имѣть всегда предЪ глазами ясное увѣреніе о его ко мнѣ дружбѣ, и чтобы изъявлять его портрету, которой всегда сЪ собою носить буду, всѣ чувствованія, коими только оно проникнуть меня можетЪ.

Про-

Прощайте, прощайте, любезная матушка: не могу вамЪ сказать, какЪ содрогается сердце мое, когда я подумаю, что уже послѣднее письмо пишу кЪ вамЪ отсюда. АхЪ! и не писавши кЪ вамЪ, не менѣе буду я вами заниматься до самыхЪ послѣднихЪ минутЪ моей жизни. Но какЪ сообразить между собою разныя движенія, которыя чувствую теперь вЪ одну и ту же минуту? Я весьма желаю кЪ вамЪ *возвратиться*, однакожЪ плачу, оставляя этотЪ домЪ. Но простите ли вы мнѣ, что я столько печаленЪ, когда сЪ тѣмЪ только и отъѣзжаю отсюда, чтобЪ прижать кЪ сердцу дражайшую мать? О! конечно простите, я вЪ томЪ увѣренЪ. Вы, матушка, имѣя сердце столько чувстви-

тель-

тельное, вы легко можете поставить себя на мѣсто вашего сына въ нынѣшнемъ трогательномъ моемъ состоянiи. Не видѣть болѣе Г. и Гжу. Грандиссонъ, которые столько ко мнѣ были благосклонны! не слыхать болѣе прiятнаго голоса Эмилiи, сей любезной подруги моихъ трудовъ и моихъ удовольствiй! оставить Эдуарда въ то время, когда я видѣлъ его, болѣе и болѣе удостоивающагося любви и нѣжности своихъ родителей! быть исторгнуту изъ объятiй любезнаго Карла, которой занимаетъ половину моего сердца, и которому я одолженъ всѣмъ, что можетъ меня сдѣлать менѣе недостойнымъ вашей любви! о, сколько же долженъ я васъ любить, чтобъ успокоиться

ся отъ такихъ несносныхъ мыслей.

Это письмо отправится прежде моего отъѣзда; но я буду уже на дорогѣ, когда оно до васъ дойдетъ. И такъ при всякой строчкѣ, при всякомъ словѣ, которыя вы въ письмѣ читать станете, я буду къ вамъ болѣе и болѣе приближаться. О! естьли бы я къ вамъ прїѣхалъ въ то самое время, когда вы будете его дочитывать, дабы самолично могъ засвидѣтельствовать предъ вами то, чего оно изобразить не можетъ! Прощайте въ послѣднїй разъ, любезная матушка; прежде, нежели эта недѣля окончится, буду я въ вашихъ объятїяхъ, буду получать ласки ваши и сестрицины. Я вамъ обѣимъ скажу, и вы

почувствуете то еще болѣе изъ моей радости, что я для того только и живу, чтобы васъ любить, чтобы посвятить вашему благополучїю всѣ свои чувства, всѣ мысли и всѣ минуты своей жизни.

П. П. Присовокупляю здѣсь копїю съ письма друга моего Карла.

---

*Копїя съ письма Карла Грандиссона къ Вильгельму Д***.*

Ты можетъ быть удивишься, любезный Вильгельмъ, что я не воспользовался до самой послѣдней минуты тѣмъ малымъ временемъ, которое могла бы еще препроводить вмѣстѣ; но ежели бы зналъ, какїя печальныя мысли представлялись мнѣ о нашей разлукѣ: то

ты бы вѣрно не удивлялся тому намѣренію, которое я предпринялъ съ дозволенія моихъ родителей. Переносить вдругъ печаль собственную и печаль моего друга, мучительное бы было усиліе для моего сердца, такъ какъ я думаю и для твоего! Сверьхъ того я бы долженъ былъ раздѣлять прискорбіе всѣхъ нашихъ домашнихъ, которые конечно со слезами съ тобою разлучатся. За нѣсколько дней можно было тебѣ примѣтить всеобщую печаль въ разсужденіи приближенія твоего отъѣзда. Ты бы самъ былъ ею тронутъ; и я не могъ бы тебя болѣе утѣшать. Для сего-то, любезный другъ, просилъ я батюшку, чтобы онъ позволилъ мнѣ вдругъ уѣхать и провести нѣсколько дней

у

у дядюшки. Но не думай однакожъ, чтобы это намѣренїе не стоило мнѣ никакого усилїя. Естьли бы ты зналъ, съ какимъ принужденїемъ предпринималъ я его. . . . . Но за чѣмъ воспоминать о своихъ печаляхъ, когда можемъ заняться между тѣмъ какою нибудь матерїею, служащею къ взаимному нашему утѣшенїю? Батюшка, думаю, давно уже тебѣ сказалъ, что онъ позволитъ мнѣ на будущїй годъ побывать нѣсколько времени у тебя, и по томъ опять привести тебя къ намъ. Между этимъ временемъ мы можемъ вести переписку между собою всякую недѣлю, и такимъ образомъ вливать другъ другу въ сердца нѣжныя чувствованїя, которыми мы проникнуты. Кто помѣшаетъ намъ

употреблять на это то самое время, которое употребляли мы на наши разговоры? И такЪ мы будемЪ воображать, что мы вмѣстѣ; и повѣрь мнѣ, любезный другЪ, что и сїя мечта имѣетЪ также свои прїятности. Я часто чувствовалЪ, когда мы бывали разлучены на нѣсколько часовЪ, что мои мысли и чувства еще болѣе кЪ тебѣ прилѣплялись. Мнѣ казалось, что я тебя еще болѣе люблю, еще болѣе имѣю удовольствїя тебя видѣть и слышать. Правда, что ничто тогда не нарушало сего удовольствїя; ибо оно не далеко отЪ насЪ было; но ежели теперь разлука наша и долго продолжится, то по крайней мѣрѣ мы разлучены не навсегда и даже не на слишкомЪ долгое вре-

время. Подумай о нещастіи тѣхъ, которые принуждены бываютъ безнадежно оставлять хорошихъ друзей и нѣжныхъ родителей, и странствовать по неизвѣстнымъ странамъ, гдѣ не могутъ ничего объ нихъ и слышать. Благодаря Бога, наше разлученіе не такъ горестно будетъ. Естьли ты меня оставляешь, то оставляешь для того, чтобы полетѣть въ объятія такой матери, которая тебя любитъ, и такой сестры, которая тебя почитаетъ; утѣшься тѣмъ, что я остаюсь съ такими людьми, которые безпрестанно будутъ мнѣ о тебѣ говорить; ты въ сердцѣ своемъ понесъ мое почтеніе и мою дружбу, будучи увѣренъ, что и ты оста-

вилѣ въ моемъ тѣже чувствованія.

Прощай же, любезный Вильгельмъ, люби меня всегда; вспоминай иногда обо мнѣ въ разговорахъ съ своею сестрицею и матушкою; не забывай моего портрета, которой напоминать тебѣ будетъ о моей дружбѣ.

Прости; еще разъ цѣлую тебя со всѣми чувствами искреннѣйшей любви, и пребываю навсегда твоимъ вѣрнымъ другомъ.

Карлъ Грандиссонъ.

Заключеніе.

Молодой Вильгельмъ Д*** отправился въ назначенный день въ Голландію. Разлука его стоила многихъ слезъ Г. и Гжѣ. Грандиссонъ, Эдуарду и Эмиліи.

лїи. Онъ осыпалъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ нѣжнѣйшими ласками за своего друга.

Путь его былъ благополученъ. Онъ принятъ былъ своею матерью съ неописанными восторгами радости и любви. А что касается до маленькой его сестры, то она была долгое время какъ сумасшедшая отъ удовольствїя, которое ощущала при взглядѣ на любезнаго своего брата.

Карлъ и Вильгельмъ вели между собою прїятную переписку, которая служила не только къ сохраненїю ихъ нѣжной любви, но еще изощренїю ихъ разума и къ поданїю имъ прїятнаго и непринужденнаго въ письмѣ слога.

Карлъ не прїѣзжалъ въ Голландїю по обѣщанїю къ своему

дру-

другу, ибо на другой годъ имѣлъ удовольствіе, видѣть его пріѣхавшаго въ Англію съ своею матерью, которая будучи родомъ Агличанка, рѣшилась возвратиться въ свое отечество, чтобы тамъ навсегда поселиться.

Спустя нѣсколько времени послѣ Вильгельмова отъѣзда, Карлъ опредѣленъ былъ къ молодымъ Принцамъ. Онъ умѣлъ сдѣлаться достойнымъ ихъ уваженія и дружбы, такъ какъ и любви всѣхъ придворныхъ людей.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ по томъ женился онъ на знатной и богатой дѣвицѣ. Хотя красота ея и дѣлала ее любви достойною; однакожъ она еще любезнѣе была по природнымъ

своимъ качествамъ и великимъ дарованіямъ. Карлъ скоро получилъ отъ сего союза такое щастіе, какое только нѣжное и благородное сердце въ семъ свѣтѣ вкушать можетъ.

Эдуардъ, будучи ободренъ примѣромъ своего брата, велъ себя весьма похвально, и вскорѣ дослужился до знатныхъ чиновъ, оказавши при разныхъ обстоятельствахъ благоразуміе и неустрашимость.

Нѣжная и чувствительная Эмилія, будучи украшена всѣми приличными своему полу пріятностями, была взыскана въ супружество многими молодыми дворянами. Но ни чины, ни богатство, ни стройность тѣла, не могли ее прельстить. Эмилія желала имѣть супругомъ

своимъ человѣка, отличившагося добрымъ поведеніемъ, благоразумными чувствованіями и душевными свойствами. Она имѣла щастіе найти такого супруга въ другѣ брата своего, Вильгельмѣ Д***, которой плѣнилъ ея сердце своимъ разумомъ, дѣятельностію и справедливостію; досталъ себѣ такой чинъ, которой могъ польстить ея честолюбію и сдѣлать его супругу совершенно щастливою.

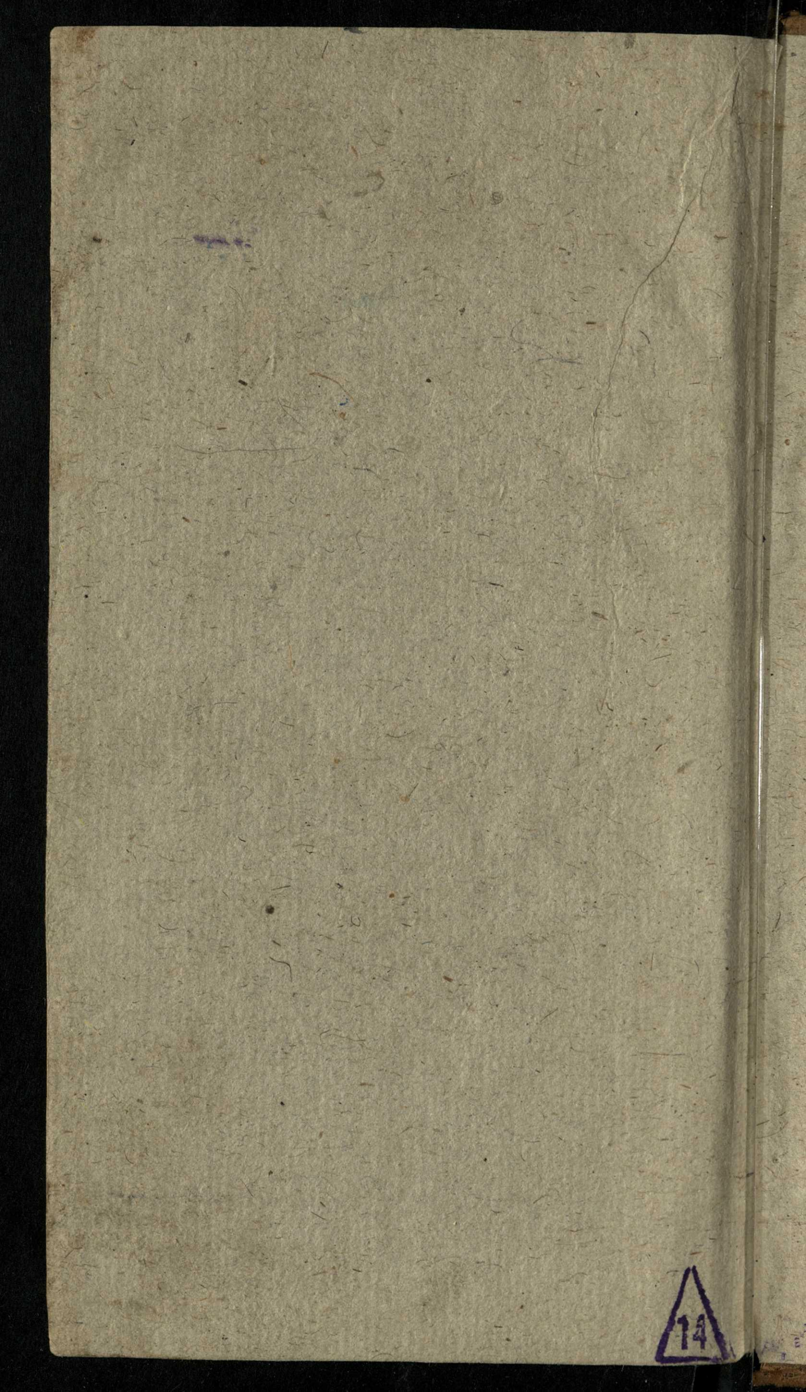
Младшая его сестра еще не за мужемъ; но она живетъ въ пріятнѣйшей связи съ Эмиліею, которая всячески старается сыскать ей достойнаго жениха.

О ежели бы примѣръ сихъ возлюбленныхъ юношей могъ возбудить благородную ревность

ность въ молодыхъ моихъ читателяхъ, и внушить въ нихъ любовь къ честности и добродѣтели, увѣря ихъ, что она есть единое только благо, которое можетъ составить совершенное на землѣ щастїе!

КОНЕЦЪ.

14

